В. РЯБОВ

# СЕНГИЛЕЙ

КНИГА ВТОРАЯ

В. РЯБОВ

# СЕНГИЛЕЙ

## (ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ РАЙОННОГО ГОРОДКА 1917—1945 г.г.)

г. Ульяновск
«Симбирская книга»
1996

ББК-85.14
Р 59

Печатается по заказу администрации Сенгилеевского района.

Сердечно благодарю главу администрации района Николая Алексеевича Емельянова, человека всесторонне развитого, с большим опытом хозяйственной и экономической работы, оказавшего неоценимую помощь в издании этой книги.

Моя искренняя благодарность директору Сенгилеевского краеведческого музея Александру Ивановичу Солуянову, внесшему необходимые поправки в текст рукописи, а также моему доброму редактору Петру Алексеевичу Драченко, во многом оказавшему помощь в подготовке рукописи к печати.

**Автор.**

В. РЯБОВ.
СЕНГИЛЕЙ (заметки о жизни районного городка 1917—1945 гг.)— Ульяновск. «Симбирская книга». 1996 — стр.

Рябов Валентин Алексеевич — участник Великой Отечественной войны. Живет в поселке Силикатный Сенгилеевского района Ульяновской области. Много лет занимается краеведением. Это вторая его книга о Сенгилее, охватывающая период с 1917 по 1945 гг. В местной газете публиковались его очерки о прошлом большинства населенных пунктов Сенгилеевского района.

JSBN-5-8426-0175-3

ББК-85.14
Р 59



## ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Каждый город в сознании человека ассоциируется с чем-то именно к нему подходящим. В старину говорили, что Петербург вызывает ощущение святости, Москва — гордыни, Нижний Новгород — торга, Сергиев Посад — смирения. Тында ассоциируется с необъятным простором, Нерчинск — с терпением. А ведь есть еще на белом свете городок Сенгилей. Он призван напоминать нам о Волге, о малой родине, чести и достоинстве человеческом.

По установившейся традиции осенью 1996 года сенгилеевцы должны бы отмечать очередной 330-летний юбилей со времени основания своего городка. Хотя и не очень круглая, но все же памятная дата.

Два года назад с помощью администрации района удалось издать книгу о Сенгилее, охватывающую период с 1666 по 1916 годы. В связи с приближением юбилея автор предпринял еще одну попытку привести в относительный порядок некоторые материалы по Сенгилею и его району за 1917—1945 годы.

Этот период в истории политической жизни России неразрывно связан (нравится это кому или нет) с идеей коммунизма и партией коммунистов. Из песни слова не выбросишь. Так уж получилось, что мы прожили всю свою сознательную жизнь при Советской власти. Видели

недостатки, упущения и перегибы в деле строительства коммунистического общества, и в большинстве своем критически относились к таким понятиям, как «окончательная победа социализма», «развитой социализм». Но как таковых коммунистических отношений у нас не было. Мы лишь слышали призывы к построению материально-технической базы коммунизма.

Но идея здесь не виновата. Коммунизм не мог потерпеть поражения: его просто не было. К восьмидесятым годам мы лишь намеревались создать его материально-техническую базу. Воспитать же высочайшую нравственность в людях не удалось. Даже в тех, кто призван был заниматься этим в первую очередь сам.

Теперь много стало ясно и нам есть что с чем сравнивать. Мы всегда были и будем благодарны Советской власти за то, что она нам гарантировала главное благо в человеческой жизни — право на труд, на образование и пусть небольшую, но регулярно выплачиваемую заработную плату.



# СМЕНА ЭПОХ

Затянувшаяся империалистическая война подорвала экономику России, вызвала неслыханную разруху. Население городка все сильнее стало ощущать недостаток продовольствия. Росла дороговизна, снижался и без того нищенский уровень жизни городской бедноты. Среди рабочих, кустарей и даже интеллигенции все чаще заходили разговоры о неспособности царя и его окружения вывести страну из тупика. Обсуждались слухи о волнениях в столице, крупных городах и в армии. Положение было серьезное. Родзянко телеграфировал императору: «В столице—анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствия и топлива пришел в полное расстройство.[1] Растет общественное недовольство. На улицах беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо поручить лицу, пользующемуся доверием страны, немедленно составить новое правительство[2]. Всяческое промедление смерти подобно».

Все ждали революции, говорили о ней, а когда она разразилась, не знали как быть. Ленин находился за границей. Царь Николай II сидел в ставке на фронте и на тревожные письма и телеграммы не отвечал[3]. Он окончательно поверил в революцию только тогда, когда в

его вагоне в Пскове появился Гучков вместе с Шульгиным. Им было поручено принять от государя письменный текст отречения от престола. Комитет Государственной думы 3 марта объявил о создании Временного правительства во главе с князем Львовым.

Официальная весть об отречении от престола самодержца Всероссийского по телеграфным проводам долетела до Сенгилея в ночь на 4 марта 1917 года.

Очевидец этих событий в Сенгилее Александр Матвеевич Уральцев в своих воспоминаниях писал: «Все население города — люди физического труда, мелкие чиновники, рабочие и торговцы, солдаты и офицеры, домовладельцы и домашняя прислуга ликовали. Почти ежедневно проходили митинги. Толпа восторженно встречала всех ораторов, которые славословили республику, провозглашали равенство, братство, единение. Участники митинга кричали «ура», а расходясь, пели: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног».[4]

Недовольство народных масс политикой царского правительства, самим Николаем II и особенно затянувшейся войной было всеобщее. Митинги показали, что даже в захолустном Сенгилее имеется значительное количество сторонников буржуазно-демократической революции. Люди сходились на том, что произошедшие события в Петрограде являются своеобразным прологом к царству свободы.

Но как будет управляться это демократическое царство — ясности не было. Поэтому на волне этих событий представители буржуазной интеллигенции, купечества, чтобы не дать разрастись революции, создали свой орган власти, назвав его Комитет общественной безопасности, в который вошли и представители большевиков.

Возглавил комитет сенгилеевский купец, владелец нескольких пароходов, пристани, самой крупной мукомольной мельницы и крупорушки Флегонт Михайлович Баукин. Его правой рукой по работе в комитете являлся врач А. А. Георгиевский, человек осторожный в принятии решений, каких сейчас называют прагматиками. Местные революционеры за эту лисью хитрость и осторожность ему приклеили на многие годы ярлык меньшевика. Он и на самом деле придерживался меньшевистской ориентации.



Заслуги его перед Родиной и народом были признаны позднее, когда он стал профессором медицины, был награжден высокими орденами СССР.

Разногласия между представителями диктатуры пролетариата, буржуазии и чиновничества возникли в первую же неделю посли создания комитета.

На одном из первых заседаний Саблин и Неклюдов от имени трудящихся стали настаивать на принятии решения о разоружении и аресте представителей свергнутой монархии — воинского начальника, приказавшего в 1914 году охране открыть огонь на сборном пункте по солдатам, отказавшимся пойти в армию. На протяжении всей войны эта кровавая драма будоражила сердца сенгилеевцев, а с началом революции вспыхнула с новой силой. Однако Комитет общественной безопасности требования Саблина, Неклюдова и некоторых других отверг, ссылаясь на распоряжение симбирского губернатора — силой пресекать только погромы и насилия.

Необходимости применения более суровых мер в губернии не было, о чем свидетельствует телеграмма губернатора в Петроград Министру внутренних дел: «Во вверенной мне губернии сохраняется полное спокойствие, к дальнейшему поддержанию которого мною принимаются все необходимые меры. Население приветствует установившийся порядок и готово приложить все силы на благо дорогой Родины». Телеграмма вроде бы успокаивающая. Но лукавил губернатор. Не все так хорошо было «в королевстве датском». Были случаи разгрома винных лавок, шли разговоры о еврейских погромах. Правда, в Сенгилее обошлось без этого. Тем не менеее рабочие и солдаты, не дожидаясь решения Комитета, разоружили и распустили полицию, стражников, арестовали исправника, надзирателей, воинского начальника и некоторых монархически настроенных офицеров. Вместо арестованного командира полка солдаты избрали на эту должность

капитана Грацианского[5], ставшего вскоре членом Сенгилеевского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В начале марта Временное правительство назначило в Сенгилей своего уездного комиссара. Им стал М. М. Валуев, ранее работавший здесь председателем уездной земской управы. В свое ближайшее окружение он подобрал знакомых ему по прежней работе меньшевиков и эсеров, выступавших с местным купечеством против революционной анархии рабочих, крестьян и солдатских масс.

«Через несколько дней, — писал С. К. Саблин, — получив газеты, рабочие узнали о возникновении в Питере Совета рабочих и солдатских депутатов. С этого момента стало ясно какой орган нам необходимо создать в нашем захолустном Сенгилее, чтобы и здесь отстаивать революцию и двигать ее дальше».

Во второй половине марта, в городке был избран первый Совет рабочих депутатов[6]. Но «...этот Совет, — писал в своих воспоминаниях А. М. Уральцев, — на первых порах еще был меньшевистско-эсеровским соглашательским. Вышедшая из подполья небольшая группа большевиков, в числе которых были братья Сергей и Андрей Саблины, А. И. и П. И. Жиртуевы, А. С. Яшков, С. Д. Неклюдов, братья Симоновы, прапорщики Раман, Покровский и некоторые другие не могла еще сразу овладеть положением дел. Совет захлестывала мелкобуржуазная волна оборонческих иллюзий». Правда, продолжалось это недолго.

Совет все более решительно стал выступать против сотрудничества с местными органами Временного правительства против затянувшейся войны и земельной реформы, вторгаться в деятельность местных органов, земского и городского самоуправлений.

Борьба между буржуазным комитетом и революционно настроенными рабочими и солдатами все более обострялась, авторитет Совета рос. Но большевики Сенгилея не успокаивались на достигнутом, сочетали борьбу за расширение своего влияния в Совете с борьбой за улучшение экономических условий жизни рабочих и крестьян с расширением их политических прав.



В частности, на цементном и химическом заводах Сенгилеевский Совет рабочих и солдатских депутатов организовал проверку условий труда. О выявленных недостатках и сроках их устранения было объявлено во всех цехах. Но администрация предприятия, посчитав, что Совет превысил свои полномочия, не торопилась выполнять требования. В ответ рабочие объявили забастовку, в процессе которой были созданы заводские комитеты. Рабочие устранили директоров, потребовали их ареста, избрав вместо них директором цементного завода штабс-капитана Андреева, директором химического завода — прапорщика Кондратова, добились установления восьмичасового рабочего дня.

Упорную борьбу против фабриканта Григория Кузнецова вели рабочие Екатериновской суконной фабрики. Их фабричный комитет не только ввел явочным порядком восьмичасовой рабочий день, но и установил повышенные расценки труда. На общем собрании уполномоченных рабочего комитета председатель собрания Василий Васильевич Шурупов предложил: «для блага нашего общего дела примкнуть к Симбирскому Совету рабочих и солдатских депутатов, через посредство которого мы должны действовать для устройства нашей общей жизни». Собрание постановило: «Примкнуть к Симбирскому Совету рабочих и солдатских депутатов». 4 апреля собрание избрало своими представителями в Симбирский Совет Егора Павловича Клетанина, Степана Степановича Спирина, Семена Андреевича Коровина и от магометан Сигатуллу Шамшетдинова.

Фабрикант Кузнецов все имевшиеся на фабрике запасы продовольствия распродал на сторону и пытался голодом привести в повиновение рабочих, грозил закрыть фабрику.

По совету симбирских большевиков рабочий комитет решил ввести рабочий контроль на производстве. Под руководством Петра Федоровича Маракина были выработаны инструкции:

1. С целью недопущения остановки производства проверить все материалы, имеющиеся на фабрике;

2. Просмотреть все оборудование корпуса и уточнить своевременно ли оно ремонтируется. Результат внести на обсуждение рабочего народа;

3. На воле, вне корпуса, «проверить сортовой двор, амбар, где хранится пряжа и материалы, амбар с продуктами, фабричную лавку, больничную аптеку»;

4. Все поступающие на фабрику продукты: хлеб, масло, мясо, чай, сахар, табак проверить и доложить рабочим. Если контора будет сопротивляться, то ответственность ляжет на фабриканта. Если с его стороны будет какое-то сопротивление, то он по постановлению профсоюза будет арестован.

Через некоторое время под председательством П. Ф. Маракина состоялось второе заседание рабочего комитета. Вызвано оно было тем, что фабрикант Кузнецов в принудительном порядке распространял, а иногда просто заставлял кассира вместо заработанных денег выдавать рабочим облигации «Займа свободы». Фабком постановил: «вернуть их в контору у кого они есть, а взамен рабочим выдать деньги».[9]

Выступления рабочих против капиталистов способствовали усилению крестьянского движения в селах. «Выживая» из дворянских гнезд помещиков, крестьяне снимали с сельскохозяйственных работ военнопленных, изгоняли с полей наемных сельскохозяйственных рабочих. В Поповской и Дворянской волостях крестьяне самоуправно захватили земли фабриканта Шатрова, в Горюшинской волости были взяты в общий передел земли местных отрубщиков. Жители села Криуши увезли из помещичьих амбаров около тысячи пудов хлеба.

Крестьяне одного из самых малоземельных сел уезда Каранина самовольно запахали землю предпринимателя Бажанова, растащили часть его имущества, увели скот. По этому поводу управляющий имением телеграфом просил губернского комиссара Головинского Ф. А. прислать солдат, чтобы возвратить имущество, скот и решить вопрос с землей.



В Старотукшумско-Кротковской волости к осени все помещики из сел выехали в города, имущество распродали. Из имевших землю остались только Кавокины. Покушения на их землю со стороны крестьян были, но ни Сенгилеевский уездный комитет общественной безопасности, ни губернский комиссариат в решении этого конфликта участия не принимали.

Эсеры пытались удержать крестьян в повиновении Временному правительству, особенно в Кроткове. Их настойчиво уговаривали не нарушать сложившуюся практику владения землей. Руководитель симбирских эсеров А. А. Знаменская через «Народную газету» даже обращалась «Ко всему крестьянству, к гражданам земледельцам» с открытым письмом, в котором она призывала крестьян не нарушать установленных порядков владения землей, не поддаваться волнениям «...в особенности надо избегать того, чтобы в каждом селе этот вопрос не решался по-своему». ...Вспомните 1905 год, — призывала она, — «Как тогда были обмануты ваши надежды... Не повторяйте же сделанные ошибки»[10].

Но влияние эсеров на крестьян падало. Созванный 10 сентября уездный крестьянский съезд при обсуждении вопроса какую партию поддерживать на выборах в Учредительное собрание, раскололся пополам. За большевиков стояла бедняцкая часть, за эсеров — кулацкая. В итоге таких разногласий делегаты съезда разъехались по своим селам так и не приняв окончательного решения.

1917 год был митинговый. Редкая неделя проходила без многолюдных митингов и собраний. В июле, например, Сенгилей посетили эмиссары по вербовке добровольцев в «батальоны смерти» на фронт. После призывной речи увешанного георгиевскими крестами оратора начались прения. Сначала переругивались, пытаясь доказать бесперспективность этой затеи, а после резкого выступления С. К. Саблина дело чуть не дошло до кулачного боя.

Эмиссары убрались восвояси, так и не завербовав ни одного человека в «батальоны смерти». На пристань их провожали оглушительным свистом и улюлюканьем.

Полугодовая практическая деятельность Сенгилеевского Совета выявила его сильные и слабые стороны. Одни из членов Совета твердо стояли на защите интересов трудящихся, всеми силами добивались выполнения принятых Советом решений, другие обнажили свой эсеро-меньшевистский уклон и при каждом удобном случае старались увильнуть от решения насущных вопросов или решить их не так, как требовали интересы дела. Между тем в городе появилось немало инициативных большевиков, преданных делу революции, которые могли принести пользу общему делу.

Поэтому на 20 октября 1917 г. и были назначены перевыборы Сенгилеевского Совета рабочих депутатов. Благодаря мощной поддержке рабочих и солдат местного гарнизона перевыборы прошли организованно. В состав Совета оказались избраны, в основном, большевики, среди которых были прекрасно зарекомендовавшие себя на общественной работе С. Д. Неклюдов, М. Алексеев, Я. Маракин, Еремеев и другие.

Сенгилеевскому Совету предстояло избрать толкового, грамотного, стоящего на большевистской платформе делегата на Второй Всероссийский съезд Советов. Таким делегатом подавляющее большинство членов Совета назвало прапорщика 165 запасного пехотного полка Артамона Яковлевича Рамана, большевика по убеждениям. Ему и был вручен наказ рабочих, солдат и беднейших крестьян уезда «передать всю полноту власти в центре и на местах Советам народных депутатов».

После возвращения Артамона Яковлевича из Петрограда 5—8 (18—21) ноября в Сенгилее состоялось совместное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, полкового комитета и других общественных организаций. На этом заседании Раман доложил собравшимся, что в Петрограде рабочие и солдаты свергли Временное правительство, власть полностью перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, что второй съезд Советов образовал новое правительство во главе с В. И. Лениным, принял декреты о власти, о мире и земле.



Докладчик призвал собравшихся поддержать новое правительство и внес предложение немедленно передать всю полноту власти в городе и уезде в руки Советов.

После этого заявления развернулись бурные дебаты. Представители большевиков безоговорочно поддержали предложение докладчика, представители буржуазии — эсеры и меньшевики — настаивали на сохранении прежних порядков в уезде, предлагали ждать указаний сверху, воздержаться от выступлений, чтобы дать возможность населению спокойно провести выборы в Учредительное собрание. Представитель меньшевиков А. А. Георгиевский возможный акт передачи власти в руки Советов назвал авантюрой и поводом к началу братоубийственной войны.

Прапорщик 165 запасного пехотного полка Гутерман заявил, что необходимо воздержаться от всяческих выступлений, чтобы дать возможность населению спокойно провести выборы в Учредительное собрание и не вызвать на этой почве нежелательных эксцессов.

В связи с отсутствием кворума и затянувшимся обсуждением вопроса собрание прервало свою работу. Было решено возобновить ее 8 (21) ноября в 7 часов вечера.

На этот раз на обсуждение собрания были предложены три проекта резолюций: прапорщик Крылов внес предложение: «...ввиду невыяснившегося положения, никаких резолюций не выносить»; Городская управа в своем проекте решения призывала «...к событиям относиться спокойно и впредь до выборов в Учредительное собрание ...исполнять распоряжение органов власти на местах, созданных распоряжениями Временного правительства; Совет рабочих и солдатских депутатов в своем проекте резолюции выдвинул требование о передаче власти Совету, но против того, чтобы «нейтрально относиться к конструированию власти и ждать разрешения вопроса в центрах».

В итоге обсуждения Крылов свой проект резолюции снял. Второй проект резолюции был отклонен участниками собрания как явно контрреволюционный. Большинством голосов прошла резолюция Совета.

Итак, резолюция Совета была принята, а власть в руки Совета не перешла. По мнению А. И. Солуянова, тщательно изучавшего этот документ, основательно попорченный пожаром, он означает, что главным содержанием резолюции Совета было: «...ждать разрешения вопроса в центрах». Поэтому прапорщик В. Ветлицкий и предлагал послать делегатов в Петроград и Москву для связи и точного выяснения происшедших там событий. Предложение было принято, Ветлицкого командировали в обе столицы, а Сафронова и Уколова—в Симбирск.[13] Всячески сопротивляясь переходу власти в руки Совета, местная контрреволюция во главе с кадетами, меньшевиками и эсерами возлагала большие надежды на Учредительное собрание, поэтому и оттягивала время принятия резолюции о власти.

10 (23) декабря 1917 г. Симбирский Совет рабочих и солдатских депутатов взял всю полноту власти в свои руки, образовал военно-революционный комитет Совдепа, который 12 декабря направил телеграмму во все уезды губернии: «Военно-революционный комитет Симбирского Совдепа доводит до сведения — в Симбирске власть Советов»[14].

12 декабря в Сенгилее состоялось экстренное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. Обсуждался вопрос о власти в связи с телеграммой из Симбирска и Казани. Было принято единогласно следующее решение: «Ввиду получения официальных сведений из столицы и других городов, а также из Симбирска о переходе власти к Советам», Сенгилеевский Совет рабочих и солдатских депутатов постановляет: «немедленно взять власть в уезде в свои руки и объявить всему уезду о присылке депутатов для выборов власти».[15]

На следующий день 13 (28) декабря в 11 часов ночи состоялось пленарное заседание Совета. Заседание продолжалось до двух часов ночи. На голосование было предложено три проекта резолюции: первая — исполкома Совета от 12 декабря о немедленном взятии власти в руки Совета без всяких дальнейших проволочек; вторая резолюция, в которой предлагалось «созвать представителей крестьянства и тогда решить вопрос окончательно»; в третьей говорилось: «От взятия власти в данный момент воздержаться, созвать уездный крестьянский съезд для решения этого вопроса».



Подавляющее большинство голосов собрала резолюция о немедленном взятии власти в руки Совета. В ту же ночь это решение было претворено в жизнь. Совет и его аппарат перешли из здания бывшего полицейского управления в здание уездной земской управы; были заняты казначейство, почта, телеграф и другие учреждения Временного правительства. Однако буржуазия и ее сторонники сделали еще одну попытку сорвать деятельность Совета. 14 декабря никто из служащих исполкома и других учреждений на работу не вышел. Закрытыми оказались и двери школ.

Утром 14 декабря бывшие градоправители вместе с меньшевиками и эсерами собрали общегородское собрание служащих учреждений и объявили бойкот Совету. Для руководства забастовкой избрали специальный комитет. Тем из служащих, кто пойдет на сотрудничество с Советом, угрожали «презрением и бойкотом». Чтобы сломить саботаж служащих, исполком Совета образовал Ревком из шести человек (С. Д. Неклюдов, С. К. Саблин, А. Я. Раман и др.), предоставив ему широкие полномочия по решительному подавлению саботажа чиновников и других контрреволюционных выступлений. К вечеру организаторы сборища служащих были арестованы. Находившийся в типографии текст контрреволюционного воззвания к крестьянам был конфискован и набор его рассыпан. Неспокойно было в эти дни в Сенгилее. Городские обыватели, которые весной и летом любили с красными бантами на груди расхаживать по улицам городка, а на митингах славословить революцию, свободу, равенство и братство, попрятались и, трусливо сохраняя нейтралитет, шипели в своем кругу насчет узурпаторства большевиков. Реакционное офицерство подстрекало колеблющихся солдат, выходцев из кулацкой верхушки деревни разогнать Совет и арестовать его вожаков — братьев Саблиных, Неклюдова, Жиртуева и других. Пришлось организовать круглосуточ-

ную охрану Совета. Во избежание всяких неожиданностей руководящее ядро исполкома большую часть суток проводило в Совете, а для охраны порядка и спокойствия в городе на добровольных началах был создан отряд самоохраны.

28—29 декабря 1917 года в Сенгилее состоялся первый уездный съезд Советов. Председателем его был избран В. Н. Фролагин, секретарем С. Покровский.

Избранный на съезде исполком организовал аппарат Совета[16]: уездный комиссариат внутренних дел возглавил большевик А. Миронов, комиссариат финансов Кузнецов, заведовать комиссариатом юстиции было поручено эсеру-максималисту А. Прудникову, был создан комиссариат социального призрения во главе с В. Долбилиным (беспартийный), комиссариат просвещения возглавлял П. Горановский, а комиссариат почт и телеграфа Крыпаев (большевик). На добровольных началах была создана первая красногвардейская рота и боевой отряд «защиты революции» во главе с большевиком А. Стафеевым.



# ПЕРВЫЕ ШАГИ

К началу 1918 г. в состав Сенгилеевского уезда входили 15 волостей — Белоозерская, Горюшкинская, Карлинская, Кузоватовская, Малоборлинская, Новодевиченская, Поповская, Сенгилеевская, Собакинская, Старотимошкинская, Старотукшумско-Кротковская, Тереньгульская, Уваровская и Шигонская. В феврале 1918 г. из сел Сенгилеевской и Старотукшумско-Кротковской волостей была образована еще Русско-Бектяшкинская волость.

Деятельность Сенгилеевского Совета, как известно, началась с 13 декабря 1917 г. Его исполнительный комитет первоначально состоял из двух секций — рабочей и солдатской. На уездном крестьянском съезде, состоявшемся 28—29 декабря 1917 г., была организована крестьянская секция. В нее вошли по одному человеку от 13 волостей. Две волости своих представителей не прислали. В избрании исполкома крестьянской секции Совет не разрешил участвовать представителям от земской управы и волостных земельных комитетов.

Съезд обратился к трудовому крестьянству уезда с призывом усилить борьбу за власть Советов во всех волостях, селах и деревнях.

Более активно эта работа проводилась в населенных пунктах, где имелись крупные помещичьи землевладения, менее активно шла в бывших удельных селах. Первой 23 января 1918 г. власть Советов была установлена в Старотукшумско-Кротковской волости, а последней 16 марта — в Новодевиченской. В отдельных селах этот процесс продолжался до конца марта и даже до начала апреля.

Основными инициаторами создания Совдепов в волостях и селах были солдаты-фронтовики. Среди них имелось немало сочувствующих и большевикам, и меньшевикам, и эсерам. Деталей программ этих партий они, как правило, не знали, но твердо уяснили одно: раз народ победил во время Октябрьской революции, значит власть должна быть народная, земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает.

7 января 1918 года с помощью Симбирского и Сызранского комитетов РСДРП(б) в Сенгилее организационно оформилась городская большевистская организация. До этого она действовала как фракция Совета. В состав большевистского комитета вошли С. К. Саблин, А. А. Яшков, бывший прапорщик 165 запасного полка А. Миронов и бывший офицер того же полка 28-летний Сергей Владимирович Покровский.

Кто был ее первым руководителем — автору не известно, но с апреля 1918 г. возглавлял, как тогда говорили, «сенгилеевскую партию» 29-летний Владимир Васильевич Сильнов, счетовод по специальности. 18 января 1918 г. Сызранский комитет большевиков сообщал в ЦК РСДРП(б): «В Сенгилее образован комитет нашей партии, которому мы по силе возможности будем помогать»[17].

По мере создания Советов, а чаще с опережением, шло разрушение существующих структур власти. Сразу же после первого уездного съезда Советов по настоянию большевиков были ликвидированы Комитет общественной безопасности, уездный исполнительный комитет, отстранен от должности уездный комиссар, а перед новым 1918 годом для контроля за работой городской думы и уездного земства, в которых работали, в основном, кадеты, правые эсеры, меньшевики, расходившиеся по многим вопросам



стратегии и тактики с большевиками и левыми эсерами, Советом была образована своя специальная комиссия. Поскольку среди членов комиссии специалистов, хорошо знающих специфику работы земских органов и городского хозяйства, особенно в вопросах финансов, не было, а преобладали люди с непомерными амбициями, основанными на классовых позициях, кроме бесполезных споров, комиссия ничего путного не сделала.

10 февраля исполком Сенгилеевского уездного Совета принял постановление об упразднении уездного земства и городской думы, выразил недоверие волостным земствам, а функции, выполнявшиеся ими, передал волостным Советам.

Таким образом вся старая управленческая система уезда была разрушена. Взамен ее предстояло создать новую. А пока, как бывает в любом обществе, проходящем через горнило социально-общественных потрясений, в уезде создалась неблагополучная общественно-политическая и острая криминогенная обстановка.

Сельские Советы только еще создавались, опыта — никакого. Люди в них пришли знакомые лишь с крестьянским трудом. В деревнях имелась масса оружия, привезенного с фронта, вплоть до пулеметов и гранат. На полулегальном положении находилось немало монархистов, кадетских активистов из числа бывших офицеров и унтер-офицеров, полицейских, сотрудников жандармерии, будораживших народ. Бесчинствовали матросы-анархисты, вообще не признававшие никакой власти. Терроризировали население выпущенные из тюрем преступники. Появился в уезде неизвестно кем созданный «шалый», полуэсеровского-полуанархистского типа конный отряд «Серые кречеты». Разъезжая по селам, грабил, разгонял Советы. И не находилось на него никакой управы. В городке и селах — ни керосина, ни мыла, ни спичек, не говоря уже о соли, ситце и других товарах.

Чтобы остановить этот разрушительный для общества вал, исполком Уездного Совета организовал комиссариат внутренних дел. В феврале при Совете создается следственно-юридический отдел. Ему подчинены вместо упразд-

ненных мировых судов вновь созданные суды волостные.

Уголовного кодекса РСФСР не было, и приговоры выносились «руководствуясь революционной совестью». В Сенгилее начал работать революционный трибунал, судивший «именем революции». Работала уездная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. В начале марта появились волостные ЧК.

В помощь карательным органам в каждой волости создавались отряды защиты революции. В Сенгилеевской таким отрядом командовал Дмитрий Николаевич Стафеев, выходец из бекетовских крестьян. Его отряду удалось выйти на «Серых кречетов», разоружить их и доставить в трибунал.

Чтобы придать более эффективный характер управлению подведомственной территорией, исполком уездного Совета создал комиссариаты: по военным обстоятельствам, почт и телеграфа, земледелия, жилищного хозяйства, просвещения, социального обеспечения, финансов, продовольствия, труда. Существовал при исполкоме и отдел по борьбе с пьянством.

С 27 марта начала выходить тиражом 300 экз. уездная газета «Известия Сенгилеевского Совдепа».

Уисполком сообщал губернскому Совету: «...в апреле организация правительственного механизма Сенгилеевского уезда завершена».

О том, какую работу провели исполком и его комиссариаты, речь шла на втором уездном съезде Советов, проходившем с 21 по 27 марта 1918 г.

«Земельный комитет, отметил председатель уисполкома Крыпаев, сразу же после его организации вместе с волостными и сельскими Советами занялся ликвидацией частновладельческих имений и распределением конфискованного живого и мертвого инвентаря среди малоимущего населения. Но, продолжал он далее, огромное количество отобранной у помещиков земли до сих пор еще не распределено, хотя на дворе уже весна. Надо бы засеять эту землю, но есть много семей, которые не имеют ни тягла, ни семян».



Обсуждение земельного вопроса продолжалось два дня, но какого-либо радикального решения съезд так и не принял. Было лишь оглашено, что для уезда из Уфимской губернии прибыло 4 вагона ржи, а из армии выделено 150 выбракованных лошадей.

Следующим слушался доклад комиссара по военным обстоятельствам Лаврентьева. Он отметил, что согласно декрету Совнаркома от 28 января об организации Красной Армии уездный исполком в первой половине февраля распустил 165 запасной пехотный полк, а возглавляемый им комиссариат сразу же приступил к формированию первого Сенгилеевского отряда Красной Армии, «хотя на первых порах население города к этому относилось не сочувственно. «Отряд в Сенгилее организован из 250 человек, 58 отправлено в Симбирск и еще 50 готовы к отправке. Для вооружения использованы винтовки, оставшиеся после расформирования 165 полка, а также и отобранные у населения».[18]

Штаб отряда имел 5 отделов: формирования и обучения (М. Б. Твержицкий), мобилизационный (Зимин и Кирюшкин), вооружения (М. Ф. Цифиркин), а также снабжения и финансов.

Приказ № 1 военного комиссара Лаврентьева гласил: «Всем должностным лицам отряда обратить внимание на соблюдение чистоты и порядка ...в казарме должна царить дисциплина, сознательно основанная на революционных началах».

Как сообщил съезду комиссар финансов Кузнецов, комиссариат финансов обложил городское купечество, мелких торговцев налогом на общую сумму 320 тыс. рублей. Кроме того, на первое полугодие 1918 года обложил всех остальных граждан города в возрасте от 18 до 55 лет по 6 рублей каждого.

Однако Сенгилеевское государственное казначейство находится совершенно без денежных знаков, так как поступление налогов на содержание уездного хозяйства вообще прекратилось.

«Учителя, — продолжал он, — уже несколько месяцев

«сидят без жалованья», содержать больницы не на что. «Сенгилеевская больница существует за счет частных пожертвований, главным образом за счет займа, сделанного у Ф. М. Баукина».

Городское население удовлетворено пайками только за январь и то за счет личных средств городского головы Ф. М. Баукина. От казны же ничего не получили».

Делегаты съезда решили все школы уезда передать в ведение народного комиссара по образованию и вменить ему в обязанность «обеспечение школ и учителей в финансовом и экономическом отношении». Съезд обязал комиссара по образованию Горановского «немедленно провести смету на 1918 год, дабы не рухнуло в уезде школьное и внешкольное дело образования».

По вопросу культуры съезд решил «немедленно организовать культурно-просветительские кружки при волостных и сельских Советах, развернуть деятельность по устройству лекций, спектаклей, библиотек-читален, снабжение населения книгами, газетами».

Съезд утвердил решение исполкома, гласящее: «для поддержания полного порядка внутренней жизни уезда и подавления контрреволюционных выступлений выдать каждому волсовету по 15 винтовок и по 60 боевых патронов на каждую винтовку». Но оружие быстро заговорило. Кое-кто из ретивых революционеров стал сводить старые счеты. Оппоненты начали отвечать тем же.

Поэтому уже в середине апреля исполком принимает новое решение: «Все винтовки отобрать в Совет; хранить же их у себя может только лицо, принадлежащее к Красной Армии, у которого на то должно быть удостоверение».

Чтобы волостные и сельские Советы могли вести хоть какую-то работу с населением, в Сенгилее открылись курсы по подготовке советских активистов-организаторов по два человека от каждой волости. Предусматривалось в течение недели дать им такие знания, чтобы они могли «разъяснить народу все насущные вопросы, касающиеся политической жизни республики».

В стране форсированными темпами шло формирование



Красной Армии и Флота. Уездный Совдеп 1 мая обратился к населению с призывом: «В Сенгилее формируется конный отряд защитников революции. Высылайте от каждой волости двух наиболее надежных защитников революции из кавалеристов или артиллеристов».

Через несколько дней заборы Сенгилея и сел уезда пестрели призывами уисполкома: «Товарищи моряки Балтийского Флота! Все, кто стоит за интересы пролетарской революции, спешите возвратиться на флот!». Волгарей на флоте служило много. Призывы Совета находили отклик среди возвратившихся. Десятками они уезжали на Балтику.

Время тогда было митинговое. Заседания, собрания, митинги проходили почти ежедневно и на каждом принимались пространные цветистые резолюции. Например, вот что писали 5 мая в обращении к уездному Совету красногвардейцы Сенгилеевского отряда: «Рабоче-крестьянская Красная Армия Сенгилеевского отряда при Сенгилеевском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов шлет вам наилучшие пожелания в деле освобождения бедных рабочих и крестьян от ненавистной буржуазии и их приспешников, которые до сего времени ведут борьбу и никак еще не могут примириться со свободно дышащей Россией и властью Советов, которые стоят на страже интересов рабочих и крестьян. Но пусть будет известно нашим дорогим избранникам в Совете, что за ними стоит ежеминутно готовая отдать свою жизнь рабоче-крестьянская Красная Армия и в частности Сенгилеевский отряд.

Военком М. К. Кириллов,

Секретарь Пименов».

Одним словом, войска рвались в бой, и случай для этого предоставился совсем скоро. 30 мая от начальника Симбирского Чрезвычайного военно-революционного штаба В. Г. Пеньевского поступила телеграмма: «В соседней Пензенской губернии восстали чехословаки. Возможно наступление на Симбирскую».

Чтобы понять все, что произошло в дальнейшем, нам необходимо вернуться к 1917 году и приоткрыть некоторые события из истории России.

# УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

«Лучшие люди почти сто лет жили идеей учредительного собрания — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно излить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и на каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян».

А. М. Горький «Несвоевременные мысли».

После февральской революции Временное правительство декларацией от 2 (15) марта 1917 года объявило, что оно удовлетворяет многочисленные требования русского народа о созыве Учредительного собрания, депутаты которого должны решить вопрос о дальнейшей судьбе Российского государства, его строе, структуре власти и составе правительства.

Выборы депутатов в Учредительное собрание были назначены на 12 (25) ноября 1917 года. Но 25 октября (7 ноября) произошла Октябрьская революция, состоялся 2-й Всероссийский съезд Советов.

Не останавливаясь на перепитиях внутрипартийной борьбы замечу, что кадеты, меньшевики и правые эсеры, являвшиеся делегатами съезда и составляющие его большинство, в знак протеста заседание покинули, и первое советское правительство было сформировано из большевиков и левых эсеров.

Возникла парадоксальная ситуация, при которой не учитывать предстоящие менее чем через три недели выборы в Учредительное собрание было нельзя, а отменить их — тем более, так как вера народа в то, что «Учредительное собрание единственно полномочный орган решить судьбу России с учетом интересов всех слоев населения». А с другой — без принятия съездом декретов о власти, о земле и мире революционный процесс на периферии развиваться не мог. Поэтому в первых декретах большевикам и левым эсерам пришлось сделать оговорку, что



декреты до утверждения Учредительным собранием носят временный характер.

12 (25) ноября 1917 года в России проходили первые в ее истории демократические выборы. Делегаты в Учредительное собрание избирались на основе всеобщего пропорционального голосования с тайной подачей голосов.

Всего было 14 списков представителей от различных партий и социальных групп. Симбирский комитет РСДРП(б) 9 сентября собрал специальную конференцию, на которой присутствовали большевики от Сенгилея и Сызрани. Такие же конференции провели меньшевики, эсеры, кадеты.

От Симбирской губернии в список № 10 (большевиков) были внесены Я. М. Свердлов, представитель от ЦК РСДРП(б) И. П. Жуков, М. Д. Крымов, А. Я. Никитин, Ф. М. Панин, М. А. Гимов, Н. Г. Соловьев, И. П. Емельянов, И. Е. Горновитов, И. С. Красильников. В списке № 2 (эсеры) был и представитель от Сенгилеевского уезда Почекуев, а от меньшевиков (список № 6) А. А. Георгиевский.

По данным окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание по Сенгилеевскому уезду было учтено 113 тысяч избирателей, но приняли участие в голосовании только 60881.

«По числу полученных голосов эсеровский список № 2 собрал 40796 голосов (в основном это были эсеры правой ориентации). Список большевиков собрал 7245 голосов (около 12 проц.) За этот список, в основном, голосовали солдаты и рабочие промышленных предприятий. Список № 5 (кадеты) получил 2202 голоса, список № 6 (меньшевики) набрал 1131 голос. Около 15 проц. голосов получили в общей сложности списки 9 остальных организаций».[19]

Общий расклад сил депутатов Учредительного собрания оказался следующим: большевики получили 175 мест, левые эсеры — 40, правые эсеры — 370, меньшевики — 15, кадеты — 17, народные социалисты — 20. Национальные группы представляли 86 депутатов эсеро-меньшевистской ориентации.[20]

На Учредительное собрание, созванное 5 января 1918 года, из 750 депутатов прибыло 420. Из них 155 представляли большевиков и левых эсеров, 265 — правых эсеров во главе с В. Черновым.

Такое соотношение сил создавало «реальную угрозу если не полной потери власти большевиками, то дележ ее с правыми эсерами».

Поэтому особенно острые прения возникли по поводу верховенства прав Учредительного собрания. Большевики и левые эсеры ранее его признававшие, теперь это верховенство категорически отвергали, а их оппоненты, наоборот, — отстаивали. В итоге по поручению В. И. Ленина Ф. Раскольников огласил Декларацию об уходе большевиков с заседания Учредительного собрания, возлагая вину за это на правоэсеровское большинство.

После перерыва на поименное голосование был поставлен выдвинутый правоэсеровской фракцией проект «Основной части Закона о земле». Он провозглашал отмену собственности на землю. Отчуждение частнособственнических земель производится без выкупа. Право распоряжаться ими передавалось центральным государственным органам и органам местного самоуправления. Большевики и левые эсеры в голосовании участия не приняли и покинули зал заседаний.

После их ухода начальник караула Таврического дворца А. Железняков потребовал от депутатов очистить помещение, поскольку «караул устал». Ему было заявлено, что Учредительное собрание в карауле не нуждается, и Чернов продолжил заседание.

Законопроект о земле прошел единогласно. Единогласно было принято и постановление «О государственном устройстве России». В нем говорилось, что «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит Советам: Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как Федерация советских национальных республик».

Второй и последующие пункты постановления слово в слово повторяли положения представленной большевиками



при открытии Учредительного собрания «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», подтверждая закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства, переходе всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, введение всеобщей трудовой повинности и т. д.

Заседание закончилось 6 января ранним утром и должно было возобновиться в тот же день в 17 часов. Но к назначенному времени Таврический дворец был оцеплен войсками, которые ни одного депутата на заседание не пропустили. А на следующий день был опубликован Декрет ВЦИК «О роспуске Учредительного собрания». Протесты не помогли.

27 января 1918 года опубликован «Основной закон о социализации земли». В основу Декрета, принятого 26 октября 1917 года был положен крестьянский наказ, составленный на основании 242-х местных крестьянских наказов. В Декрете говорилось «...вся земля: государственная, удельная... частновладельческая, общественная, крестьянская и т. д. обращаться во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней», «земля распределяется между трудящимися... по трудовой или потребительской норме и формы пользования (ею)... совершенно свободны: подворная, хуторская, общинная, артельная, как будет решено в отдельных селениях и поселках» и «все содержащееся в этом наказе... объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов».[21]

В новом же Основном законе от 27 января 1918 года отмечалось, что «торговля сельскохозяйственными машинами и семенами монополизируется органами Советской власти» и «торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией».

В разделе «Кто имеет право пользоваться землей», говорилось, что для занятия сельским хозяйством в первую очередь земля предоставляется сельскохозяйственным ком-

мунам и товариществам, т. е. тем, кто желает работать на ней «не для извлечения личных выгод, а для общественной пользы».

Параграф 8-й Закона гласил, что «земля частновладельческих хозяйств передается не крестьянам, а государству в запасной земельный фонд, крестьянам — только в том случае, если у них имеется ее менее потребительской нормы».

Заключался закон следующим положением: «Российская Федеративная Советская Республика в целях скорейшего достижения социализма, оказывает всяческое содействие преимущественно трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным».

Закон был подписан Лениным, Свердловым, Володарским, Камковым, Линдером, Мурановым, Натансон-Бобровым, Скуловым, Петерсоном, Спиридоновой и Устиновым, а также секретарями ЦК Аванесовым, Смолянским и наркомом земледелия Колегановым.

По этому Закону в Симбирской губернии из 2640442 десятин пахотной земли крестьяне получили 2572858 десятин (на 675469 дес. больше, чем имели), в запасные фонды губернии и уездов выделено 58111 дес., сельхозартелям — 9473 дес.

Стали появляться коммуны, и одна из них возникла весной 1918 года на территории нынешнего Сенгилеевского района, в Тушне. Называлась она им. III Интернационала, а в просторечии Гранная коммуна.

Однако закончим с Учредительным собранием. Вскоре после роспуска значительная часть его правоэсеровской фракции перебралась в Москву. Здесь в подполье был создан «Межфракционный совет Учредительного собрания». В марте 1918 из него выделилось ядро «Союз возрождения России» — одна из первых крупных антибольшевистских организаций, провозгласившая демократическую платформу. В ней и созрела идея о переселении Учредительного собрания в Урало-Волжский район, откуда было избрано депутатами много видных эсеров.

Так начался эсеровский исход на восток страны, где располагался Чехословацкий корпус, сформированный еще



при царе, а после Октября по согласованию с Советским правительством подлежащий эвакуации на родину через Дальний Восток. Немалую роль сыграли здесь и те офицеры, что отвергали Брестский мир, кто считал, что в районе Волги необходимо восстановить противогерманский фронт.

От Волги до Омска в подполье были созданы несколько региональных правительств, преимущественно правоэсеровских, выступавших под лозунгом восстановления власти Учредительного собрания. Наиболее значительным из них на первых порах, был «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч) в Самаре. В него вошли Брушвит, Климушкин, Фортунатов, Вольский, Нестеров, решившие обзавестись собственной армией. Благо недостатка в кадровых офицерах они не испытывали.

# ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

События развивались стремительно. Мятеж чехословацкого корпуса начался 25 мая. 26-го захвачен Челябинск, 28-го — Пенза.

30 мая на экстренном заседании Симбирского губисполкома М. А. Гимов поставил вопрос о чрезвычайных мерах по подавлению мятежа, огласил телеграмму В. В. Куйбышева с призывом оказать срочную помощь Самаре. Создан чрезвычайный штаб. Развернута работа по формированию дополнительных отрядов.

В Сенгилее 31 мая был срочно созван третий уездный съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На нем присутствовали член ВЦИКа уполномоченный Всероссийской Высшей военной инспекции Ховаев и товарищ председателя Симбирского губисполкома Гольман. Обсуждался единственный вопрос «Об организации вооруженной защиты революции против поднимающейся контрреволюции».

Съезд образовал военно-революционный штаб в составе Г. П. Кирюхина, Вилкова, С. К. Саблина, Шепелева, М. К. Кириллова, А. Миронова и принял обращение к населению уезда и города. В нем говорилось, что с 12 часов дня 18 (31) мая Сенгилей и весь Сенгилеевский уезд объявляются на военном положении. «Каждая волость... на сходе должна избрать 10 самых отважных и политически честных делегатов, которые обязаны через 24 часа явиться в Сенгилеевский Совдеп для вооружения и отправки в Симбирск...».

Члены съезда от рабочих... на заводах и фабриках должны избрать самых отважных, сознательных, политически честных и революционных делегатов от каждой фабрики и завода...».

«...Уездный исполнительный комитет вооружается и будет днем работать..., а ночью.. охранять город... Свободные силы из Сенгилея немедленно отправить в Симбирск... Для постоянной связи волостей с Сенгилеем... держать



связь... посредством конных ординарцев. Лошадь для ординарца должна быть предоставлена богатейшими крестьянами...».

1 июня половина делегатов съезда направилась в волости для вербовки добровольцев и проведения собраний, остальные остались в Сенгилее для формирования отрядов и строительства оборонительных укреплений.

А в это время в Самаре комитет членов Учредительного собрания резко активизировал антисоветское подполье, начались диверсионные акты. 4 июня основные силы самарского гарнизона в районе Иващенковского завода (г. Чапаевск) и станции Липяги, в том числе и два симбирских отряда, приняли бой с многократно превосходящими силами противника, понесли большие потери и отошли к речке Самарке.

5 июня бои шли в городе —вдоль Самарки, на Хлебной площади, у Соколовой мельницы и железнодорожного моста. После трехдневных кровопролитных боев, 8 июня, ревком отдал приказ оставить город.

Отряды, оборонявшие Самару, в том числе и дружина Гая под непрерывным ружейно-пулеметным огнем погрузились на пароход «София» и, выполняя приказ В. В. Куйбышева, взяли курс на Сенгилей.

Последним на пароходе «Межень» из Самары уходил Куйбышев с группой большевиков. В нее входили члены ревкома, губернского и городского Советов, ответственные сотрудники комиссариатов. В Симбирске Самарский губревком, губсовет и комиссариаты возобновили свою деятельность с 12 июня.

В Самаре же начал официально действовать Комитет членов Учредительного собрания. Бывшие царские офицеры, ставшие во главе народной армии Комуча, разрабатывали планы расширения границ вновь объявленной Урало-Поволжской республики. На их штабных картах появились направления первоочередных ударов — на Бугульму, Сызрань, Сенгилей, Симбирск и другие города. В официальных документах замелькали названия: Сенгилеевский фронт, Ставропольский фронт.

В Сенгилей самарские боевые дружины — точнее то, что осталось от них — прибыли в ночь с 9 на 10 июня. Отсюда связались с Симбирском и получили распоряжение прибыть туда.

В Симбирске же была неразбериха, шли ожесточенные споры, кто кому должен подчиняться. Двухтысячным гарнизоном города командовали девять различных штабов и военных организаций. Зачастую личные амбиции брали верх над делом.[22]

12 июня 1918 года создается штаб волжских отрядов в составе А. К. Митрофанова, Герасимова и начальников самарских дружин. Но уже 14 июня сформированный из них «Сводный отряд самарских боевых дружин» передается в распоряжение командующего Симбирской группой войск К. Иванова, а штаб волжских отрядов, просуществовавший всего два дня, ликвидируется. В подчинение комсимбгруппвойск передаются все рабочие, красногвардейские отряды и дружины, находившиеся в районе Сызрани и Сенгилея. На пристанях Симбирска, Сенгилея, Сызрани, Хвалынска созданы контрольно-запретительные комиссии.

Сенгилеевским фронтом в это время командовал штабс-капитан Афанасьев. В его распоряжение на должность начальника разведки и прибыл Г. Д. Гай. В первую же ночь с частью преданных ему людей Афанасьев перешел на сторону народной армии Комуча. Командующим фронтом стал Мельников. Через несколько дней, захватив кассу и штабные документы, бывший полковник тоже перешел на другую сторону баррикад.

По настоянию В. В. Куйбышева командование Сенгилеевским фронтом было возложено на Г. Д. Гая. В его распоряжении находилось 10 отрядов:

— боевая дружина коммунистов Самары — 60 штыков и 4 пулемета;

— Самарская дружина левых эсеров — 75 штыков, 9 пулеметов;

— Симбирский коммунистический отряд — 150 штыков и 9 пулеметов;



— первый симбирский эскадрон — 70 сабель;

— Сенгилеевский отряд Д. Н. Стафеева — 49 штыков, 6 пулеметов;

— Тверской коммунистический отряд — 180 штыков, 2 пулемета;

— Казанский соцбатальон моряков — 81 штык;

— Казанский коммунистический отряд — 250 штыков.

— Козловский и Нижегородский отряд — 41 штык, 2 орудия, 1 пулемет;

— Казанская советская батарея — 125 человек, 3 орудия.

Несколько позднее прибыл еще один отряд из Сенгилея под командованием Я. М. Маракина численностью 95 штыков.

Из всех этих групп был создан один сводный отряд «Самарские боевые дружины». Во второй половине июня он занимал участок фронта протяженностью более 30 верст от Климовки до Кузькина. Главная задача, которая на него возлагалась, — не дать противнику прорваться по Волге в Симбирск.

В распоряжении боевых дружин имелось шесть пароходов — в основном буксиры и катера. На них установили пулеметы, а на некоторых даже пушки. Для защиты пароходных команд от неприятельских пуль и осколков на палубы клали тюки хлопка. Штаб Гая находился на пароходе «Нижегородец». Количество штабных работников было ограничено — начальник штаба, комендант, делопроизводитель и шесть конных ординарцев.

После падения Самары волжский путь был перерезан, но пароходы вопреки всем запрещающим приказам шли, и чехи, как вспоминал В. В. Куйбышев, вынуждены были пропускать суда как идущие от Астрахани до Казани, так и казанские, идущие до Саратова и далее. «Объяснялось это, — писал Валериан Владимирович, — с одной стороны, нежеланием войск Комуча возиться с огромными массами пассажиров, тем более, что в ряде уездов Поволжья появилась холера. С другой стороны прекращать движение по Волге комучевцам было

просто невыгодно: пассажирские суда удобно было использовать с целью шпионажа».

Для советских войск в этом движении таилась и более серьезная опасность: противник мог под видом пассажирского отправить пароход с войсками и даже артиллерией. Такие попытки были, но они пресекались войсками Гая. Что же касается шпионажа, то его в основном пресекали контрольно-запретительные пункты на Сенгилеевской и других пристанях при повальной проверке документов. С каждого парохода в Сенгилее снимали по 10—15 подозрительных лиц и направляли в ЧК. Большинство из них, естественно, к разведывательной работе отношения не имели.

А обстановка в Поволжье все осложнялась. Чехословаки и армия Комуча, соединившись с казаками Дутова, нанесли сильный удар по частям Красной Армии, захватили Бугульму, Ставрополь-на-Волге, Сызрань. В Симбирске был раскрыт заговор, «имеющий непосредственную связь с Всероссийской контрреволюционной организацией... найдена масса оружия[25]».

В ряде сел губернии (Тереньга, Б. Ключищи и др.) на почве дополнительных реквизиций хлеба, лошадей и продуктивного скота вспыхнули волнения крестьян.

Приказом № 7 по Симбирской группе войск Симбирск и губерния с 12 час. ночи 17 июня объявлены на осадном положении. Меры поддержания порядка были жесточайшие. В Симбирске и Сенгилее за появление на улице с 10 вечера до 6 утра без специального пропуска виновные карались по законам военного времени. Симбирский военно-революционный штаб предписывал уездным Совдепам беспощадно бороться со всякими проявлениями контрреволюции, виновных расстреливать на месте. Грабителей и хулиганов расстреливать на месте без суда и следствия. И такие карательные меры применялись в уезде не к одному десятку граждан.

19 июня приказом реввоенсовета все отряды, действующие за Бугульмой, южнее Сенгилея, севернее Ставрополя, в районах Инзы, Сызрани, Симбирска были объединены в Первую революционную армию Восточного фронта. Командиром назначен М. Н. Тухачевский. С 27 июня началась мобилизация рабочих и крестьян пяти призывных возрастов (с 1893 по 1897 г.г.) в трех прифронтовых уездах — Сенгилеевском, Сызранском и Симбирском.

Самарский ревком, находившийся в Симбирске, взял под свое непосредственное руководство отряды, находящиеся на Сенгилеевском и Ставропольском фронтах. 30 июня на пароходе «Суворов» в Сенгилей прибыл Самарский ревком «для непосредственного руководства действиями всех войск этого участка». Пробыл он здесь два дня, и уже 2 июля «в связи с усилившимися боевыми действиями в левобережье» выехал в Мелекесс.

Усилили боевые действия чехословацко-комучовские войска и на Сенгилеевском направлении. Создалась опасность окружения. Вечером 2 июля председатель Самарского ревкома Куйбышев отдал приказ Гаю перенести линию фронта на 20 километров севернее. Трухнул и Сенгилеевский Совдеп. Он эвакуировался в Симбирск, но через два дня по требованию губисполкома возвратился обратно.

6—8 июля в ряде городов России вспыхнули левоэсеровские мятежи. И именно в это время командующий Восточным фронтом Муравьев отдал приказ Первой революционной армии перейти в наступление по всему фронту, хотя такое наступление планировалось десятью днями позже.

Первая армия к наступлению не была готова, шло ее формирование, не хватало оружия, отдельные отряды еще не желали терять свой полупартизанский суверенитет и подчиняться ее командованию, предпочитали действовать привычными методами, требовала отладки система управления войсками. И все же ценой больших потерь ей удалось взять Бугульму, Сызрань, почти вплотную приблизиться к Ставрополю.

У войск сенгилеевского участка успехи были скромнее — они отразили несколько попыток высадки десантов на волжских берегах и вышли на линию Горбуновка —

Тайлаково — Ольгино — Климовка.

Авантюрный приказ Муравьева о наступлении Первой армии не был единственным. 10 июля в Сенгилей для штаба Гая пришли две телеграммы. Первая гласила: «Всем, всем, всем... Войскам Сибири и чехословацким войскам — Уфа — Владивосток. Война с Германией началась. Объявляю перемирие на всем Восточном фронте. Предлагаю всем чехословацким корпусам вернуться к Волге и идти вместе с нами. Вверенным мне войскам приказываю прекратить боевые действия и наступление на Самару. Главком Восточного фронта Муравьев».

Вторая телеграмма была от губвоенкома Симбирска Клима Иванова: «Немедленно направить Симбирск дружину эсеров-максималистов».

На военном совете, собранном Гаем, терялись в догадках: что случилось? И все же вопреки армейской субординации приняли решение: войну против чехословаков не прекращать до выяснения ситуации.

Утром 12 июля в штаб Сенгилеевского фронта была доставлена еще одна телеграмма: «Авантюра Муравьева ликвидирована. Муравьев убит. Все его телеграммы, как провокационные, не подлежат исполнению. Председатель Губсовета Гимов[26]».

Измена Муравьева внесла дезорганизацию в войска Восточного фронта. Противник крупными силами перешел в наступление. Пали Бугульма, Сызрань, Мелекесс. У бойцов появилось недоверие к командирам, сомнения в правильности их приказов. Кстати, этого, кроме одного случая, удалось избежать отрядам Гая.

Им противостоял полк имени Фортунатова. Назывался он так в честь одного из основателей Самарского Комуча. Полк был прекрасно вооружен, обучен, но все его попытки прорвать оборону к успеху не приводили.

Некоторое беспокойство гаевцев вызывал правый фланг фронта, его стык с Инзенской группировкой Первой армии. 16 июля разведка установила, что именно здесь наблюдается подозрительная концентрация войск неприятеля, но резервов, которые можно было бы направить на усиление этого участка фронта, не было, да и основная задача, возложенная на гаевцев, заключалась в том, чтобы не допустить продвижения противника по Волге, от



крывающей ему дорогу на Симбирск — Казань — Москву.

О концентрации войск Комуча Гай Дмитриевич незамедлительно донес в штаб симбирской группы войск, потребовал подкреплений. Однако в Симбирске не придали значения этой телеграмме и как оперативную информацию переслали в штаб армии в Инзу. Там к ней отнеслись более серьезно. Штаб распорядился отвести отряды Гая на линию Новодевичье—Тереньга, а штабу Симбгруппвойск приказывалось выделить подкрепление.

Симбирский отряд Киселева получил приказ отбыть в помощь войскам Сенгилеевского фронта. Перед ним ставилась задача перерезать тракт Сызрань—Симбирск в районе Тереньги. Однако вместо походного порядка следования прямиком на Тереньгу, Киселев посадил свой отряд на пароход и с комфортом отплыл в Сенгилей. Здесь он пробыл еще сутки и лишь 19 июля двинулся к Тереньге.

Во второй половине дня 20 июля Киселев сообщил в Симбирск, что накануне, по рассказам крестьян, через Тереньгу проследовал отряд пеших и конных неустановленной численности. Направление держал то ли на Симбирск, то ли на Сенгилей.

Это сообщение вызвало в штабе симбирской группы войск заметное беспокойство. Симбирский штаб приказал Гаю произвести перегруппировку войск на линию Ясашная Ташла—Суровка, а на оборону Сенгилея передать Ставропольской группе вейск В. И. Павловского, которая после падения Мелекесса оказалась прижатой к Белому Яру. Но было уже поздно.

Вышедший 17 июля из Сызрани отборный офицерский отряд полковника В. О. Каппеля с приданными ему двумя сотнями казаков обошел правый фланг Сенгилеевского фронта и, не встречая никакого сопротивления, устремился к Симбирску.

Перегруппировка войск Гая началась 21 июля. Необходимо было во что бы то ни стало эвакуировать раненых. Их отправили на плавучем лазарете «Фортуна» в Симбирск, но около Криуш пароход был обстрелян и воз-

вратился в Сенгилей. Связи с губернским городом не было. Гаевцы еще не знали, что войска Каппеля, проходя через Солдатскую Ташлу, разрушили телеграфно-телефонные линии.

И еще некоторые события этого дня: в четыре часа пополудни состоялось заседание исполкома Сенгилеевского уездного Совета. Члены исполкома Бобровский, Баранов, Вдовин, Никишин, С. Саблин, Егоров, Колчанов, Столяров, Кошелев, Клюкин, Шиков и военный комиссар Кириллов решили организовать ночную охрану городка, для чего вооружили и обмундировали 42 рабочих цементного завода, предложивших свои услуги. Находившихся в сенгилеевских казармах около трехсот мобилизованных уисполкомом граждан города и уезда было решено передать в подчинение Г. Д. Гая.

Но основным был все-таки вопрос о возможной эвакуации складов и учреждений. Еще не зная об обстреле плавучего лазарета, исполком решил запросить из Симбирска пароход для погрузки содержимого интендантских складов, оружия и всевозможных канцелярий.

Ближе к вечеру к Сенгилею подошла плавучая баржа —арсенал «Василий Лапшин» с большим запасом снарядов, вооружений и военного имущества. Это был щедрый подарок, только предназначался он войскам Комуча. Кто послал его из Симбирска, так и осталось невыясненным.

А в это вермя, как стало известно позднее, на станции Киндяковка сильно потрепанный в боях бронепоезд Полупанова, на котором оставалось всего одно орудие, принял первый бой с отрядом полковника Каппеля. Утром 22 июля Симбирск пал.

В Сенгилее же с наступлением ночи пароход «Фортуна» при поддержке других плавсредств начал переправлять от Белого Яра на правобережье группу Павловского, насчитывавшую более тысячи человек. Первым рейсом перевезли пушки с прислугой, зарядные ящики, часть красноармейцев, вторым и последующими — все остальное.

Переправа осложнялась тем, что на Волге действовали четыре парохода со стороны Комуча, имевшие на борту артиллерию и четыре катера, оснащенных пулеметами. Бой на воде разгорелся отчаянный. На пароходах то тут то там вспыхивали пожары. Со стороны революционных



войск особый успех выпал на долю команды бронекатера «Дело Советов». Его экипаж, состоявший в основном из балтийских моряков, точными попаданиями вызвал на ряде плавсредств армии Комуча многочисленные пожары, таранил неприятельский катер, угрожавший «Фортуне», но и сам получил серьезные повреждения, из-за чего команда вынуждена была подвести его к мелководью и выброситься на берег.

В целом переправа прошла организованно, потери оказались значительно меньше, чем ожидалось.

Ночное совещание Гая Дмитриевича Гая и Василия Игнатовича Павловского продолжалось недолго. Согласие выявилось сразу же. Затем последовало совещание с командирами отрядов. Смысл выступления Гая сводился к тому, что они с Павловским договорились объединить силы. Павловский теперь является его заместителем. «Передайте бойцам, — сказал Гай, — что приказы Василия Игнатовича должны выполняться всеми, как мои собственные. Дисциплина — железная. Выступаем сегодня». Направление следования отрядов было известно строго ограниченному кругу лиц. Совещание закончилось быстро. Предстояло сделать еще очень многое.

В своих воспоминаниях Г. Д. Гай так рассказывал о событиях дня 22 июля: «Утром... пристань Сенгилей кишела народом и красноармейцами. По сходням бегали взад и вперед люди, вытаскивали винтовки, зарядные ящики, обмундирование, белье и всякое имущество. Груды тюков, ящиков, узлов лежали на берегу».

У цейхгауза происходили отвратительные сцены мародерства, вследствие объявления о раздаче беднейшему населению Сенгилея военных запасов; мирные жители, среди которых были и спекулянты, кинулись расхищать запасы, из-за обладания которыми происходили драки и перебранки.

Было согнано 600 подвод, которые спешно нагружались припасами, вооружением и людьми. Стремились вывезти все, но кое-какие громоздкие предметы пришлось бросить в Волгу...».[27]

Разработанный маршрут проходил лесами с крутыми подъемами и спусками, обеспечивающий скрытность пе-

редвижения огромной колонны числом порядка около трех тысяч человек с пятью орудиями и сотней пулеметов. Он пролегал через Артюшкино на Суровку — Анненково и должен был закончиться в районе Майны — Чуфарова, где предполагалось соединиться с частями Первой революционной армии.

В Шиловку на пароходе были отправлены группы разведки и охранения. Далее им предстояло следовать походным порядком параллельно с основной колонной, постоянно поддерживая связь со штабом. Такие же конные группы следовали впереди и слева. Во время движения пришлось внести в маршрут некоторые корректировки, как ночлег в Тушне и т. д.

«Одновременно с нами, — писал Г. Д. Гай, — эвакуировался Сенгилеевский исполком со всеми советскими работниками. Были увезены все документы и наличность казначейства».[28]

В 12 дня вереница подвод начала выезжать из города. В три часа из Сенгилея ушла последняя подвода. Через час на южной стороне городка показался конный разъезд противника...

25 июля сводный отряд, избежав столкновений с войсками Комуча, вышел к станции Майна и соединился с частями Первой революционной армии.

* * *

С приходом армии Комуча Советы на территории уезда прекратили свою деятельность, вместо них были восстановлены прежние органы власти, введен комендантский час, отменен запрет на торговлю хлебом, начала проводиться мобилизация в армию Комуча, шло выявление лиц, активно работавших в Советах или помогавших им, а также красноармейцев, оставшихся в городе и селах уезда.

Особенно свирепствовал в Сенгилее речной отряд штабс-капитана Клементьева. Начались аресты. За принадлежность к Красной Армии первыми были арестованы К. С. Корчагин, И. В. Швецов, В. Рыбачев, а затем и



другие. Всех их передавали в военно-следственную комиссию.

Поскольку уездная тюрьма уже с первой недели смены власти оказалась переполненной, отправлять арестованных было некуда, чаще всего приговор выносился один расстрел. В частности среди множества других такая судьба постигла лихого артиллериста Алексея Березина, матроса с «Фортуны» Михаила Шувалова. Раненые во время переправы через Волгу, они не смогли уйти из Сенгилея.

* * *

Предписанием № 137 от 28 июля командарма Тухачевского Сенгилеевско-Ставропольские отряды были официально сведены в Симбирскую дивизию под командованием Гая.

С 8 августа дивизия начала участвовать в тактических операциях.

Чтобы отвлечь резервы противника от Казани, командование Восточным фронтом отдало приказ с 7 сентября Первой Армии «перейти в решительное наступление на Симбирск». Маневр оказался удачным. 10 сентября Пятая Армия заняла Казань, а 12 сентября части Первой армии, в составе которой ударной являлась дивизия Гая, ворвались в Симбирск.

Витебский и Пензенский полки и приданные им подразделения, объединенные в первую бригаду Первой армии под командованием В. И. Павловского вели наступление на правом фланге фронта. Их путь шел от Игнатовки на Воецкое-Крюковку. Затем Витебский полк нанес удар на Большие Ключищи и Кременки, после чего устремился на Сенгилей. А Пензенский полк, выбив небольшие заслоны в Солдатской и Ясашной Ташле, вел наступление на Тереньгу.

Операция проходила удачно. «Противник спешно отступает на Сенгилей», — говорилось в телеграмме штарма Реввоенсовету республики.

И еще утренняя телеграмма за 16 сентября: «Наступление на Сенгилей продолжается, город противником

эвакуируется». Вместе с отступающими войсками Комуча из городка в спешном порядке бежали бывшие стражники, служащие земской управы, волостной старшина Азовцев и другие лица, сотрудничавшие с администрацией Комуча, кто с семьями, кто налегке в одиночку.

К вечеру 16 сентября практически без боя войска Красной Армии заняли Сенгилей. В городе противником оставлено 500 винтовок, шанцевый инструмент, около 20 тыс. аршин материи и др. припасы.

Вместе со штабом Витебского полка в городок вступил и исполком уездного Совдепа со своими отделами (наркоматами), вернувшийся из Алатыря, где он находился в эвакуации.

Бригаде Павловского штарм предписал после занятия Тереньги и Сенгилея «укрепиться на линии этих населенных пунктов и оборонять подступы к городку со стороны Сызрани». Одновременно предусматривалось пополнение Витебского полка личным составом за счет жителей Сенгилея и окрестных сел.

По свидетельству ныне покойной Веры Васильевны Саблиной первыми из сенгилеевских парней, пополнивших ряды Витебского полка, были Костя Мартынов, Борис Широков, Михаил Беликов, Александр Салкин и другие — всего 16 человек. Несколько позднее в полк влились еще около 50 сенгилеевцев.

Возобновил свою деятельность исполком уездного Совета. Она, в основном, сводилась к восстановлению волсоветов, митингам, собраниям, чисто канцелярской работе и наращиванию штатов в отделах и подотделах.

В 1914—1917 г.г. в уездной земской управе в среднем работало 24—26 человек. А по возвращении из эвакуации исполкома только в отделе народного образования, возглавляемого Горановским, было 13. Зато катастрофически не хватало учителей. Одни с началом революции и гражданской войны выехали или оказались мобилизованными в армию, другие ушли с белогвардейцами, иных в октябре—ноябре 1918 года арестовала ЧК, более двух десятков не были допущены к работе по классовому при-



знаку. Для работы в школах привлекались выпускники Сенгилеевского высшего начального училища и лица вообще очень далекие от педагогической работы.

Трудности, конечно, имелись серьезные. Остались не отремонтированными школьные здания. Новых учебников не было, а по старым никто не решался дать разрешение заниматься. Не было тетрадей, карандашей, ручек, перьев, чернил.

Проще оказалось провести в жизнь декрет о свободе совести. На основании постановления исполкома уездного Совета было запрещено преподавание Закона Божия как в урочное, так и в неурочное время, запрещены любые богослужебные обряды. Работники народного образования удалили иконы из школьных зданий, а из ученических библиотек выбросили и сожгли всю религиозную литературу.

Сенгилеевская прогимназия была преобразована в советскую трудовую школу.

Для управления промышленностью при исполкоме уездного Совета в конце октября кроме 11 существующих наркоматов и отделов был образован совнархоз. Состоял он из 7 подотделов: дорожно-строительного, фабрично-заводско-мельничного, торгово-промышленного, топливного снабжения, сельского хозяйства и подотдела кооперации. Председателем совнархоза был назначен Кузнецов (ранее ведал финансами). 24 сотрудника ему разрешили подобрать самостоятельно, 9 остальных рекомендовал исполком.

В ноябре—декабре 1918 года в соответствие с декретом Совнаркома от 28 июля 1918 года совнархоз начал национализацию промышленности — пяти текстильных фабрик, цементного завода (к тому времени уже не работавшего), мельниц и еще кое-чего по мелочи. Пароходы, принадлежавшие Баукину, еще значительно раньше владельцем были переданы «в распоряжение новой власти». Химический завод находился в ведении Реввоенсовета Восточного фронта и национализации не подлежал.

Работники совнархоза «произвели осмотр дорог и мостов, составили смету на исправление старых и строительство новых». Выступая на IV уездном съезде Советов

Кузнецов заявил: «приняты меры к восстановлению существующей промышленности и насаждению новых отраслей по разработке строевого леса, выделке кирпича, по устройству кожевенного завода».

Заверения председателя совнархоза оказались несостоятельными из-за полного отсутствия средств и невозможности купить необходимые материалы.

В середине октября в Сенгилее возобновил свою деятельность уездный комитет партии большевиков. В его состав входили: Сильнов (председатель), Кириллов (заместитель), Еремеев (секретарь), о чем было сообщено в центр. 24 октября ЦК РКП (б) направил Сенгилеевскому комитету большевиков приветствие с пожеланием плодотворной работы.

И в самом конце года «для охраны революционных завоеваний» в городке были сформированы караульная рота и кавалерийский дивизион.



# ПРОТИВОСТОЯНИЕ

«Винтовку в руку, рабочий и бедняк! В ряды продовольственных батальонов. В деревню, к кулацким амбарам за хлебом! Симбирские, уфимские, самарские кулаки не дают тебе хлеба — возьми его у воронежских, вятских, тамбовских...»

Из «Катехизиса сознательного пролетария».

Витебский полк, расквартированный в Сенгилее, не только пополнял личный состав за счет местных жителей и обучал молодых бойцов, ему было приказано выделить агитаторов для работы с крестьянами по созданию комитетов бедноты. Перед комбедами ставилась задача — взять хлеб у крестьян (в первую очередь у крепких) и отправить его в промышленные центры страны.

Однако полк вскоре был передислоцирован. Из 117 населенных пунктов уезда комитеты бедноты были созданы в 96. Особенно упорно сопротивлялись созданию новых органов власти крестьяне Новодевиченской волости. Туда на помощь уездным большевикам прибыл инструктор губкома Сонин, но и его красноречие не помогло: и середняки, и зажиточные на собрании заявили, что беднейшее крестьянство не может стоять во главе села, так как оно даже свои участки толком обрабатывать не умеет, ленится даже у собственного двора подмести. Не получится из бедняков хозяин села.

После длительной дискуссии собрание приняло резолюцию: «будем поддерживать бедноту всеми силами и средствами, но комитет бедноты создавать не желаем».[30]

Однако даже и там, где комбеды были созданы, взять хлеб у своих односельчан оказалось непросто. Натерпевшись от различных реквизиций в связи с близостью фронта, крестьяне старались отделаться сдачей 5—10 пудов хлеба с хозяйства.

К концу 1918 года, как было сказано в официальных документах, «Комбеды выполнили свою историческую миссию и в связи с усилением роли Советов дальнейшее их существование стало нецелесообразным». В большинстве

сел они почти в полном составе были слиты с Советами.

Что же касается продразверстки, то изъятием хлеба у крестьян занялись прибывшие в уезд продовольственные отряды: Сводный Петроградский № 7 под командованием Лампе, численностью 840 человек (позднее перебазированный в Самарскую губернию), Сводный Петроградский № 3, возглавляемый Кузьминым, численностью 220 человек, 37-й Петергофский под руководством Павлова, насчитывающий 119 человек, продотряд номер 40 Новоладожского Совдепа, численностью 78 человек, возглавляемый Ивановым. Кроме того, в конце декабря —начале января 1919 в уезд прибыли продовольственные отряды 19-й, 22-й, 28-й, 63-й — все из Петрограда.[31]

По разверстке Симбирского губпродкома из Сенгилеевского уезда надлежало вывезти один миллион 700 тысяч пудов ржи, 770—800 тысяч пудов круп и 120 тысяч пудов овса.[32]

Взять хлеб у крестьян предполагалось силой. Губернский руководитель продотрядов Зиновьев писал вышестоящему начальству: «отряды... присылаются сюда совершенно невооруженные, что, конечно, недопустимо... в Симбирске мы их вооружаем». Все это делалось в соответствии с директивой центра, в которой говорилось: «Задачей борьбы с голодом является не только выкачивание хлеба из хлебородных местностей, но ссыпка и сбор в государственные запасы всех до конца излишков хлеба, а равно всяких продовольственных продуктов вообще. Не добившись этого, нельзя обеспечить решительно никаких социалистических преобразований». Поэтому продотрядникам надлежало также «произвести учет и отчуждение излишков скота, согласно существующим декретам.»[33]

Действительно, положение с продовольствием в промышленных центрах страны было тяжелое. Но нелегко жилось и деревне, хотя хлеб у крестьян имелся. В хозяйстве были крайне необходимы соль, мыло, керосин, спички, ситец, изделия из металла: плуги, шины для тележных колес, подковы, гвозди и т. д. Купить все это можно было только на черном рынке по сумасшедшим ценам.



Однако продать на расход хлеб крестьянин не мог, так как существовало «...безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом», была введена «обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене», которая была в 46 раз ниже цен черного рынка.[34]

Не для того ехали на места продовольственные отряды, чтобы крестьянин мог продать хлеб или скот по приемлемой цене, хотя бы даже на уплату налога.

Кстати, количество рабочего и продуктивного скота в уезде за счет военных реквизиций сократилось более чем на одну треть. В январе 1919 года по наряду Симбирского губвоенкомата проводилась уже третья реквизиция. Из уезда отправлено еще 453 лошади, 26 саней, 120 повозок и 945 предметов сбруи.[35]

Создавалась реальная опасность, что весной, если даже всем удастся сохранить семена (продотрядники с этим не очень считались), из-за недостатка тягла значительная часть ярового клина останется не засеянной.

В довершение ко всем бедам, обрушившимся на деревню, декретом Совнаркома от 8 декабря 1918 года был введен чрезвычайный десятимиллиардный налог. Доля Симбирской губернии в нем составляла 150 миллионов рублей. По разверстке на Сенгилеевский уезд падало 19 миллионов 650 тысяч. Но это не все. Симбирский губисполком, не долго думая, ввел еще и свой губернский 50-миллионный налог, из которого почти 6 миллионов пришлось на наш уезд.

Чтобы как-то оправдать свои действия, было заявлено, что львиная доля чрезвычайного налога приходится на буржуазию. Однако всем было хорошо известно, что за малым исключением наиболее богатые, прихватив с собой золото, серебро и наличные в сентябре 1918 года, ушли с войсками Комуча и затаились в крупных городах. У предпринимателей, оставшихся на месте, предприятия и домовладения осенью того же года были национализированы, и налог тяжелейшим бременем лег на плечи крестьян.

В среднем каждый житель уезда, включая и детей, должен был уплатить около 112 рублей, семья из пяти человек — 560. Лишнего скота в деревнях не осталось, на-

оборот, росло количество безлошадных и бескровных се-
мей. А центр требовал и хлеба, и денег.

6 января 1919 года Симбирскому губпродкому поступи-
ла телеграмма: «Комитет 42 организаций голодающи-
рабочих Петрограда и Москвы жалуется на вашу нерас-
порядительность. Требую максимальной энергии с ваше-
стороны, неформального отношения к делу и всесторон-
ней помощи голодающим рабочим. За неуспешность вы
нужден буду арестовать весь состав ваших учреждений
предать суду... Если подтвердится, что Вы после 4-х ча-
сов не принимали хлеб, заставляли крестьян ждать д
утра, то Вы будете расстреляны.

Пред. Совнаркома Ленин».[56]

Естественно, никто из руководства губернии и уезд
попасть под суд не хотел, а быть расстрелянным — те
более. На местах был сделан такой нажим, что стало н
до определения — излишний хлеб у крестьянина или н
*излишний (ему полагалось оставлять по фунту — 400 г*
на едока в день) — начали выгребать все подряд. В по-
мощь продотрядникам подключили ЧК, милицию, Сов-
ты, десятки уполномоченных.

Вместе с хлебом взимался и чрезвычайный налог. З
несвоевременную уплату описывали имущество, отбирал
единственно ценную вещь в крестьянской семье — сам-
вар. Взламывали крышки сундуков, где хранилось дев-
чье приданое к свадьбе. Описывали шубы, подушки, оде-
ла, выездную сбрую, припасенный на ремонт дома лес, ове-
кур, гусей и т. д. Швейные машины в деревне были ре-
костью. Их изымали в первую очередь, не стесняясь ув-
личивать для этого размер налога. Все это распродава-
лось с торгов, причем нередко самые лучшие вещи з
бесценок попадали тем, кто их отбирал. Слезные жалоб
и прошения оставались без ответа.

Что было делать крестьянину? Многие прятали хл
в ямы, между двойных потолков изб, закапывали сунду-
ки, мешки, баулы с одеждой в сугробы снега, в стога со-
ломы, укрывали в двойных стенах сараев. Да разве чт
скроешь в деревне при таком разоре! Приходили продо-
рядники, финотдельцы с милицией, прощупывая штыкам



и металлическими пиками солому, землю, выволакивали
спрятанное, отбирали.

Осложняло обстановку и то, что в Советы наряду с рас-
судительными деловыми людьми оказалось избрано нема-
ло крикунов, завистников и безответственных корысто-
любцев, выплывших на волне революционных митингов.
Они-то, в основном, и наводили милицию, продотрядни-
ков, финотдельцев на крестьянские захоронки. Но осо-
бенно озлобляло людей то, что такие активисты, готовые
за четверть самогона продать мать, отца, брата, кого
угодно, участвовали в раскладке по дворам продразверст-
ки и чрезвычайного налога, причем получалось так: побо-
ры с однотипных хозяйств разнились в три—четыре раза.

Никто из великих еще не определил, что чаще случает-
ся — власть портит человека или человек портит власть.
В годы военного коммунизма, да и значительно позднее,
то и другое наблюдалось одинаково часто. Как только
кто-то дорывался до власти — начинал пьянствовать. Не
на свои, конечно. Пьянствовало в селе — да и в городе
тоже — большинство местного начальства, напропалую
пили финансовые работники, нельзя было отнести к трез-
венникам многих продотрядников и разного рода уполно-
моченных.

Но особенно вызывающе нагло вел себя попавший из
грязи в князи военный руководитель третьего сводного
Петроградского продовольственного отряда Кузьмин. К
тому же и подчиненным прививал свои методы.

За отрядом Кузьмина были закреплены Сенгилеевская
и Новодевичинская волости. Человек недалекий, к тому
же развращенный, предоставленными ему властными пол-
номочиями, он творил такое, что лопнуло терпение даже
у его подчиненных, и они арестовали своего начальника.[57]

На общем собрании продотряда ему в вину было поста-
влено многое:

— бил нагайкой по лицу продотрядника Н. Петрова, от-
казавшегося забрать последний мешок ржи у малоимущей
семьи;

— неоднократно избивал до крови крестьян, не выпол-
нивших продразверстку;

— в пьяном виде пытался расстрелять продотрядника А. Никонова за либерализм к крестьянам;

— конфисковал в больнице и аптеке спирт и распределил его среди своих друзей;

— конфисковал в храмах церковное вино и продавал его гражданам Сенгилея по 10 рублей за стакан;

— арестовал женщин-продотрядниц за то, что они отказались ночевать с ним, и продержал их в сенгилеевской тюрьме двое суток;

— провоцировал продотрядников на изнасилование работниц отряда и даже обещал каждому, кто это сделает, по 100 рублей.

В 12 часов ночи требовал тройку, чтобы кататься с молодой женой по Сенгилею и т. д. и т. п.

Продотрядник С. Воробьев, выступая на собрании, в частности, сказал: «Деревня против Кузьмина и таких методов работы. Это прямая дискредитация Советской власти».[38]

А ведь кроме третьего продоотряда в уезде действовали еще семь, и методы их работы по изъятию хлеба и обращению с крестьянами были не лучше. Знали ли об этом руководители уезда и губернии? Видимо, да, но считали подобное нормальным явлением. Иллюстрацией уездных нравов эпохи военного коммунизма может служить история с Ю. М. Шаша.

После занятия Сенгилея Витебским полком в городке по болезни был оставлен политработник Ю. М. Шаша «для оказания помощи сельским Советам и организации пр... них партийных ячеек». Но, как говорится в документа... партархива, председатель сенгилеевской партии Сильнов запретил ему организовывать ячейки «потому, что Шаша слишком мягко разговаривает не только с крестьянами, но и с кулаками, считает некоторые действия уездного руководства ошибочными, говорит об этом во всеуслышание, чем подрывает авторитет партии».

Чтобы убрать Юлиана Матвеевича от крестьянства, его с подачи Сильнова избрали председателем Сенгилеев...



ского совета профсоюзов. Он стал добросовестно и принципиально выполнять и эту работу.

Насмотревшись на пьяную вакханалию советских работников в Сенгилее, Шаша попытался тактично поправить некоторых из них. Это вызвало озлобление, его арестовали на 7 суток и посадили в местную тюрьму. После выхода оттуда он вновь попытался навести порядок, но уже не лично, а через исполком уездного Совета, и вновь был арестован.

Отбыв второй недельный срок, Юлиан Матвеевич обратился с письмом в президиум партячейки Витебского полка. Оттуда его письмо переслали в Симбирский губисполком, а из Симбирска «для принятия мер» направили в уисполком Сенгилея.

О дальнейшем 3 марта 1919 года секретарь партячейки полка сообщал в политотдел Первой Армии: «...Шаша за свою жалобу вновь попал в тюрьму и в настоящее время находится под угрозой расстрела».

О чем же писал Юлиан Матвеевич? О том, что «уездный исполком сильно засорен пьяницами», что накануне первой годовщины Октябрьских торжеств член Симбирского губисполкома С. К. Саблин (родной брат председателя уездной ЧК А. Саблина) «изволил напиться и чуть не перестрелял весь военный комиссариат». Писал о безобразном поведении начальника продотряда Кузьмина, который «моет в самогонке голову»,[39] о коменданте Сенгилея Орешникове, пьянице и хапуге, о бесчинствах, творимых работниками ЧК, о том, что «население крайне недовольно выходками членов уездного исполкома». Приведя множество фактов отвратительного поведения и других руководителей уезда, Шаша резюмировал, что все это может оказаться «чревато взрывом недовольства трудящихся».

Освобождаясь после третьего ареста Ю. М. Шаша с присущим ему юмором полюбопытствовал: «сколько же это будет продолжаться, и будет ли конец его арестам?». На что председатель Сенгилеевской ЧК А. Саблин ответил тоже вопросом: «А разве мы кому жаловались, когда Витебский полк арестовывал нас?».

Жаловаться было нельзя, особенно на работников уездной ЧК, хотя пьянством, массовыми незаконными арестами, избиениями горожан и жителей деревень, издевательствами над священнослужителями и просто верующими они заслужили в уезде самую худую славу. Особенно бесчинствовали Блюм, Мач, Саблин. Ненамного уступали им и другие.

Не являлся находкой и комендант Сенгилея Орешников. Его пьяные загулы и дебоши сенгилеевцы еще кое-как терпели, но когда их вещи и мебель, отобранные за неуплату чрезвычайного налога и пущенные за бесценок в продажу, стали появляться в доме коменданта, начали жаловаться председателю уисполкома Еремееву, но бесполезно. И лишь в первых числах марта Орешникова все же вынуждены были снять с работы.

Городок и волостные центры в начале 1919 года были наводнены разного ранга уполномоченными из местных и губернских организаций с мандатами чрезвычайных полномочий, однако их действия сводились к одному — как можно сильнее прижать не только зажиточных земледельцев, но и середняков, чтобы любой ценой выполнить задания по чрезвычайному налогу и продразверстке. В методах не стеснялись. Считали что делают все в интересах мировой революции.[40]

Вот в такой обстановке и случилось то, что неминуемо должно было произойти.



# ЧАПАННОЕ ВОССТАНИЕ

Новодевичье — огромное село, построенное на берегу Волги в центре хлебородного района, считалось одним из богатейших в Сенгилеевском уезде. Две церкви, более 1900 *дворов один другого краше, очень удобная пристань,* большая базарная площадь — все это создавало условия для развития и процветания хлебной торговли, ею испокон веков и занималось население, имея хорошие доходы как от перепродажи хлеба, так и приличные заработки от перевозки его водным и гужевым транспортом. Некоторые недурно обогащались на содержании постоялых дворов.

Поэтому не только кулацкая часть села, но и остальные крестьяне росли и с малых лет воспитывались в убеждении, что единственный способ достойной жизни — это торговля хлебом, тяжелый крестьянский труд.

Третьего марта 1919 года в селе проходил сход. В повестке дня был один вопрос — о продразверстке. На сходе, *несмотря на требования и угрозы ответственных работников,* прибывших из губернии, обвинявших крестьян в несознательности и предательстве интересов мировой революции, подавляющим большинством голосов была принята резолюция, не поддерживающая продовольственную политику Советской власти.

Поводом к началу страстей на собрании послужила реквизиция хлеба у крестьян, прибывшим в волость продовольственным отрядом.

Как впоследствии показывал член волостного исполкома Василий Павлович Александров «...события начались по случаю реквизиции хлеба и скота губернским продовольственным комиссаром товарищем Беловым, успевшим уже в первый день реквизировать возов 15 хлеба». Губпродкомиссару это казалось мизерно мало, крестьянам — чрезмерно много. На сходе Белова обвинили в слишком решительных действиях. Например, у Дмитрия Воробьева весь хлеб был выметен под метелку так, что хозяину ничего не осталось. У вдовы Кучеровой свели со двора последнюю корову.

Продовольственный комиссар Белов приказал продотрядникам разогнать собравшихся на сходе. Но это сделать оказалось не так-то просто: в возникшей суматохе часть бойцов продотряда была разоружена крестьянами. И все-таки сход продолжался. На нем решили: на следующий день созвать волостной съезд Советов, где переизбрать волисполком, подобрать делегатов для поездки в Симбирск «за правдой», чтобы через губернские власти добиться увеличения норм оставляемого крестьянам хлеба и уменьшить норму отбираемого, а пока «до прояснения вопроса» приостановить в волости реквизиции. Таким решением продотрядники были взбешены.

4 марта в Новодевичье состоялся волостной съезд. Он переизбрал волисполком, выбрал делегатов для переговоров в Симбирске, а к вечеру в село прибыл отряд под командованием Павлова. Прикомандированный к отряду агитатор М. Алексеев вступил в беседу с крестьянами, убеждая их прекратить волнения, выбрать соответствующую комиссию, чтобы на следующий день все решить миром. На том и разошлись на ночлег.

Через некоторое время на следствии М. Алексеев сказал, что рано утром на следующий день он велел Павлову собрать размещенных в квартирах бойцов. Из 44 удалось найти только 36. Спросили их, будут ли они беспрекословно исполнять все приказания? Красноармейцы в бой не рвались, ответили, что без подкрепления начинать действия нет смысла.

В Сенгилей и в соседние села пошли телеграммы, требующие дополнительные силы, затем начались аресты тех кто на сходе выступал против продразверстки. Собравшаяся на улице толпа внимательно наблюдала за Алексеевым и Павловым. Со стороны крестьян слышались реплики: «Вот они грабители... Бей их!». Но более открытой агрессивности никто из крестьян не проявлял. Агитатор Алексеев, пробравшись через толпу к красноармейцам, приказал им зарядить винтовки. Его приказу подчинились немногие. Напряжение нарастало. Отряд, ощетинившись штыками, начал отходить к Волге. В это время



кто-то ударил в набат и толпа бросилась следом за отступавшими войсками. Красноармейцы пустились бежать. Их догнали, начали бить, переловили, разоружили и отвели в арестантскую.

Утром 5 марта командира отряда Павлова новодевиченские расстреляли, труп бросили в прорубь. Затем из арестантской вывели остальных. Их, очевидно постигла бы та же участь, что и Павлова. Но тут неожиданно пришла помощь, откуда ее и не ждали. В дело вмешался член вновь избранного волисполкома Михаил Вырыпаев. Толпа неистовствовала, когда он встал рядом с «комиссарами». Снял шапку, широко перекрестился, поклонился односельчанам в пояс и сказал: «Если нам не нравится, когда они расстреливают нас, то должны ли мы расстреливать их сами? — помолчал минутку, слушая гул разъяренной толпы, крякнул и произнес: «Коли так, стреляйте и меня с ними». Его слова сразу погасили страсти. «Ладно, пускай живут!», — послышались нестройные возгласы. Второй жертвой в этот день стал Казимиров.

Из показаний агитатора Петрова на следствии: «Находившийся здесь продотряд Павлова вел себя возмутительно — совершал всяческие поборы, безвозмездно отбирал овец, свиней, молочные продукты. Разве кому это понравится? По ночам устраивали попойки, палили из винтовок. В пьянстве рядовым не уступали и ответственные представители отряда — губпродкомиссар Белов, председатель ЧК Казимиров. Напропалую пили начальник отряда Павлов, комиссар Стафеев и другие...

С несомненностью установлено, что работавшая здесь «чрезвычайка» во влаве с Казимирвым, убитым во время мятежа, злоупотребляла рукоприкладством. Били сельчан не только кулаками, но и прикладами винтовок, плетьми, шашками и т. д.

Вот отрывок из показаний Семена Михайловича Дубова: «19 декабря 1918 года я был сильно избит председателем ЧК Казимировым и каким-то солдатом. Били они меня кулаками по лицу и голове. После того, как я упал, меня стали бить пинками, плетью, и лишь какой-то вошедший товарищ устыдил Казимирова и заставил пре-

кратить избиение. После этого я лежал около трех недель в больнице, а потом был посажен под арест.[41] С меня требовали контрибуцию 1500 рублей, которую я с трудом уплатил. Кроме того у меня были бесплатно взяты лошадь и корова».

Весть о событиях в Новодевичье распространилась с быстротой необычной. Как явствует из доклада информационно-инструкторского подотдела управления Сенгилеевским уездом, почти одновременно с Новодевичьим крестьянские волнения начались в Русской Бектяшке, в Горюшкинской, Городищенской, Поповской, Собакинской, Тереньгульской волостях. Перекинулись они и на левый берег Волги. Восстала Хрящевка. В Ягодном утопили в проруби пятерых продотрядников, создали свой штаб восстания во главе с Ал. Безыцковым.

События этих дней не на шутку встревожили Симбирский губком РКП(б) и Губисполком. На их совместном заседании был[42] сформирован Губернский военно-революционный штаб, издан приказ о вооружении членов партии Симбирской губернии. Уже 5 марта волостным и сельским Советам Сенгилеевского уезда дано распоряжение о принятии экстренных мер к обезоружению повстанцев, выявлению зачинщиков мятежа.

В адрес Сызранского уисполкома отправлена телеграмма, в которой председатель Симбирского губкома РКП(б) И. М. Варейкис требовал немедленно выслать в Новодевичье вооруженный отряд. Вечером 5 марта Варейкис телеграммой в Новодевичье и Р. Бектяшку потребовал от повстанцев сложить оружие.[43] Оружия в селах было немного. Сельские штабы мобилизовали местных кузнецов делать пики, вокруг сел раскладывали кверху зубьями бороны, слегка присыпая их снежком. Так крестьяне готовились отразить нашествие продотрядов. А пока происходили эти приготовления крестьянским обществам по телеграфу поступали вторичные приказы Симбирского губисполкома:

«Именем Советской социалистической республики приказываем вам во избежании кровопролития сложить оружие».



Для разбора возникшего и вами допущенного восстания против Советской власти будет выслана комиссия, в которую войдут члены губисполкома, губернского комитета партии и Революционного совета Восточного фронта. Об исполнении данного приказа немедленно сообщить. Ответственность за проведение данного приказа в жизнь возлагается на старый Совет. Срок был установлен три часа с момента получения телеграммы. Приказ подписал председатель губисполкома Гимов, пред. губисполкома РКП(б) Варейкис[44] и секретарь Карпухин. А в селах продотрядники продолжали выгребать хлеб у крестьян, реквизировать скот.

В тот же день губком командировал в Сенгилей около 30 агитаторов, в числе которых были Брунов, Лукин, Киселев и другие. По прибытии они должны были привлечь местные силы, провести в каждом селе митинги и собрания, разъяснить пагубность бунта и недопустить распространения крестьянских волнений на другие села.[45] Некоторые из них стали жертвами мятежников.

7 марта в Сенгилее прошло экстренное заседание уездного исполкома. Создан штаб по борьбе с восставшими. В него вошли: командующий симбирскими отрядами Зильвиндер, политработники Брунов и Орешников, от уездного исполкома А. Миронов и С. Саблин. Уезд объявлен на осадном положении.[46]

8 марта в селах Сенгилеевского уезда, еще не охваченных крестьянскими волнениями, агитаторы проводили митинги. На них кроме пламенных речей агитаторов зачитывалось губкомовское воззвание, гласившее: «...укрывателей хлеба проучить так, чтобы никому было не повадно выступить против законных действий властей...».

Гуляло по селам и другое обращение: «.. мы не бандиты. Мы такие же трудовые крестьяне. Бандиты те, кто отбирает у сельских тружеников хлеб и скот. Да здравствует союз трудового крестьянства!».[47]

Подала свой голос и Москва: «Беспощадная война против этих кулаков. Смерть им! Ненависть и презрение защищающим их партиям: правым эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам. Рабочие должны железной рукой раздавить восставших кулаков».[48]

Действительно, были в селах и кулаки, и сторонники эсеров всех мастей, но при всем их усердии, при всех талантах они не смогли бы вызвать в народе такой гнев и озлобление, существуй на местах элементарная справедливость, обещанная вождями революции. Ведь участниками мятежа были не только сотни кулаков, но и десятки тысяч середняков. Участвовало в восстании немало и деревенской бедноты, начавшей выбиваться в середнячество. Да и восстаний таких по России было не одно — в Пензе, Саратове, Тамбове, Рязани, Брянске, Астрахани, Ярославле и т. д., цель которых была — избавиться от продотрядников, сборщиков продналога, изгнать их из своих сел.

Несколько примеров, как возникали мужицкие бунты. От Новодевичья до Русской Бектяшки напрямую — верст двадцать. Продовольственный отряд численностью в 22 штыка в Бектяшку прибыл 5 марта вечером. Вместе с отрядом в село приехал и инструктор губпродкома Белов и агитаторы Алексеев и Григорьев. Сельский Совет, как и положено гостеприимному хозяину, разместил прибывших на ночлег по домам, у кого было почище, снабдил продовольствием. Утром продотрядникам по их требованию выделили 9 подвод, чтобы ехать в Новодевичье, но по какой-то причине поездка не состоялась. Вторичный сбор им назначили после обеда. На этот раз прибыли только 4 подводы, остальные были заняты своими крестьянскими делами.

Часть отряда на них отправилась в Новодевичье, те же, кому подвод не хватило, во главе с Беловым пошли по домам. Реквизиция лошадей вызвала в селе переполох. Около приезжих стал собираться народ. Некоторые были с вилами. Мужики попробовали вступить с ними в разговор, узнать, чем они будут заниматься и правда ли, что в их задачу входит реквизиция лошадей, но разговор не состоялся. Последовала команда «Разойдись!». Мужики не расходились. Продотрядники сделали несколько выстрелов, пока вверх. Это не испугало собравшихся сельчан, а еще более взвинтило страсти. Народ навалился на строй, начал отбирать винтовки. Продотрядники стали разбегаться. Мужики ловили их и били.



Разоружив отряд, значительная масса сельчан пошла в волостной Совет выяснять для чего же приезжали городские гости. Когда шумная ватага мужиков шла в Совет, его члены Григорий и Яков Ростовы, секретарь Ходоров, испугавшись, из помещения так называемой «Трубной избы» убежали к Волге, спрятались там в лесочке, где просидели до темноты.

В это время в Бектяшку вошел еще один отряд продармейцев с двумя пулеметами. Его тоже разоружили без особого труда. Изрядно струхнувших бойцов накормили, выспросили их про новости и разместили на ночлег по избам. Утром отпустили. Но в уезде и губернии стало известно, что бектяшкинские мужики взбунтовались и разоружили отряды прибывшие к ним по поводу продразверстки. А это уже можно было расценить как мятеж против Советской власти.

Из доклада члена Сенгилеевского исполкома М. А. Баранова:

«Когда утром 6 марта поступило сообщение о восстании в Русской Бектяшке, в распоряжении Сенгилеевского исполкома отрядов уже не осталось. В Елаур к месту назначенного сбора выехали члены исполкома и несколько коммунистов.

Ночью в Бектяшку выслали конную разведку из трех человек.

Всадники ворвались в село еще затемно. В Бектяшке их встретили набатом и стрельбой. Степан Мохов по уличной кличке «Чудо» и Петр Назаров ударили по всадникам из винтовок. Один из верховых Г. П. Кирюхин был убит, второй — Зинин — свалился с коня видимо с перепуга. Подбежавшим мужикам он заявил, что его ударил прикладом товарищ Кирюхин, который оказался потом сам убитый».[49]

Задержанного Зинина в Бектяшке посадили под арест. Степан Мохов тем временем разъезжал по улицам на трофейном коне и хвастался, как ловко он ссадил с него комиссара.

Из доклада Баранова: «Разведчики вернулись без двух человек, которых бросили раненными, так как их в селе обстреляли».

Отряд вернулся в Елаур, где начальник отряда товарищ Миронов написал воззвание к восставшим, требуя немедленно сдать оружие и привезти его в Елаур. Сам он в Бектяшку не поехал. Вместо него «во вражеский стан» отправились на переговоры Баранов и Маракин. По набату к сельскому Совету собрались «повстанцы», но вначале в селе состоялся сход. В протоколе этого схода записано: «Мы граждане селений Русской и Мордовской Бектяшек и деревни Платоновка, обсудив воззвание т. Миронова, не относим это происшествие к контрреволюционным выступлениям против Советской власти, а просто как конфликт,[50] вызванный грубостью отряда, постановили:

Для урегулирования конфликта просим прибыть в Р. Бектяшку представителя сенгилеевской уездной власти тов. Миронова, но без вооруженного отряда».[51]

Затем начались переговоры, нервные, трудные, подчас далекие от дипломатии. На призыв: «сдать оружие» из толпы неслось: «Это они сейчас сладко поют, а потом обманут!».[52] Временами положение парламентеров становилось угрожающим. Но постепенно страсти улеглись. Крестьяне жаловались на самоуправство и хамство красноармейцев. Баранов пообещал, что виновных непременно накажут. Он поклялся головой, что следственная комиссия расследует дело беспристрастно, а «чрезвычайка» будет упразднена.

В конце концов решили со сдачей оружия повременить, послав к Миронову делегацию, которая должна была получить от него письменное распоряжение с гарантиями безопасности для «смутьянов» и лишь после этого отвезти оружие в Елаур.[53]

Требование о выдаче убитого Кирюхина бектяшкинские мужики встретили отказом: «Наших расстреливали, по три дня тела убирать не разрешали! Они его изуродуют, разрежут на части, а все свалят на нас».[54] Наконец сошлись на том, когда все уляжется, успокоится, за телом приедет отец погибшего. Казалось, конфликт был исчерпан. Секретарь сел писать решение, и тут из Новодевичьего приехали делегаты — бектяшкинский Ростов и новодевичинский Шляндин. Ростов торжественно объявил, что сообщает великую радость: один из ваших врагов — изувер Казими-



рий — убит и брошен в Волгу, за что нужно принести сердечную благодарность жителям Новодевичьего». Эту весть бектяшкинцы встретили радостно, и даже бросали вверх шапки и кричали «ура!».

Шляндин призывал присутствующих не сдаваться, т. к. восстал уже весь уезд и будто бы даже Сызрань и Самара взяты крестьянами. После такого заявления уже все возражения парламентеров встречались враждебно. Делегаты даже предложили убить сенгилеевских агитаторов, но местные не согласились. Баранов и Маракин вернулись к своим.

Больше всего крестьяне напирали на неправильные действия ЧК и тех инструкторов, которые присылались из губернии, и, главным образом, на губинструктора по продовольствию Белова, который по их мнению виновен в восстании в Новодевичьем,[55] — закончил свой доклад Баранов.

Так кто же был зачинщиком восстания в Русской Бектяшке? Приведу небольшой отрывок из письма коменданта Сенгилея Орешникова «В следственную часть ЧК: «Сим сообщаю, что приговоры военно-полевого суда от 16 апреля сего года №№ 167, 172, 173, 174 приведены в исполнение в ночь с 16 на 17 апреля.[56]

Среди 18 фамилий казненных, указанных в этом документе, — семеро бектяшкинцев. Из них Никита Павлович Поручиков, 64 лет. Кулак. В прошлом член Сенгилеевской Земской управы. Подписывал в пользу восставших [illegible]0 рублей. Ходил в военную комиссию, был на сходе, где кричал про отобранную у него мельницу.[57]

Егор Иванович Скрябин, 47 лет, кулак. Во время восстания возил записку в Хрящевку: «...дайте подкрепление в [illegible]00 человек».[58]

Степан Иванович Киселев — председатель сельсовета, бедняк, бывший матрос. Угрожал пленному Зинину револьвером и говорил: «Убью его». Освобожден.

Александр Григорьевич Ростов, 32 года, середняк, бывший матрос. Бил плетью тов. Зинина. Освобожден. Смягчающим обстоятельством для бывших матросов видимо считали не только их социальное происхождение, но и участие

их в разгоне Учредительного собрания, о чем они поведали на допросах.

Те же, кто стрелял в людей, убил одного из них — отделались легким испугом. Ни Степан Мохов, ни Петр Назаров в списки арестованных, расстрелянных или освобожденных не попали. Бектяшкинские старожилы утверждали, что они успели скрыться.

Восемь жителей Р. Бектяшки в апреле 1919 года держали ответ перед трибуналом в Сенгилее. К сожалению, в документах не указывается в чем они обвинялись, но сроки им припаяли большие. Среди осужденных упоминаются: Борисов Иван Федорович 1898 года рождения, Гусев Петр Иванович 1897 г. р., Долганов Иван Михайлович 1898 г. р., Зарубин Федор Васильевич 1898 г. р. Скрябин Егор Иванович 1872 г.р., Хазов Василий Александрович 1875 г. р. — все крестьяне.

Бескровно начинался мятеж в Бекетовке. Объясняется это видимо тем, что продармейцы и финработники покинули село накануне. По рассказам очевидцев, записанных автором в начале пятидесятых годов, рано утром 6 марта, когда еще только затопляли печи, раздался набат, но нигде ничего не горело. Народ кинулся к церкви. Там происходило что-то непонятное. Подвезли на санках священника, отслужили молебен. Затем перед собравшимися выступил кто-то из новодевиченских (кажется, Казятин) и хорошо знакомый многим бекетовцам Семен Писарев, богатый мужик из Русской Бектяшки.

Оба говорили не так складно, как городские, но о том, что у большинства наболело — об обидах, чинимых новой властью, надругательство над верой, как большевистские комиссары душат мужиков непосильными налогами, продразверсткой, реквизициями скота и сбруи. «Мы за Советскую власть, — говорили ораторы, — но против грабителей-большевиков. Против них восстали Новодевичье, Хрящевка, Ягодное, Бектяшка и другие села. Давайте держаться друг за друга». Заверяли, что из Сызрани на помощь восставшим идет батальон войск. Говорили, что вчера во второй половине дня около Елаура красноармейцы, а может продотрядники, опять пытались прорваться к Бектяшке, но им дали хороший поворот. В этот день



на бектяшкинском направлении было тихо. Никто ни на кого не наступал. Только в Сенгилее член уездного совета Миронов не отходил от телефона, пытаясь выяснить, куда же из Симбирска отправлена обещанная для этого участка пушка. Из-за нее шло целое телефонное сражение.

Из войск, сосредоточенных в районе Елаура, были задействованы только некоторые подразделения. Один из взводов Симбирских пехотных курсов ходил на Кулаков хутор разгонять отряд бекетовских повстанцев.

В отношении этой вылазки автор в начале пятидесятых годов записал свидетельство двух старожилов. Один из них утверждал что, разгоняя отряд, курсанты обнаружили 4 или 5 спрятавшихся на гумне повстанцев. Их «взяли в плен», основательно поддали, завели к кому-то в дом, припугнули, после этого мужики поклялись больше никогда не воевать против Советской власти. Отобрав на всякий случай пики, их отпустили домой.

По воспоминаниям другого курсанта, нагрянув на хутор, открыли стрельбу вверх. Повстанцы кинулись бежать. Курсанты их некоторое время преследовали и в догонку кричали: «Эй, вы, чапаны, бросай оружие! Хватит мутить народ... Вам что, деревню свою не жалко? Ведь сгорит она, если не сдадитесь и не выдадите зачинщиков».[59]

Кто из старожилов был ближе к истине — сказать трудно. Пока повстанцы возвращались домой, в Бекетовке произошли страшные события. Озверевшая от выпитого самогона группа мятежников решила расправиться над сидевшими с 6 марта в арестантской председателем сельисполкома Иваном Илларионовичем Трошиным, его заместителем Иваном Михайловичем Фроловым, сельскими активистами: Григорием Афанасьевичем Функтиковым, Романом Николаевичем Паниным, Николаем Ивановичем Стафеевым и Григорием Степановичем Ганиным. Их обвинили в том, что они помогали продотрядникам отыскивать крестьянские захоронки хлеба и подсказывали с кого можно взять побольше продналога. Одни из перепившихся требовали их повесить, другие — утопить в проруби.[60]

Остановились на последнем. «Конвоировать обреченных и выполнить приговор общества» поручили В. С. Зудову и С. П. Сидорову.

Сенгилеевский летучий отряд Стафеева в этот день проводил разведку. Забравшись довольно далеко к югу от Елаура бойцы отряда заметили подводы с каким-то грузом, направляющимся в сторону Волги. Открыли стрельбу, требуя остановиться. Но возчики, сбросив с саней связанных узников, повернули вправо и быстро исчезли из поля зрения. Среди чудом освобожденных смертников оказался и отец начальника отряда.

Действия мятежников зачастую носили непредсказуемый характер. Те же бекетовцы, готовые все крушить и жаждавшие крови, через день одумались и капитулировали без боя, выдав зачинщиков и активных участников мятежа. Их парламентеры просили военных только об одном: не жгите село.

По приговору военно-полевого суда из активных участников чапанного восстания в Бекетовке в апреле 1919 года были расстреляны старшина Иванов Алексей, его брат Иван, торговец Кузнецов Валериан, (имя точно не прочитано) кулак Михаил Стафеев, бывший урядник Иван Григорьевич Кочетков, бывший прапорщик (фраза точно не прочитана) Николай Фадеев, в прошлом урядник Блохин Ден. или Дм. (имя написано неразборчиво), лесник Михаил Десятников.[61]

В Мордово волнения начались позже, чем в Бектяшке, 8 марта 1919 года. Поводом к этому послужил приезд продотряда и уполномоченных уездного финансового отдела. Одни из них под метелку изымали у крестьян хлеб, другие требовали продналог. Хлеб в селе был, но не в таком количестве как представляли продотрядники, они не задумывались над тем, чем мужик будет кормить семью до нового урожая и чем станет сеять весной.

Денег в Мордово не было. Чтобы как-то взыскать чрезвычайный налог, уполномоченные финансового отдела описывали за него скот, подушки, одеяла, самовары, шубы, немудрящие наряды женихов, взламывали крышки сундуков, извлекая из них и тщательно описывая, приданое невест, устраивали торги, где за бесценок продавали все это[62]. Свои сельские старались отобранные вещи не покупать, чтобы не травмировать односельчан. Не единичны были случаи, когда те же уполномоченные наиболее соблазнительные вещи за чисто символическую цену брали себе.



Стон стоял в селе. А тут еще в начале марта распространился слух об очередной третьей реквизиции лошадей. И случилось то, что должно было случиться — восстали Новодевичье, Хрящевка, Ягодное, Русская Бектяшка и другие села[63].

Теперь трудно сказать: сами-ли мордовинские от безвыходного положения додумались или кто подсказал в разговоре, но в Мордово тоже ударили в набат, мужики взялись за колья. Уполномоченных из уезда и продотрядников по-мужицки отметелили и выгнали из села. Членов сельского Совета, активно участвовавших в поисках и изъятии хлеба, отбиравших в счет уплаты налога скот и имущество, арестовали и посадили в холодную.

Эйфория победы над приезжими комиссарами — грабителями скоро прошла, и некоторые стали понимать, что против такой силы, какая была брошена на подавление восстания, им не выстоять,[64] но драться решили до последнего.

Наступление на Мордово началось 13 марта на рассвете. Со стороны Елаура оно осуществлялось взводом курсантов Симбирских пехотных курсов, со стороны Волги — четвертой ротой Симбирского продовольственного полка. Оборонялись мордовинские мужики отчаянно. Оружие (в основном — колья и вилы) стали складывать только вечером. Были жертвы с той и другой стороны. Зло рождало зло. Один из участников восстания — Гусев бился до тех пор, пока не был схвачен и расстрелян в огороде собственного дома.

В ночь с 13 на 14 марта село не спало: шли аресты попрятавшихся участников восстания. Из Русской Бектяшки в Мордово прибыла делегация крестьян. Ее представители на переговорах с командованием заявили, что село сложило оружие и готово выдать наиболее активных участников восстания.

Восстание носило очаговый характер. Чтобы читатель мог составить некоторое представление о его масштабах, автор считает необходимым, не углубляясь в детали, хотя бы назвать основные населенные пункты, где проходили бои и некоторые отряды, участвовавшие в них. Итак, в левобережную колонну по направлению Белый Яр — Хрящевка входил Симбирский продовольственный полк. Со стороны Мелекесса действовал крупный и хорошо вооруженный отряд под командованием Берко.[65] Самарские отряды под командованием Шевердина с 8 марта вели подавление крестьянского мятежа в районе Курумоча. Им, в конечном итоге, соединившись с почти тысячным отрядом Шугара, имеющем на вооружении даже артиллерию, предстояло наступление на столицу восставших — Ставрополь-на-Волге.

Особенно крупные силы сосредотачивались в районе Сызрани. Сюда кроме местных и самарских прибыли для подавления крестьянского восстания отряды из Пензы, Кузнецка. Кроме того по распоряжению М. В. Фрунзе здесь сосредотачивались некоторые части четвертой армии, в частности, значительный гарнизон из Иващенкова[66] (Чапаевск).

С 10 марта начались упорные бои на левом берегу Волги за подавление восстания в Ст. Бинарядке и прилегающих к ней селах.

Попытка наступления ставропольского отряда, базировавшегося в Ширяево на мятежников из Федеровки, окончилась неудачей. Отряд Румянцева понес большие потери и вынужден был вернуться к месту прежней дислокации.[67] Ожесточенные бои шли на Сызранском участке. Правительственные войска и рабочие отряды здесь теснили мятежников.[68] В Симбирске в этот день, 10 марта, заседал губисполком. Было принято постановление о привлечении к борьбе с мятежниками всех рабочих сил и в первую очередь. Первого советского рабочего полка. В случае необходимости было решено снимать рабочих с производства и направлять на подавление восстания.

И так уже совпало, что в этот же день в Горюшке Сенгилеевского уезда словно в пику губисполкому вожаки повстанцев всех сел волости, посоветовавшись, приняли решение объявить мобилизацию всех жителей мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет. Несогласным пригрозили расправой.[69]



11 марта продолжались бои в Заволжье. Отряд Шевердина, рассеяв мятежников в районе сел Н. Еремкино и Пискалы, встречало прибывшее из Самары подкрепление — отряды Шугара и Фролова общей численностью 800 человек, с двумя орудиями, пятью пулеметами, не говоря уже о винтовках.

Кстати об оружии. Двухтысячный отряд, накануне разогнанный в с. Ст. Бинарядка имел всего несколько винтовок и охотничьих ружей. Остальные повстанцы были вооружены кто чем — пиками, вилами, топорами, ломами. Примерно так же было и в других повстанческих отрядах.

Из официальных сообщений: 11 марта в 10 часов утра, с целью оттянуть силы мятежников из г. Ставрополя, командующий красными частями товарищ Шевердин дал приказ правофланговому отряду Кудрявцева начать наступление из села Пискалы по двум направлениям — на села Новое Матюшкино и Узюково с артиллерийским обстрелом. В 2 часа дня эти села были заняты красными частями без потерь.[70]

Можно представить, каково пришлось жителям этих сел, особенно детям, старикам и старушкам, не являвшимися участниками мятежа, когда под ударами артиллерии в щепки начали разлетаться дома и другие постройки, а огонь перебрасывался с одного жилища на другое.[71]

На сызранском участке войска взяли под охрану железнодорожный мост. Были подавлены восстания в ряде населенных пунктов. Шла подготовка к большой Покровско-Усинской операции[72]. Батальон губернской ЧК в этот день закончил подавление восстания в Чертановской, Собакинской и Тереньгульской волостях[73].

12 марта в Заволжье первый самарский отряд Кудрявцева вел наступательные бои с группами повстанцев из сел Ташла и Мусорки. Здесь он соединился с мелекесским отрядом Берко. Последний получил приказ развивать наступление на село Ягодное[74].

Второй самарский сводный отряд Шугара через села Федоровку, Зеленовку и Кумаево начал наступление на «столицу» восставших Ставрополь.[75]

Самые ожесточенные бои в этот день шли на Сызранском участке. Наиболее крупное сражение произошло поблизости от имения Насакина, где был разгромлен, пожалуй, самый многочисленный и хорошо вооруженный отряд, костяк которого составляли мятежники из Усинска[76].

В тот же день утром комендант Ставрополя-на-Волге Долинин объявил в городе всеобщую мобилизацию, а во второй половине дня самарские отряды штурмом овладели «столицей» повстанцев. Непокорные села остались тесно прижатые к Волге, и хотя еще оказывали сопротивление, но уже не такое как в первые дни подавления восстания.

14 марта мелекесским отрядом Берко и воинскими подразделениями разгромлена крупная группировка мятежников в селе Ягодное.

15 марта в три часа утра в Новодевичье из Усолья прибыл сводный самаро-симбирский отряд численностью в 300 штыков. Село было захвачено без боя. В арестантскую, где с 5 марта томились уцелевшие около тридцати большевиков и продотрядников, зашел Михаил Вырыпаев, широко распахнул дверь и выпустил их всех на волю. Грустно улыбнулся, сказал: «А теперь прощайте. Не обижайтесь на наших мужиков за то, что под горячую руку тогда всех вас чуть в расход не пустили».

Это был знакомый узникам крестьянин с суровым лицом Николая Угодника с иконы древнего письма и мозолистыми руками. Запомнили же его потому, что тогда, 5 марта, в самый критический момент, когда разъяренная толпа требовала смерти грабителям - коммунистам и продотрядникам он, единственный из села, нашел в себе мужество выложить последний козырь, чтобы спасти несчастных: «Ну, если так, то и меня стреляйте с ними» и — встал в одну шеренгу со смертниками.

Так, кто же он такой Михаил Вырыпаев? В характеристике, приложенной к следственному делу, написано: «Кулак, спекулянт, торговец хлебом, выдвинут казначеем нового волостного Совета. Активный участник мятежа против Советской власти».



Как позднее писал агитатор продотряда Алексеев — «Мы вместе с комиссией после нашего освобождения переписали всех виновных в восстании». Не исключено, что в этой суматохе был занесен в список и Вырыпаев.

Через месяц с небольшим он был приговорен к расстрелу.

В ночь на 18 апреля приговор привели в исполнение. Вместе с Вырыпаевым из новодевиченских расстреляли 58-летнего Семена Михайловича Дубова и его сыновей, Петра и Ивана. Главные обвинения против них — сыновья кулака. «Были рядом с толпой на площади во время избиения Казимирова».

Аресты и расстрелы в Новодевичьем продолжались до конца 1919 года. Победители ликовали, а мятеж 15 марта разгорелся снова. На этот раз в западной части Сенгилеевского и на юге Карсунского уездов — в Поповке, Беклемишеве, Соплевке, Вешкайме. Начались волнения в Ардатовском и Алатырском уездах. Правда, в последнем восстали крестьяне только двух волостей — Астрадамовской и Гулюшевской (ныне территория Сурского района).

16 марта толпы мятежников перерезали железную дорогу у станции Вешкайма и двинулись к Карсуну.

17 марта упорные бои шли в Карсуне. Но это был еще не конец восстания: в Поповской волости оно продолжалось до 19 марта. В Ардатовском уезде последние очаги восстания были подавлены 27, осадное положение в Алатырском уезде сохранялось до 28 марта. Разбежавшихся из Карсуна мятежников вылавливали по лесам до конца мая.

* * *

17 марта, в день, когда в Карсуне происходили трагические события по подавлению мятежа, Сенгилей хоронил Сирюхина, Белова, Казимирова, Павлова, рядовых продотрядников, павших во время восстания. Их трупы свезли в уездный городок. На центральной площади в ряд стояли гробы. Состоялся траурный митинг. Многочисленные ораторы говорили речи, умные и не очень. Но каждый заканчивал свое выступление словами: навеки останутся

в памяти народа... Духовой оркестр А. А. Войтенко ис-
полнял траурные мелодии. Собравшиеся пели: «Вы жерт-
вою пали в борьбе роковой...».

Похороны состоялись на сенгилеевском кладбище. На том самом, на которое в начале восьмидесятых годов ме-стные руководители загнали бульдозеры и заставили сровнять все могилы, воевавших за Советскую власть и выступавших на противоположной стороне баррикад, строивших социализм, и дореволюционных предпринима-телей, георгиевских кавалеров и орденоносцев советского периода, цвет городской интеллигенции и непревзойден-ных мастеров — ремесленников. Наконец — просто лю-дей.

Так на костях предков был заложен парк культуры. Что это? Забвение элементарной человеческой морали? Кощунство? Бесовщина? Руководящий зуд бессмыслен-ных преобразований? По всей вероятности, любое опре-деление не будет чрезмерным. К сожалению, в служебных характеристиках наших доморощенных вождей этот под-виг остался незаписанным.

* * *

Итак, «Чапанное восстание» закончилось полным по-ражением крестьян. Разные источники называют различ-ные цифры его участников. Одни считают, что восстав-ших было от 50 до 60 тысяч, другие настаивают на циф-ре 100. Из них, как 18 марта сообщал В. И. Ленину ко-мандующий 4-й армией М. В. Фрунзе: «...при подавлении движения убито, пока по неполным сведениям, не менее 1000 человек. Кроме того, расстреляно на месте не менее 600 главарей и кулаков».[77] Количество раненых и искале-ченных не называются ни в одном источнике. А сколько к расстрелянным без суда и следствия добавили заседав-шие в 1919 году революционные трибуналы, рассматри-вавшие дела активных участников восстания! Немало ря-довых мятежников прошло по различным делам в годы массовых репрессий.

О жертвах со сороны продармейцев, сельских, воло-стных и уездных активистов, рабочих, а также войск, по-давлявших восстание, кроме отрывочных, вообще не никаких сведений.



Но вернемся к сообщению М. В. Фрунзе: «Село Усин-ское—продолжал он, — в котором восставшими сначала был истреблен отряд в 170 человек, сожжено совершен-но». Сколько же сел было сожжено «не совершенно», а частично?[78]

Член Симбирского губисполкома М. Гольман в га-зетной статье «Сенгилеевские сморчки», опубликован-ной сразу же после подавления восстания, хвастливо зая-вил: «Военными и гражданскими органами... были при-няты экстренные меры, в результате которых от четырех указанных сел (назывались Бектяшка, Новодевичье, Бе-лый Яр и Хрящевка) остались почти только одни названия».

За давностью лет простим бывшему губернскому чи-новнику его похвальбу. Писал он эту статью исключи-тельно с одной целью — побольше нагнать страху на крестьян. Вот, мол, помните, мы не остановимся и пе-ред уничтожением целых сел. Варварством в те годы это еще не называли.

* * *

И, наконец, о самом названии «Чапанное восстание». Чапан — верхняя крестьянская одежда из домотканной материи со стеганкой. Богатые в крепкий мороз одевали овчинный тулуп. А те, кто победнее — чапан. Он не ско-вывал как тулуп движений. Подавляющее большинство участников восстания было одето в чапаны.

Остряки-красноармейцы, захватив мятежников и же-лая покуражиться над поверженным противником, смея-лись: «Эх вы, чапаны деревенские, вам ли с вилами да берданками воевать против Красной Армии...»

# ПОСЛЕ МЯТЕЖА

Семнадцатого марта 1919 г. заведующий политвост фронта Теодорович и член реввоенсовета Восточного фронта Гусев отправили В. И. Ленину и Я. М. Свердлову телеграмму, в которой, в частности, говорилось, что крестьянское восстание, вспыхнувшее в Сенгилеевском уезде и распространившееся на часть других уездов Симбирской и Самарской губерний, вызвано «безобразной деятельностью местных организаций как советских, так и партийных... При взимании чрезвычайного налога применялись пытки вроде обливания людей водой и замораживания... При реквизиции скота отнимали и последних кур. Представитель уездного комитета партии участвовал, будучи членом ЧК, в десятках избиений арестованных, в дележе конфискованных вещей и прочее. Партийная организация была теплой компанией... Необходимо образование следственной комиссии с представителями ЦК и ВЦИК для обследования всех советских и партийных организаций Симбирской губернии. Виновники должны быть беспощадно наказаны[80]».

19 марта в Сенгилее состоялось общее собрание коммунистов уезда. На нем присутствовали работники политотдела Восточного фронта, находившиеся здесь с первых дней мятежа и успевшие познакомиться с обстановкой в городе и селах.

Разговор состоялся принципиальный. В резолюции собрания, «принятой всеми при четырех воздержавшихся», говорилось, что в связи с восстанием в уезде «обнаружилось»:

1. «Громадное большинство членов партии уезда — политически безграмотные люди, не имеющие понятия о конституционном строе государства, из них много пьяниц, картежников, известных зверским обращением с населением уезда, есть среди них просто преступники и люди с неизвестным прошлым». Многие из них не проявляют стремления к укреплению Советской власти, «а лишь добиваются тех или иных личных удобств и материальных выгод для себя».[81]



2. Среди руководства партии находились такие люди, как Блюм, Мач, А. Саблин и другие сотрудники местной чрезвычайной комиссии, «действия которых были направлены не на укрепление, а на дискредитацию Советской власти, на опошление в широких масштабах самой идеи коммунизма».[82]

3. «Среди членов партии никакой организационно-просветительской работы не велось».

4. «Восстание в Сенгилеевском уезде в значительной доле... лежит на ответственности партийной организации, т. к. население, не видя никакой определенной со стороны партии созидательной работы, в то же время каждый житель имел возможность констатировать множество случаев злоупотреблений, превышения власти и прямых, оставшихся безнаказанными, преступлений».[83] (Текст шероховатый, но печатается строго по документу).

Общее собрание постановило: «Сенгилеевскую партию распустить. По роспуске партии образовать оргбюро из пяти человек: т.т. Телегина, Киселова, Наумова, Корчагина и Никишина, которые должны принять все дела распущенного комитета партии. Все членские билеты, выданные Сенгилеевским комитетом, считать недействительными. Они должны быть сданы в оргбюро в течение трех дней».[84]

Такое решение буквально ошарашило руководство Симбирского губкома РКП(б). Последовал протест в Реввоенсовет Восточного фронта, в котором говорилось, что роспуск партий Реввоенсоветом противоречит решениям съезда.[85] Ответ секретариата был лаконичен: «Реввоенсовет Востфронта приказал сообщить, что Сенгилеевская партия сама распустилась и никакого нарушения постановлений съезда не было».[86]

В апреле—июне в уезде Особая комиссия во главе с Петром Гермогентовичем Смидовичем расследовала причины «Чапанного восстания». Было арестовано много руководителей уезда, волостей. В Сенгилее и селах всю весну и первую половину лета проводились митинг за митингом, собрание за собранием. Шли перевыборы волостных и сельских Советов, из двора во двор ходили приезжие уполномоченные и местные активисты.

В связи с наступлением войск Колчака на Восточно фронте в городе и уезде ежемесячно проходили мобили зации в Красную Армию. Ей подлежали граждане в во расте от 18 до 45 лет. Работать крестьянам было не когда.

За всей этой суетой власти как-то не заметили, чт в селах уезда более 34 тысяч десятин яровины остались не засеянными. Причины тому были разные — не хватал лошадей, некоторые семьи остались без семян, многи мужики находились в тюрьмах по делу о «Чапанном во стании». Над селом все еще продолжала витать угро продразверстки, а население не было заинтересовано расширении посевов.[87]

8 мая в Сенгилее состоялось общее собрание коммуни стов уезда. В докладе оргбюро говорилось, что «колич ство членов Сенгилеевской партии резко сократилось». О талось всего 18 человек. Из них избран новый соста комитета РКП(б). В него вошли Алексеев, Вяткин, Кня зихин, Покровский, Сильнов, Степанов.[88]

14 мая председатель укома В. Степанов и секретар Покровский писали в губком: «В виду полного отсутстви в уезде агитаторских сил просим оставить в Сенгилее дл организаторской работы члена симбирской организаци РКП(б) тов. Князихина. Он постановлением пленума избран в уездный комитет и делегируется в уезд для ор ганизации комячеек и поднятия культурной работы в де ревне».

Такое согласие получили. Через две недели В. Степа нов был отправлен на фронт, а должность председат ля укома стал исполнять 24-летний Андрей Григорьеви Князихин, по специальности текстильщик.

С 16 по 18 мая в Сенгилее проходил уездный съез Советов. На нем отмечалось, что «из причитающихся п продразверстке 2,5 миллиона пудов хлеба упродкомом помощью продотрядов собрано только 267 тысяч, из ни 245005 пудов отправлено в Москву, Питер и др. промышле ные центры». Говоря о действиях продотрядов председ тель уисполкома Алексеев заявил, что они «в некоторы случаях грубы, может быть несправедливы», но это вы



ывается тем, что «крестьяне никак не хотят идти навстре- чу, применяют всякие несправедливые уловки, чтобы отклониться от законно требуемого, и всячески тормозят делу, то всякое желание быть корректным пропадает».[69] Вот так, не больше и не меньше.

К сожалению, таких взглядов на крестьянство при- держивалось большинство уездных руководителей. Мос- ковская комиссия по ревизии Советов одного за другим их освобождала от работы. Был освобожден и Алексеев, проработавший ровно один месяц.

На съезде также отмечалось, что в ряды Красной Армии в уезде призваны практически все граждане четыр- надцати возрастов, начиная с 1887 года рождения, год- ные по состоянию здоровья. Кроме того, образовано уездное тыловое ополчение, в котором «нет места кулакам». За 4 месяца 1919 года задержано сто дезертиров. Все 2026 беженцев, прибывших в Сенгилей в связи с граждан- ской войной, расселены по 17 волостям. В уезде все еще находились 49 военнопленных времен первой импери- алистической.

В Сенгилее и селах свирепствовал сыпной тиф, борь- ба с которым затруднялась недостатком медицинских кадров и лекарств. На 12 врачебных участков имелось лишь 7 врачей, к тому же один из докторов был болен ти- фом. Из 43 фельдшеров и акушерок, положенных по штату, работали только 24. Пробовали привлекать бывших рот- ных фельдшеров, но опыта по борьбе с тифом у них не бы- ло и уисполком от их услуг отказался.

В феврале 1919 г. в Сенгилее и волостных центрах была произведена национализация аптек. В протоколе съезда записано: «Сенгилеевская советская аптека уже приступила к работе, но пока не имеет ни лекарств, ни дезинфицирующих средств».[90]

Много времени на съезде было отведено образованию и культуре. Сообщалось, в частности, что в уезде открыто 6 районных (бывших волостных) библиотек, две библи- отеки повышенного типа и 4 народных дома. Организова- ны 22 политпросветкружка. Кое-кто из присутствовавших интересовался судьбой Сенгилеевского музея, его ценными экспонатами. На это было отвечено так: «Экспонаты быв-

шего Сенгилеевского музея пока находятся в помещении уездного исполкома. В ближайшее время предполагается вместо буржуазного открыть новый советский музей». А экспонаты тем временем растаскивались.

Школ в уезде имелось 148 со 150 комплектами и одно ремесленное училище. Учеников было около 10 тысяч, учителей 265. Ведал народным образованием Платон Иванович Горановский, в свое время окончивший гимназию.

Уездный земельный отдел возглавлял Максимилиан Робертович Липгарт, выпускник Московского агрономического института. К сожалению, к его советам, как высококлассного специалиста, не прислушивались. На первое место выходили не знания, а выполнение любой ценой директив вышестоящих организаций.

А вообще-то кадров, способных быть руководителями — катастрофически не хватало. На V съезде председателем уездного совета народного хозяйства был утвержден присланный из Симбирска Иван Дмитриевич Прытков. В июле он стал председателем укома партии вместо Князихина, который эту должность занимал по совместительству. Председателем уисполкома избрали Якова Степановича Никишина.

Что еще изменилось в кадровом составе? В связи с арестом А. Саблина на должность председателя Сенгилеевской ЧК прислан Федоров. Заведующим информационно-инструкторским отделом утвержден 20-летний Николай Пантелеевич Пантелеев, учитель по специальности. Редактором уездной газеты стал тоже учитель Николай Викторович Спасский. Было ему 21 год.

В соответствии с решением VIII Всероссийского съезда Советов и декретом ВЦИК «Об амнистии участников кулацких восстаний, не являющихся их руководителями», большинство рядовых участников «чапанки» в течение лета и осени были освобождены из-под ареста. А в Сенгилее заседал трибунал.

Член Особой Комиссии по ревизии Советов, ответственный работник Наркомпрода С. В. Малышев по долгу службы проехал через села Симбирской и Самарской



губерний, восставшие в марте, и 19 июля из Сызрани телеграфировал председателю Совнаркома РСФСР: «...теперь везде установлена нормальная жизнь. В Сенгилее нами был учрежден особый трибунал нашей комиссии с открытым разбирательством. Народу присутствовало очень много; все убедились, что центральная власть жестоко наказывает даже и коммунистов, которые осмелились нарушить декрет или доверие трудового народа... В Сенгилее настроение настолько улучшилось, что ...записалось бедного этого маленького города и пролетариата 500 человек в армию для окончательного уничтожения колчаковских банд...».

Далее в той же телеграмме говорилось, что для укрепления хорошего отношения крестьян к Советской власти «...прошу спешно поручить Наркомпроду отменить реквизицию убойного скота в Симбирской и Самарской губерниях, ибо там в некоторых волостях почти не осталось коров»,[91] «о возможности приостановить реквизицию лошадей, наличие которых там ничтожно, пересмотреть разверстку хлеба, которая создана по посевной площади при плохом обследовании самого урожая... и предписать губерниями Самарской и Симбирской немедленно продвинуть к крестьянам... товары для распределения...».[92]

Некоторые просьбы, изложенные в телеграмме С. В. Малышева, были выполнены. В частности, прекращена реквизиция лошадей. Что же касается всего остального, то пока все осталось по-прежнему. Некоторые сомнения вызывает и искренность автора телеграммы, особенно в вопросе настроений крестьянства.

Примерно в это же время И. Д. Прытков, знавший обстановку уезда не хуже Малышева, сообщал в Симбирский губком: «Твердо население стоит за Советскую власть в Кротковской, Бестужевской, Калдинской и Карлинской волостях, удовлетворительно — в Ст. Тукшумской, Ново-Тукшумской и Белозерской. Слабо укрепилась Советская власть в Р. Бектяшкинской, Новодевиченской, Тереньгульской, Собакинской, Ст. Ерыклинской, Горюшкинской, Смышляевской, Уваровской, Лесо-Матюнинской, Чертановской, Поповской, Мало-Борлинской, Воецкой, Ст. Тимошкинской и Сенгилеевской волостях».[93]

Поэтому в Сенгилее на всякий случай находился 127 батальон внутренних войск.

Из объявлений.

В Сенгилее открылся красноармейский клуб «Красный стрелок». Работают хор, струнный оркестр.

* * *

В связи с ликвидацией чрезвычайкома и раздачей конфискованного имущества белогвардейцев, бежавших с буржуазией города, доводится до сведения населения, что вещи раздаются только беднякам и семьям красноармейцев.

* * *

В Сенгилеевской библиотеке книги выдаются только красноармейцам и членам профсоюза.

* * *

Прошу граждан, знающих места, где сбрасывалось оружие в Волгу, как во время боев, так и при временной эвакуации, а также места, где работали водолазы белых, сообщить по адресу: Сенгилей, номера Баукина, губернскому производителю работ Батунину.



# РЕАЛИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

К восприятию реалий нового мира более податливой, как и следовало ожидать, оказалась молодежь. Еще в конце 1918 г. военрук военкомата Андрей Миронов организовал в Сенгилее Союз молодежи. Объединял он узкий круг друживших между собой людей на почве общих интересов и привязанностей. Ни программы, ни устава, ни протоколов. Собрались, поговорили, сделали.

Без каких-либо выборов своим лидером все признали Миронова. Николай Пантелеев, увлекавшийся ораторским искусством, так же без официальных выборов стал организатором агитационной работы среди городской молодежи. Заядлые театралы Василий Терехин и Владимир Трубачев взяли под свою опеку городской любительский театр, вовлекли в драмкружок еще человек семь. Александр Уральцев и Дмитрий Феоктистов взялись за организацию катка. Открылся он незадолго до Нового 1919 года. Молодым это нравилось, т. к. оживляло серую жизнь провинциального городка. С началом «Чапанного восстания» Союз молодежи распался.

Н. Пантелеев, В. Трубачев, А. Уральцев и присоединившийся к ним Владимир Оствальд с цементного завода долго не могли смириться с распадом своего Союза и решили все-таки воссоздать его, но уже на основе официального Устава РКСМ. Заручились поддержкой укома партии, привлекли к участию военных и других более активных людей из городских и уездных учреждений. 29 мая провели организационное собрание, на котором обсудили Устав РКСМ и избрали свой комитет. В него вошли Зиновий Гимпельсон (председатель), пом. комиссара 2-го запасного полка 18-летний Анатолий Григорьев (товарищ председателя) и Гавриил Гладков (секретарь).

Уком партии официально утвердил новый Союз и его комитет. Теперь он стал называться Сенгилеевский Союз коммунистической молодежи.[91]

Работа среди молодых велась не навязчиво, с выдумкой.

Например, в воскресенье, 15 июня, прошел праздник «День юных пролетариев». На Венце — центральной площади — и во Дворце труда состоялись митинги, затем народное гулянье, играл духовой оркестр. Все было просто и вместе с тем необычно. Собрали комсомольскую футбольную команду, возродили драматический кружок.

В середине июля 1919 г. Петроградский комитет РКСМ обратился к молодежи Симбирской губернии с просьбой помочь голодающей молодежи Петрограда. «Присылайте все, что в ваших силах». Сенгилеевский комитет РКСМ выпустил по этому случаю красочные плакаты. Комсомольцы занялись сбором добровольных пожертвований, сначала в городке, а затем и в окрестных селах. Если работники уездного военкомата, например, жертвовали свой однодневный оклад, то из Каранина, Алешкина, Елаура и ряда других сел стали прибывать подводы с продовольствием. Сопроводительные документы свидетельствовали: «Ново-Ерыклинский сельский Совет сим удостоверяет, что сделан комсомольский сбор по селу добровольных пожертвований и собрано муки, ржи, пшена — всего весом 25 пудов 37 фунтов».

Так комсомольцам удалось собрать 365 пудов хлеба и 72127 рублей денег. Доставить все это в Петроград было поручено Ивану Круглику и Владимиру Кирпшу. В Сенгилей пришла благодарственная телеграмма.

К сентябрю городской Союз Коммунистической молодежи насчитывал более 70 человек, появились комсомольские организации в селах. Всего их было уже 8, а общее число членов РКСМ около 250 человек.[92]

Что влекло молодежь в комсомол? Некоторых бескорыстное желание как можно быстрее построить обещанную счастливую жизнь. Другим нравилось быть на виду односельчан и горожан, командовать своими сверстниками и даже парнями постарше. Третьих привлекала возможность через комсомол «выбиться в люди», получить приличную по местным представлениям должность, вроде заведующего нардомом (так назывались клубы) или секретаря Совета. Были среди молодежи и такие, кто рассчитывал с помощью комсомола попасть на какие-либо



курсы, а более грамотные — на учебу, получить специальность.

В сентябре 1919 г. состоялась уездная конференция РКСМ. Секретарем укома комсомола избрали бывшего продотрядника наборщика типографии Ивана Яковлевича Круглика, а председателем городского комитета РКСМ Н. П. Пантелеева.

Молодежь более решительна, легче поддается влиянию извне. Значительно сложнее было со взрослыми, людьми более консервативными, со сложившимися традициями и привычками к осторожности. Как отмечалось на Симбирской губернской конференции РКП(б) 26 августа, в Сенгилеевском уезде работа партии все еще не налажена. Все 18 членов партии занимают ответственные посты. Роста партии до сих пор нет, создаваемые партячейки немногочисленны и распадаются.

2 сентября в Сенгилее ошвартовался агитпароход ВЦИК «Красная звезда». На нем находился председатель ЦК РКП(б) Вячеслав Михайлович Молотов, выступавший с лекцией «Кто может называться коммунистом».

О предстоящем прибытии парохода в Сенгилей было известно заранее, и городок пестрел афишами: «Если ты хочешь знать какую жизнь строит Советская власть — иди на пристань». Посмотреть было что. Красавец-пароход! Рядом огромнейшая баржа, выкрашенная в красный цвет. В ее трюме — бесплатный кинематограф. В нем многие сенгилеевцы смотрели «туманные картины». На пароходе работала радиостанция. Люди слушали пояснения радиста, да так и не могли понять, как же за много-много верст до них доносится человеческая речь. Граммофон они знали, а вот радио — нет. Смотрели сельскохозяйственную выставку. Здесь же раздавали газеты, продавали книги, и весь день у пристани один митинг сменял другой. Выступали Александров, Вознесенский, Бурнашов, Юдовский, Волин. Все это впечатляло не только молодежь, но и вселяло какую-то надежду в людей среднего возраста.

Ушел пароход, и город стал жить своими повседневными делами и заботами. Продолжала свирепствовать эпидемия тифа, заразные бараки были уже переполнены. Не

смягчались трудности с хлебом. Соль на черном рынке продавалась из-под полы в пакетиках наподобие лекарств, цены на нее держались астрономические. Это был самый ходовой и, пожалуй, самый дорогой товар. За пятипудовый мешок соли можно было приобрести хороший дом с надворными постройками. По такой же цене шел и сахарин (о сахаре уже начали забывать). Настоящего мыла сенгилеевцы не видели давно, местные умельцы его изготавливали сами, от настоящего его отличало то, что оно было похоже на холодец. Приезжие из сел торговцы в избытке снабжали горожан самогоном. Да чем только тогда не торговали из-под полы, опасаясь милиции. Соответственно, за риск брали повышенную цену.

В селах уезда бесчинствовала банда Никиты Никулина по кличке «Ухач». Одним из самых распространенных в те годы преступлений являлось конокрадство. Милиции прихватить конокрадов удавалось редко. А если они попадали с поличным в руки крестьян, то их воровская жизнь заканчивалась — либо в проруби, либо в другом укромном месте. О самосуде, деревня, естественно, никому не докладывала. Молчали даже местные активисты. Все так же отбирался у крестьян хлеб. Село хирело на глазах.

Но в эту серую, в общем-то, жизнь властно вторгались и иные ноты. В октябре и ноябре в Сенгилее комсомольцы провели семь субботников. Растормошили обывателей, убрав привычно захламленные улицы от мусора. Это понравилось даже старикам.

По субботам пилили и кололи дрова на пристани. К ним подходили ради любопытства местные мужички, с усмешками наблюдали за работой. Некоторые изъявляли желание поразмяться, показать молодым свою сноровку. Так, шутя, и были погружены на баржи 5 пятиполенных сажен дров, 31 тысяча пудов хлеба «для пролетариата промышленных центров».[94] И главное, все это бесплатно.

В губернии Сенгилеевский уком часто и нещадно критиковали за слабый рост рядов партии. Местное руководство с 7 по 15 ноября решило провести партийную неделю. Агитаторы опять ходили из дома в дом как в городе, так и в селах. В итоге в уком было свезено около 700 заявлений с просьбой принять в партию большевиков.[95]



Активизировалась работа среди женщин. В Сенгилее появились первые жендепегатки, им выдавали красные платки. Осенью из городка были направлены в Симбирск на курсы красных медсестер первые шесть девушек. После окончания курсов они должны были работать в госпиталях.[96] Среди них оказалась и Ольга Николаевна Соловьева. На фронте она была до конца гражданской войны, а затем много лет работала в больницах. Журнал «Здоровье» № 2 за февраль 1957 года опубликовал редкую фотографию симбирских медсестер, отправлявшихся на фронт, среди них и О. Н. Соловьева.

Как уже говорилось, после подавления крестьянского восстания в Сенгилее был расквартирован 127-й батальон внутренних войск. В августе 1919 г. он был отправлен на фронт, а на смену прибыл запасной полк 5-й армии. Неразбериха в военном ведомстве еще существовала, и в конце августа в Сенгилее начал формироваться еще один 493-й полк 55-й дивизии. Основной костяк его составляли татары из Уфимской губернии. Размещать их было негде, цейхгауз пуст, красноармейцы ходили кто в чем, некоторые даже босиком. Продовольствия не хватало, будущие бойцы подбирали на полях невырытую картошку. Комендант Сенгилея Урезлов за отсутствием казарм разместил их в помещениях мельниц и бывших купеческих амбарах.[97]

19 сентября полк взбунтовался. Требования были элементарные — обеспечить обувью, обмундированием, теплым помещением и питанием. Через неделю с помощью Симбирского гарнизона полк обули, одели, но свободных помещений, где можно было бы укрыться от наступающих холодов в городке, не имелось. В октябре 493 полк был переведен в Самару.

Осенью 1919 по инициативе И. Д. Прыткова в имения Климовых и Рагозиных неподалеку от Сенгилея, за Новой Слободой, была переведена из Тушны коммуна имени III Интернационала, созданная в 1918 г. в Гранном поле, и в том же году разгромленная группой полковника Каппеля. На новом месте в распоряжение коммунаров было предоставлено хорошее жилье, вальцовая мельница,

помещения для скота, большой земельный участок, сад.

Как отмечалось на заседании губернского комитета миллиардного фонда помощи коллективным хозяйствам, коллективу коммуны бесплатно выделены лошади, сбруя, сельскохозяйственный инвентарь, а также коровы, свиньи, овцы.[98]

Уезд должен был иметь свое образцовое социалистическое хозяйство. По настоянию Прыткова зав. уездным земельным отделом агроном Липгарт был утвержден консультантом при председателе коммуны Н. А. Фрейлине. И надо отдать ему должное, не навязчиво, тактично Липгарт постоянно помогал советами коллективу, а когда болел Фрейлин, заменял его. В начале 20-х коммуна процветала.[99]

По настоянию И. Д. Прыткова 15 октября 1919 г. Сенгилеевский укомпартии принял постановление об увековечении памяти расстрелянных красноармейцев из группы Гая, о сооружении в Тушне (она тогда относилась к Симбирскому уезду) памятника-обелиска.[100] Не будем возмущаться тем, что в те годы, да и после, память была возможна только односторонняя. Ведь в той же Тушне были расстреляны не только красноармейцы, но и зарублены шашками офицер и несколько юнкеров, которые по сегодняшним понятиям тоже боролись за свою Родину, за свою Россию. Может быть новый обелиск должен символизировать память о всех, кто в этом селе погиб в братоубийственной гражданской войне?

И, пожалуй, последнее событие 1919 года. В Сенгилее создается уездное отделение ЕПО — «Единое потребительское общество». Согласно декретам ВЦИК оно было задумано, как могущественная организация, заменяющая традиционную торговлю «планомерным распределением» потребительских благ, однако дальше контроля за скудными карточными пайками дело не пошло, и в начале двадцатых годов ЕПО тихо распалось.[101]



# ГОЛОДНЫЙ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Двадцатые годы начались в сложной экономической обстановке. Еще громыхала гражданская война. По земле российской не очень бодро шагал военный коммунизм и его спутники — голод в городах, продразверстка — в деревне. О свободном рынке вспоминали как о манне небесной. Печатный станок работал непрерывно. Страну захлестывала лавина ничем не обеспеченных денег, и всамделишних и фальшивых. Где их только не печатали! Даже в Сенгилее фальшивомонетчики водились. А законопослушному крестьянину стало невыгодно производить излишний хлеб, растить скот. Деньги считали на миллионы, а население нищало.

Беспристрастная статистика свидетельствует, что в разгар первой империалистической войны, в 1916 году, в Сенгилеевском уезде засевалось 268480 десятин 424 кв. сажени, т. е. практически вся пахотная земля, выделенная в пользование крестьянам, а уж о господской и частнопредпринимательской и говорить нечего. Но, начиная с 1918 года, посевы начали сокращаться. В первый год недосев крестьянских земельных участков по уезду составил почти тысячу десятин, а в 1919 г. — уже 34091, а в 1920 — аж 68340.

Но и это еще не все. Когда в 1918 г. проходила конфискация частнособственнических земель, они далеко не все перешли в руки крестьян, как было обещано. Крестьяне получили только норму — 1,5 десятины на едока. В эту норму вошла и та земля, которой они пользовались до революции. Из того же, что осталось сверх нормы, был образован запасной земельный фонд общей площадью 40548 десятин.[102]

Фондовые земли стали пустовать. Чтобы не допустить их самовольного захвата населением, уездное земельное управление организовало очень жесткий контроль за этими участками. Любой случай самовольной запашки сурово карался. С 1919 года около 500 десятин фондовых земель уземотдел начал сдавать в аренду Игнатовской и Тимошкинской суконным фабрикам, Игнатовскому винзаводу и Сызранскому управлению связи. Остальная земля лежала

не тронутой, в ожидании, когда на ней будут организованы коммуны, совхозы, артели.

Следовательно, незасеянных земель в уезде все эти годы было как минимум на 40 тыс. больше и фактически в 1918 г. их площадь составляла 42548, в 1919 г. — 74139, а в 1920 г. уже пустовало 108388 десятин.[103]

По недосевам Сенгилеевский уезд не был исключением. На VIII Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в декабре 1920 г., была сделана попытка пресечь сокращение посевных площадей крестьянских хозяйств за счет административного давления, результатом чего явился декрет о посевкомах.

Он предписывал на местах создать губернские, уездные и волостные посевные комиссии, а при сельских Советах — комиссии содействия севу. Они должны были подсчитать сколько потребуется семян, чтобы засеять всю землю, выделенную в пользование крестьянам, затем изъять потребное количество семян у их владельцев, ссыпать в общественный амбар, а когда начнется сев выдать и проследить, чтобы все семенное зерно легло в почву. В случае, если у малоимущих такого количества семян не окажется в наличии, пополнить недостающее за счет изъятия зерна у зажиточных.

В феврале такая комиссия в уезде была образована. Для руководства ею уездный комитет партии создает посевную тройку, которая мобилизовала 25 наиболее напористых коммунистов Сенгилея и направила их в волости и села с целью организовать на местах ремонт плугов, сох, борон, сбруи и, самое главное, — произвести «бронирование и ссыпку семян в общественные амбары».[104]

С подготовкой инвентаря проблем не было, практически все оказалось готово, а вот с бронированием семян и ссыпкой их в общественные амбары вышел конфуз. Крестьяне, как сговорившись, под разными предлогами уклонялись от сдачи семян на хранение властям, чаще всего ссылаясь на то, что все зерно выгребла продразверстка: «Самим есть нечего». Во многих семьях так и было. По деревням же ползли слухи, что большевики хо-



тят все семенное зерно вывезти из города. Поэтому многие не спешили вынимать хлеб из захоронок. Было на этот счет немало доносов. Например, в Буераках кто-то донес уполномоченному о захоронке хлеба у справного мужика Петра Сергеева. Посевная комиссия разыскала у него эту яму, а изъятые из нее 55 пудов зерна обратила в общий семенной фонд. В целом кампания по изъятию семян в уезде провалилась.

25 февраля в Сенгилее из коммунистов было подобрано еще 25 уполномоченных. Перед ними уком и уисполком поставили новую задачу — выехать в села и мобилизовать крестьян на заготовку и вывозку дров для промышленных центров, а также для железнодорожного и водного транспорта.

Многие из уполномоченных ехать в села с такой миссией отказались. Пытались втолковать уездным властям, что любой крестьянин перед полевыми работами дает лошади отдых даже при наличии хороших кормов. Ставить же коней, не видевших всю зиму овса, на вывозку леса, значит сорвать пашню. Не убедили. А выехавшие в села в большинстве вернулись с таким же мнением.

5 марта в Сенгилее состоялось общегородское партийное собрание, на котором речь шла «О задачах парторганизации на продовольственном и топливном фронте». Накачка ожидаемых результатов не дала, были лишь отмечены «упадок энергии и напряженности в работе многих коммунистов», а также их «апатия и расхлябанность в выполнении директив центра».

17 марта было создано еще одно городское собрание с повесткой дня «О повышении партийной дисциплины». На нем вновь отмечаются «факты самодемобилизации... и уклонения от партийных заданий».

Через неделю уком исключает из партии троих не выехавших на места уполномоченных «как дезертиров трудового фронта».

29 марта уком партии вновь объявил общеуездный трехнедельник по бронированию семян. На сей раз была дана категорическая команда: землю по едокам не делить

до тех пор, пока не будут сданы в общественный амбар семена.[105]

Власть победила. Но начало полевых работ было оттянуто более чем на неделю.

Май начался без дождей, а с 15-го солнце уже палило нещадно. С первого июня подул суховей. Горячий юго-восточный ветер обжигал лицо. Свертывал на деревьях листья. Недосев яровых по данным уездного земельного отдела составил 30 процентов.

В уезде бушевали пожары. В Белом Яре сгорело пол села, ссыпной пункт и огромный массив соснового леса. Несколько дней подряд полыхали артюшкинские и тереньгульские леса. В Новодевичье сгорело 35 домов, в Русской Бектяшке — 14, в Новом Тукшуме — 33 и так почти в каждом селе. В огне гибли люди, скот. Мгла, скрывая солнце, неделями висела над землей.

30 июня уездный продовольственный комитет через газету «Труженик» объявил, что за отсутствием в его распоряжении запаса продуктов «выдача общегражданского хлебного пайка служащим советских учреждений, как города, так и уезда с июля производиться не будет впредь до поступления хлебных продуктов из губисполкома».[106]

В отношении крестьян упродком не сообщал ничего. А положение в деревне сложилось отчаянное. Все запасы хлеба у подавляющего большинства земледельцев были съедены и изъяты продразверсткой 1920 года.

По обследованиям, проведенным членом укома Яшковым, в среднем по уезду урожай составил по 1,5 пуда (около 25 кг) с десятины. По степени нуждаемости в продовольствии уезд губернскими властями был отнесен к первой (самой отчаянной) категории голодающих.[107] Была образована чрезвычайная комиссия в составе председателя уисполкома Никишина, председателя укомпарта Прыткова и зав. земельным отделом Фадеева, однако никакими материальными ресурсами она не располагала. Мизерные отпуски продовольствия из губернии проводились с большими перебоями.

Руководство соседнего Симбирского уезда в конце июля 1921 года обратилось к председателю Совета Труда



и Обороны В. И. Ленину с просьбой о помощи, т. к. «получился полный неурожай»[108], хотя этот уезд по сравнению с Сенгилеевским в силу более плодородных почв меньше пострадал от засухи.

Вскоре в адрес XII Симбирского уездного съезда поступила телеграмма от Владимира Ильича. В ней говорилось, что «Советской властью принимаются самые спешные и решительные меры к оказанию помощи пострадавшим от неурожая. Повсеместно объявлены сборы... Образован при ВЦИК специальный комитет помощи голодающим... На днях к вам выедут уполномоченные ВЦИК. Делаем все возможное».

Действительно, вскоре в Симбирске побывала московская комиссия. Она освободила губернию от всех государственных натуральных налогов на все виды продуктов. Оказала и такую сомнительную помощь, как предоставление губисполкому права «проводить внутригубернские налоги с оставлением всего собранного для внутренних нужд губернии».

Председателям уездных чрезвычайных комиссий удалось добиться от нее разрешения послать в хлебородные губернии закупочные делегации «для приобретения хлеба на свои пожитки и домашнюю рухлядь» и то с оговоркой, «чтобы в эти делегации не пролезли чуждые элементы».

А вот за семенную ссуду, пообещанную московской комиссией, крестьяне говорили свое искреннее спасибо. В Сенгилеевский уезд ржи поступило 255259 пудов 17 фунтов. Озимой сев шел под жесточайшим контролем. По данным Сенгилеевского уисполкома за счет ссуды было засеяно 62062 десятины, в том числе только что организованными совхозами «Стоговский», «Хохловский», «Кобелевский», «Зеленецкий», «Валуевский», фабземхозом «Игнатовский» и коммуной им. 3-го Интернационала — 667,5 десятины. Установленное уезду задание было выполнено на 58 процентов.[109]

Население, чтобы спастись от голодной смерти, заготавливало желуди, лебеду, сережки берез, липовую кору и другие суррогаты. Использовали и просто счастливые случаи. Однажды к Сенгилею невесть как пробился ог-

ромнейший косяк сельди из низовьев Волги. Были быстр организованы группы по ее отлову, а из молодежи по руководством старичков создали бригады по засолк Сельди выловили столько, что несмотря на все старани засолить всю не смогли, и волжский берег несколько н дель смердил так, что к воде было невозможно подой ти.[110]

По мере приближения осени многие начали уезжат на Кубань, Украину, в Сибирь. На Сенгилеевской других пристанях скапливалось огромное количество народ В этой сумятице родители теряли детей, дети — род телей. Голодная, оборванная ребятня десятками бродил по городку в надежде разжиться чем-нибудь съестны Многое для их спасения делали сенгилеевские комсомол цы и добросердечные взрослые. Они подбирали их и опр деляли в детские дома. Но и в них свободных мест н хватало.

А голод начинал принимать ужасающие формы. Ка отмечалось в отчетном докладе уисполкома, «стали н блюдаться случаи людоедства, как это было в Мордовско Бектяшке».

По официальной статистике в октябре было зарегис рировано 70 голодных смертей, в ноябре от голода уме ло 116 взрослых и трое детей. А всего с октября 192 по июль 1922 г. по уезду погибло голодной смертью 31 чел., среди них 495 детей.[111]

Жертв могло быть значительно больше, если бы н АРА и отечественная организация с неудобопроизносимы названием укомпомгол.

В селах уезда были созданы 103 комитета кресть янской взаимопомощи. Но поскольку помощь друг дру оказывать было практически некому — нуждались почти в одинаково, комитеты лишь проводили регистрацию ос бо голодающих, следили, чтобы на питание в столов помгола не были зачислены более-менее состоятельны граждане, чтобы продукты, когда они поступали, по ностью закладывались в котел. Всего в этот период столовых укомпомгола из 74874 голодающих взрослых п данным уисполкома питались 16700 человек.[112]



В конце октября—ноябре начали возвращаться заку- почные делегации из хлебородных губерний. По грубым подсчетам, произведенным уисполкомом, они доставили в уезд около 50 тыс. пудов хлеба.

По распоряжению правительства потребительским об- ществам Поволжья для обмена на хлеб было выделено солидное количество товаров. С помощью обменных опе- раций работники этих обществ уезда заготовили в бла- гополучных губерниях 13030 пудов ржи, 1336 пудов овса, 600 пудов ячменя, 146 проса, 12781 пуд картофеля, 160 пудов рыбы, 504 пуда муки разной и 8000 пудов соли. Те же потребительские общества заготовили в селах уез- да 643 пуда мяса, 68 пудов сала и 24 пуда рыбы.

Цифры, на первый взгляд, впечатляют, но если учесть, что население уезда составляло более 150 тысяч, а голо- дающих насчитывалось 90—92 процента, можно понять, что заготовленное являлось каплей в море. Значительная часть жителей была вынуждена питаться различными сур- рогатами, среди которых лебеда приравнивалась чуть ли не к хлебу.

Для борьбы с голодом проводились различные ак- ции. Одной из них была кампания по изъятию церковных ценностей. В уезде она прошла без инцидентов, а в не- которых селах ценности из храмов передавались комиссии самими священниками.

Из церквей города и уезда изъяли 12 пудов, 4 фун- та, 33 золотника серебра, 4 золотника 50 долей золота и одно платиновое кольцо.[113] Все это сложилось в десятки тонн серебра, центнеры золота, но было ли что из про- дуктов на них закуплено за границей — остается тайной до сего времени.

Мы не спешили признаваться перед мировым сообще- ством в постигшей нас беде, что в стране Советов — го- лод. Это сделал А. М. Горький. Об этом же во все- услышание заявили и другие российские интеллигенты, из- вестные в Европе и Америке с дореволюционных времен.

Их призыв к Герберту Гуверу (тогда еще не президен- ту), Фритьофу Нансену и другим общественным деятелям получил широкую поддержку. Только в США частные

лица и организации пожертвовали 25 миллионов доллароі кроме того 20 миллионов выделило правительство шт тов. Была разработана программа, получившая названи АРА (Американская администрация помощи). Возглави ее Г. Гувер. Откликнулись пожертвованиями и други страны.

В программу АРА входила закупка продовольстви доставка его в Поволжье, организация питания детей сбор, доставка и распределение среди детей и беднейше населения одежды, обуви, оказание медицинской помощ

Свою деятельность на территории Сенгилеевского уе да АРА начала развертывать в конце октября 1921 Первый пароход, в трюме которого находилось нескольк сот тонн риса, муки, масла, сахара, какао и других пр дуктов, ошвартовался у Сенгилеевской пристани под чер, когда его никто не ждал. По Волге уже шло «сало» Руководству уезда было поставлено условие: «Если чере пять часов не выгрузите — пароход уйдет».

Не привыкшее к такому жесткому графику работ руководство все же через два часа собрало на присташ около двухсот человек. Выгрузили продукты в установле ное время.

В связи с отсутствием приличных дорог по настояни представителя АРА уезд был поделен пополам — 11 во лостей снабжались через Сенгилеевский комитет АР (его возглавлял сенгилеевский учитель Никонов) и 11 ближе к железным дорогам — через Сызранский комитет.

Американцы добились полной автономии своих дей ствий. Они наотрез отказались передавать продукты распоряжение советских органов и создали свои комисси включив в них священнослужителей, некоторых бывши деятелей земства и других лиц с безупречной репутацией Их за это местные власти поругивали, но порядок в ст ловых АРА был образцовый, все делалось четко, опер тивно, на учете была каждая четверть фунта продуктов.

К ноябрю 1921 г. детское питание было налажено в всем уезде. В городе от укомпомгола с октября 1921 пи тались от 650 до 798 взрослых и 277 детей до 16 лет. О АРА в Сенгилее питалось от 3147 до 3210 детей. С посту



нием в марте 1922 г. кукурузы комитет АРА начал делять продукты и взрослым. Так, в апреле горожа м было отпущено 1612 пудов 20 фунтов кукурузной му-, в мае,— 1666 п. 10 ф и так до конца августа.

В селах Сенгилеевской волости укомпомгол открыл 9 оловых, в них с ноября по май один раз в день пита-сь от 1055 до 1650 взрослых и от 900 до 1540 детей.[115]

От АРА в селах волости с ноября ежедневно получали итание от 3017 до 3173 детей. С апреля, разумеется, бес-атно. Стала оказываться помощь взрослым. В апреле бы- выдано 2640 пудов кукурузной муки, в мае — 2728, в юне — 2553, за июль сведений нет, в августе — 3430 пу-ов. Из 8342 жителей сел волости все дети и 98 процентов рослых питались от укомпомгола. Аналогично обстояли ла с оказанием помощи во всех остальных селах, дерев-х и хуторах уезда. В августе 1922 г. укомпомгол свер-л свою работу, АРА продолжала оказывать помощь в итании детей до конца ноября 1922 года.

После того, как голод миновал, наша идеологическая ужба начала выливать на США и другие государства шаты помоев. В чем только не обвиняли правительство и бщественных деятелей США и других стран?! Что эти аку- капитализма, посылая продукты умиравшим от голода телям Поволжья, оказывается не только заботились о хранении их жизни, сколько стремились нажить себе по-итический капитал. Что они, избавляясь от излишков родовольствия, получали возможность держать высокие ены на своем внутреннем рынке, что на фрахте судов, до-авлявших продовольствие в Россию, судовладельцы на-или миллионы, а матросы получили гроши и т. д. и т. п. Местные и губернские ораторы злобствовали по пово- сгоревших осенью 1922 г. складов АРА в Сенгилее и ни ова благодарности.[116]

А ведь только АРА в те годы отправила безвозмездно Россию 28 миллионов пудов продовольствия и не только о. Лишь на один сенгилеевский участок (11 волостей) ыло завезено 125460 кусков мыла. За счет американских редпринимателей и налогоплательщиков в Сенгилее, Но-девичье, Тереньге и Поповке открыты бесплатные амбу-атории ААП со штатом: 5 врачей, 14 фельдшеров, 5 сиде-к.

Вызвано это было неблагополучной эпидемической об
становкой. С 15 февраля по 31 октября 1922 г. в уезде бы
ло зарегистрировано 5119 случаев заболевания сыпным ти
фом, 1577 — возвратным, 1113 случаев брюшным, 555 –
неопределенным (так в документах), 6484 случая маляри
1024 сл. дизентерии, 8440 различных заболеваний на поч
ве голода. Персонал амбулаторий провел прививки насел
нию противохолерной и противотифозной вакцины.

И это еще не все. Для больниц, находящихся в зон
действия сенгилеевского комитета АРА, было поставлен
бесплатно около 500 пудов лекарственных препаратов, ср
ди которых уже несколько лет отсутствовавшие хинин, ко
феин, морфий, кодеин, камфара, кокаин, хлороформ, эфи
йод, опий и т. д. В достатке были завезены дезинфициру
щие средства.

А сколько собрано и завезено было одежды, обув
Пусть ношеной, но добротной. Чуть ли не десятилетие
Сенгилее и в селах уезда, передавая от старших младши
дети щеголяли в американских башмаках, брюках и плать
ях.

Бедствия, которые повлек за собой голод, были, коне
но страшные, жертвы — огромные. Но люди жили, зан
мались своим делом. Сенгилеевские комсомольцы провел
28 субботников, во время которых огородили скверы, вме
те со взрослыми ремонтировали казармы, школы, зара
ные бараки и даже ставили спектакли. Не забывали
своей главной человеческой обязанности — шефствовал
над детскими домами. С их помощью в конце 1921 го
более 2000 детей было отправлено в Пензу. На 1 января
1922 г. в Сенгилее еще оставалось 1390 воспитанников де
ских домов. К ноябрю возвращено родителям и родстве
никам 672, бежало 30, умерло 65.

В городе и уезде впервые за всю их историю смер
ность превысила рождаемость.[118] В Сенгилее с июля 19
по июнь 1922 родилось 126, умерло 730, по уезду соотве
ственно 2457 и 7486. В уездном городке за это же врем
было зарегистрировано 65 браков и 6 разводов.

Голод в уезде совпал с большими переменами в пол
тической жизни страны—в России вводилась новая экон
мическая политика.



# Переход к НЭПу

Голодный для Поволжья 1921 год был одновременно
переломным: Россия начала поворачивать от военного
оммунизма к новой экономической политике, админист-
ативные методы управления хозяйственной жизнью заме-
ились преимущественно экономическими. Постановление
б этом было принято на состоявшемся в марте X съезде
РКП(б). От Сенгилеевского уезда делегатом на нем был
Иван Дмитриевич Прытков.

Почта в то время работала не лучшим образом. Цент-
ральные газеты в Сенгилей поступали с недельным опоз-
данием. Правда, в городке имелась радиотелеграфная стан-
ция. Она принимала важнейшие правительственные сооб-
щения и материалы РОСТа для местной газеты. Узкий круг
руководства уездом знал, что начинается крутой поворот в
экономической политике и находился в растерянности. Не-
которую ясность внесло возвращение из Москвы И. Д.
Прыткова. В начале апреля на общегородском собрании он
сделал доклад о X съезде, рассказал о своих встречах с
В. И. Лениным.

Доклад вызвал в городке самые разноречивые суждения
— от горячего одобрения, сомнений, что опять обманут, до
биения себя в грудь и возгласов: «За что боролись? За что
кровь проливали?!» Уком взял на себя миссию разъясне-
ния сути нэпа населению.[119]

В апреле-сентябре в Сенгилее по этому поводу состоя-
лось семь собраний, в волостных центрах и крупных селах
по одному. В деревнях же большинство крестьян из газет,
полученных в апреле—июне, (с 1921 по май 1922 гг. поч-
товой связи с селами уезда вообще не было), и выступле-
ний не особенно просвещенных уполномоченных, поняло
только то, что продразверстке пришел конец, разрешена
свободная торговля. Но эти радужные надежды были пе-
речеркнуты полнейшим неурожаем 1921 года.

Сейчас, когда мы пытаемся выкарабкаться из трясины
затяжного кризиса, пожалуй, не лишне будет вспомнить
последовательность некоторых шагов нэповской стабилиза-
ции экономики России.

Итак, в 1921 году были отменены все твердые цены, в деревне продразверстка заменена умеренным продовольственным налогом, прекращена поддержка из бюджета большинства убыточных предприятий. Введен принцип: казна за долги фабрик и заводов не отвечает. На практике он означал, что любое предприятие (кроме военного) в финансовом отношении приравнивается к крестьянскому двору. И те и другие равны перед финансовой инспекцией, все в обязательном порядке должны соразмерно их доходам платить государству налог.[119]

Такой порядок менял местами отношения промышленности с бюджетом. Предприятия больше не могли сосать средства из государственной казны, а наоборот, за счет налогов обязывались подпитывать ее.

Программа стабилизации экономики предусматривала также реприватизацию мелкой и средней промышленности, торговли, причем впредь до насыщения внутреннего рынка всем частным фирмам была категорически запрещена продажа товаров за границу. Насущным делом стало возрождение банковской системы.

Как же все это претворялось в жизнь в Сенгилее?

Свободная торговля на рынке началась в конце апреля—начале мая, когда некоторый запас хлеба и скота в деревне еще имелся. Цены на продовольствие были высокие, но еще приемлемые для большинства населения. С июня они начали стремительно рости и в январе 1922 года на сенгилеевском рынке за пуд (16 кг) ржаной муки уже просили миллион сто тысяч. Цена пуда муки из лебеды колебалась от 150 до 200 тысяч рублей. Средняя крестьянская лошадь стоила от 8 до 12 миллионов, за хорошую корову отсчитывали 15 миллионов рублей.

Четверть молока стоила 37500 рублей, фунт (400 гр.) сахара 200 тысяч, фунт соли 480000, ведро квашеной капусты 70000, воз дров 45000, фунт махорки от 4,5 до 5 тыс. рублей. Сапоги кожаные ношенные оценивались от 750 до 850 тысяч, валенки от 500 до 700 тысяч, катушка ниток 42—42,5 тыс., машина швейная 1350000, аршин (71 см) грубого серого сукна — 250 тысяч рублей.[119]

На рынках в эти годы тысячи называли «штуками», миллионы — «лимонами», а миллиарды несколько позднее стали именовать «лимонардами». Существовал такой сленг и в Сенгилее.

Рынок даже в период гиперинфляции остается рынком. Дорого неимоверно, но товар есть. А цены устанавливаются в зависимости от спроса и предложения. К сожалению, в те годы, как и сейчас, спрос намного превышал предложение. И все же в феврале 1922 года пуд ржи, несмотря на голод, упал в цене с одного миллиона до 875 тысяч, мука овсяная — с 850 до 725 тысяч, а цена фунта меда со 100 тысяч поднялась до 135 тысяч. На 2500 руб. подорожал фунт селедки.[120]

В связи с беспрецедентным обесцениванием денег процветал натуральный обмен. Хлеб, лебеда и даже желуди до осени 1922 года часто напрямую обменивались на ситец, сукно, кожевенные товары, обувь и одежду, железоскобяные изделия. Особенно известны были обменными операциями Екатериновская суконная фабрика, Криушинские судоремонтные мастерские, некоторые предприятия Самары, Сызрани и Симбирска.

23 ноября 1921 года на заседании уездного экономического совета был решен вопрос об открытиии в Сенгилее вместо упраздненного в 1920 году городского банка отделения государственного банка РСФСР.

Связано это было с попытками правительства стабилизировать финансы. Были выпущены краткосрочные займы — два хлебных, один сахарный, а затем золотой — 6-процентный. В обязанности банков была вменена и скупка у населения золотых и серебряных изделий, драгоценных камней, иностранной валюты. Все это еще полгода назад просто отбирали, а владельцев отправляли в ЧК. Только за январь—июнь 1922 года сенгилеевцы продали банку более пятисот серебряных и золотых обручальных колец, значительное количество серебряных ложек, серег и т. д.

В рамках той же программы делались попытки стабилизировать и местные доходы. Бюджет города и уезда был дефицитным с 1918 года. Дефицитен настолько, что нечем было выплачивать жалованье медицинским работни-

кам, и они в 1918—1919 гг. существовали на деньги купца Ф. М. Баукина. Он же на свои средства выкупал продовольственные пайки учителям городских школ. Теперь баукинских денег не было, а того, что давала государственная казна, едва хватало на содержание чиновного аппарата уисполкома. Все это заставило искать средства на месте. Позволю 2—3 примера из провинциальной жизни.

Как известно, богатством Сенгилея всегда были сады. В 1918 году наиболее крупные из них были национализированы. Без ухода начали приходить в запустение. В декабре 1921 г. уисполком принял решение, разрешающее бывшим владельцам вновь ими пользоваться, но при условии уплаты за каждую десятину сада 1-го разряда 150000 рублей, 2-го разряда — 100000 рублей и 3-го — 50000 рублей в год. Деньги эти по тем временам были мизерные, но для городской казны вовсе не лишние. Эта вынужденная мера позволила на многие годы сохранить зеленое ожерелье городка.

За миллион рублей в год был сдан конфискованный в 1918 году сад купца Андрея Степановича Барсукова, тоже начинавший гибнуть.

В декабре 1921 года много переполоха среди революционно настроенных граждан наделала сдача в аренду на год под торговое заведение дома, конфискованного у Горина. Цена была установлена 30 тыс. рублей за каждый квадратный аршин площади помещения.[120] В последующие годы нэпа это стало обычным явлением.

Однако все это мало, что давало уезду. Поправить положение мог только хлеб. А его еще предстояло посеять.

По наметкам земельного отдела предполагалось, что весной 1922 года из 84 тысяч десятин ярового клина уезд будет в состоянии засеять не более 35000. Такая мизерная площадь, включенная в план, объяснялась тем, что из 27239 лошадей, имевшихся в уезде, к апрелю 1922 года осталось только 8372, причем более половины из них от истощения висели на веревках и не могли не только работать в поле, но и ходить по двору.[121]

12 февраля на совместном заседании уездного исполкома и укома РКП(б) была образована посевная тройка, затем создан специальный сельскохозяйственный коми



...т, одной из задач которого являлась организация трех ...ыпных пунктов для приема семенной ссуды — в Майне, ...водовке и Часовне. Ссыпные пункты предстояло обес...чить надежной охраной. Сделано это было за счет ми...иции и бойцов сенгилеевского отряда ЧОН (часть ...го назначения).

Предполагалось, что семян зерновых, крупяных и бобо...ых культур поступит 139350 пудов, картофеля — 143000, ...ктически поступило картофеля только 30512 пудов, за... зерновых и крупяных получили значительно больше — ...495 пудов.[122] Потребовались неимоверные усилия, что... на падавших от истощения лошаденках все это доста...ть в села.

И с крестьянами произошло необъяснимое — то ли ...аботал инстинкт выживания, то ли они почувствовали, ... снова будут хозяевами своего урожая. Истощенные ...лодом, они с темна и до темна пропадали в поле. Мно... впрягались в соху целыми семьями, кто-то за от...тствием лошади пытался пахать на корове, иные взрых...ли землю лопатами, многие заделывали семена в непа...ную почву мотыгами, граблями, падали от упадка ..., некоторые даже умирали в поле (за май зарегистри...вано 820 смертей от голода),[122] но сеяли...

Занимались севом и работники уездного исполкома. ... для военкомата, 54-го отдельного взвода ЧОН и ...дной милиции засеяли три десятины пшеницей и столь... же овсом. А всего по уезду было засеяно 62534 деся...ны — почти вдвое больше, чем предполагалось.

И снова беда — на полях появилась саранча (по мест...у кобылка). Она уничтожила 3658,9 десятины посе... Для борьбы с ней было завезено и разбросано в ...тах откладки кубышек 503 пуда мышьяка.[122]

Строжайший контроль, установленный во всех селах ...еревнях, не выявил ни одного случая хищения семян, ... преступность оставалась высокой.

С февраля по октябрь 1922 в уезде было зарегистри...вано 663 преступления, в том числе 208 краж простых, ...со взломом, 6 ограблений, 9 убийств-самосудов, 4 ...учая подделки денежных знаков, 27 пожаров, 45 краж

домашнего скота, 10 случаев самогоноварения, задержа
234 дезертира и т. д.

Уездная милиция как могла боролась с преступность
Так, ст. милиционер цементного завода Дементьев
помощью населения удалось задержать шайку конокрад
из 7 чел. Начальник 4-го района (Р-Бектяшкинская в
лость) Кичаев пресек мошеннические действия Я. Сте
пова, обманывавшего покупателей муки, добавляя в м
мел. Чтобы уйти от ответственности, Степанов пыта
ся дать взятку 200000 рублей, но это не спасло его
суда.

Взяткодателей привлекалось много. Например, один
жителей Р. Бектяшки был изобличен в преступлении. Чт
бы закрыли дело, принес зам. начальника милиции Бог
тыреву сверток, в котором оказалось 984500 рублей. Ден
ги были сданы в казну, а взяткодатель пошел под суд

Кстати, с 1 августа 1922 года в России были вв
дены уголовный и процессуальный кодексы. Так что с
больше не мог выносить приговоры, руководствуясь р
волюционной совестью или правосознанием.

В начале октября в Сенгилее организована прокур
тура. Бюро юстиции преобразовано в уездное совещан
судей (работали особая сессия и 5 судебных участков).

Начавшееся наступление на преступность требова
очень оперативного расследования и рассмотрения дел.
городке была создана дежурная камера, народным су
ей в которой работал П. И. Носов, рассматривавший де
незамедлительно.

И все-таки обстановка в уезде оставалась сложной.
людей не было уверенности в завтрашнем дне. Закр
лись три из пяти суконных фабрик, второй год стояли б
сырья четыре спиртовых завода, сгорел завод лесопильн

Известковый завод в Сенгилее, когда-то приносивш
его владельцу Бажанову хорошие доходы, а в посл
ние годы державшийся только на дотациях, был закр
Закрыли и кирпичный завод (бывший Малафеева) к
совершенно убыточный. Бездействовали паровые и во
ные мельницы, остановились ветряки.

По данным Сенгилеевской биржи труда к авгу
1922 года число безработных увеличилось до 1412 че



век. Удалось устроить на работу только 311, в том чис
ле наемными рабочими в частные предприятия 63 и в
частные торговые заведения — 67.

Открылись первые частные сапожные, кузнечно-слесар
ные мастерские. Осенью появилось немало валяльных
и овчинных заведений, но это были, как правило, мелкие
семейные предприятия. К концу 1922 года 198 человек
работали батраками у зажиточных крестьян, что было
официально разрешено.

В конце лета губернские власти начали торопить ру
ководство уезда со сбором натурального продналога. Од
нако начавшиеся в августе дожди затягивли уборку уро
жая, безлошадность многих крестьян задерживала под
возк снопов на тока.

20 сентября в Сенгилее организуется штаб проднало
говой кампании. С 1 по 14 октября был объявлен удар
ный двухнедельник. В те волости, где ссыпка продналого
вого хлеба шла медленно, выехали члены уездного испол
кома.

Несмотря на то, что урожай в среднем по уезду сос
тавил всего 29 пудов с десятины, и многие жители при
выпечке хлеба в муку добавляли лебеду, сдача проднало
гового зерна проходила без серьезных конфликтов. На
10 октября в общеуездном масштабе 79 процентов прод
налога было собрано и президиум уездного исполкома во
главе с А. А. Вилковым отверг предложение губернского
руководства о применении военных постов в селах, где
продналог сдавали несвоевременно.

Сложнее оказалось впоследствии собрать продналог с
перерабатывающих предприятий. Им были обложены 279
мельниц, просорушек и маслобоек уезда. С них пред
полагалось получить 81250 пудов муки и крупы, 800 пудов
растительного масла. Но ставки назначили слашком вы
сокие, к тому же из-за недостатка зерна более полови
ны перерабатывающих предприятий, в том числе и самые
мощные, оказались закрытыми. На 1 января 1923 года бы
ло собрано лишь 6906 пудов муки и крупы и 63 пуда
растительного масла. Значительная часть населения из-за
неимоверно высокого гарнцевого сбора предпочитала раз-

малывать зерно на ручных мельницах и шелушить про
в ступах.

С января по июль 1922 года цены на промышленн товары в Сенгилее возрастали равномерно, чуточку отс вая от цен на сельскохозяйственные продукты, но уже августе они обогнали цены на продовольственные то ры.[121]

Первым поворотным моментом в реформах стал де рет СНК РСФСР от 25 июля 1922 г. В нем говорило «...Исходя из наличия реальных ценностей, накопленн Государственным банком в значительных суммах в ви золота и других драгоценных металлов, твердой ино ранной валюты и товарного фонда... предоставить Го дарственному банку... право выпуска в обращение банк ских билетов, которые... обеспечиваются не менее чем 1|4 их суммы по номинальной цене драгоценными м таллами..., а в остальной части легко реализуемыми то рами и краткосрочными векселями...»

Банковские билеты были выпущены номиналами в 3, 5, 10 и 25 червонцев. Золотое содержание червон составляло 7,74234 грамма и соответственно установл его курс к иностранной валюте. Кроме того, специаль для некоторых видов внешнеторговых операций. Петр радский монетный двор чеканил чисто золотые червонц которые по массе и качеству металла полностью соотв ствовали червонцам дореволюционного выпуска.

Одновременно с червонцами были выпущены и го дарственные денежные знаки образца 1922 года, не об печенные золотым содержанием, но обязательные к обр щению. Связано это было с тем, что в стране вводил система двух валют — устойчивой (червонца) и падающ — совдензнаки, рассчитанной на временное покрытие бю жетного дефицита.

Осенью 1922 года в порядке подготовки к денежн реформе была проведена первая деноминация.

Обмен производился из расчета 100000 рублей ден выпущенных с 1919 по 1921 год, за один червонец и 10000 рублей того же времени выпуска за 1 рубль со знаками образца 1922 года.[122]



Новые банкноты, ставшие твердой валютой, вначале встретили недоверие и непонимание населения, особенно крестьян. Произошло это, видимо, потому, что у червонца не было размена. Их брали, в основном, крупные предприятия, богатые предприниматели, искушенные в финансовых тонкостях. Крестьяне же и рабочие предпочитали привычные для них совзнаки.

На первый взгляд стартовые возможности червонца и совзнака были равны. Но доходы России далеко отставали от расходов, и, чтобы покрыть дефицит бюджета, правительству пришлось вновь включить печатный станок на полную мощность. Рубль совзнаками начал падать.

В Симбирской губернии, а стало быть и в Сенгилеевском уезде, в сентябре 1922 года один рубль золотом был равен 1 руб. 20 коп. совзнаками, в октябре — 4 рублям, в ноябре он котировался уже как 8 руб. 41 коп., в декабре — 11 руб. 30 коп., в январе 1923 года 17 руб. 40 коп., в феврале 20 руб. 20 коп., в марте — 28 руб., в апреле — 44 рубля, в июне — 77 рублей.

Таким образом, с сентября 1922 года по июль 1923 года совзнаковский рубль образца 1922 г. по сравнению со своим золотым собратом «похудел» или, если хотите, снизил свою покупательскую способность в 63 раза.[123]

Чтобы несколько уменьшить огромную массу обесцененных бумажных денег, в 1923 году была проведена вторая деноминация. На этот раз 100 рублей денежных знаков образца 1922 года, за исключением червонцев, обменивали на 1 рубль кредитными билетами образца 1923 года, тоже не обеспеченных ни золотым содержанием, ни товарной массой. К иному страна еще не была готова.

Не надо думать, что стабилизация рубля происходила безболезненно. За каждой деноминацией стояли тысячи человеческих трагедий. Представьте, что семья копила деньги на покупку лошади, и вдруг в один день их сбережения обесценились в 100 раз. А рынок декретам не подвластен. Продавец товара еще долго будет запрашивать за вещь если не прежнюю цену, то близкую к ней. Он-то догадывается, что через 3—4 месяца инфляция «съест» разницу.

Восстановление народного хозяйства, разрушенного

войнами и революционными событиями, шло неравномерно. С началом нэпа очень быстро начинали давать отдачу мелкие и средние предприятия, переданные в частные руки. Но при всей их мобильности они не в состоянии были заменить стоявшие или работавшие на четверть мощности фабрики и заводы.

Несмотря на примитивную технику и недостаток тягла очень быстро возрождалось сельское хозяйство. Происходило это за счет сверхинтенсивного труда крестьянских семей. Здесь работали все — от восьмилетнего малыша, пасшего гусей, до восьмидесятилетних стариков и старух, трудившихся, не считаясь со временем.

Большим стимулом возрождения деревни явились решения XII съезда РКП (б), принятые по докладу М. И. Калинина о налоговой политике. Смысл их заключался в переходе от натурального продналога к денежному.

Неоценимую помощь крестьянам оказал Губсельпром, закупивший в начале 1923 года 2811 лошадей и продавший их крестьянам в кредит.[124] Помогала Красная Армия, направляя выбракованных коней в села. И хотя безлошадных хозяйств в уезде было еще много, практиковалась испольная обработка земли, в 1923 году уже засевалось почти 90 процентов посевных площадей,[125] а средний урожай по уезду составил около 40 пудов с десятины.

Сложнее оказалось с крупными предприятиями. Текстильные фабрики, лишенные государственной поддержки, продолжали работать, но не на всех дела шли так, как бы хотелось. Старый управленческий персонал был разогнан, к руководству пришли люди, хотя и революционно настроенные, но не сведущие ни в технологии, ни в экономике.

Так на Екатериновской суконной фабрике с момента ее национализации шла борьба за власть. Умелых, но беспартийных руководителей с производства выживали, на их места тащили друзей и знакомых. Разбухали штаты, но не за счет специалистов, а по признаку личной преданности. Среди лиц, попавших из грязи в князи, стало процветать пьянство.

Если верить материалам проверки, проведенной осенью 1922 года, ни один из управленцев Екатериновской



фабрики не в состоянии был подсчитать во сколько же обходится предприятию аршин сукна. Технологический процесс шел по инерции за счет кадровых рабочих.

Нечто подобное складывалось на многих фабриках и заводах страны. И правительство вынуждено было принять закон о синдицировании. Согласно ему, чтобы выжить, резко поднять производство и получить быструю отдачу от вложенных инвестиций, в Симбирске был создан суконный трест, объединивший все текстильные предприятия губернии. В его аппарат приглашены опытнейшие специалисты. Они очень быстро наладили закупку нужного сырья, занялись технологией, планированием торговых операций, оптовым сбытом товаров, помогали руководству фабрик решать и другие вопросы.

Да, «Суктрест» являлся монополистом. Он, как и другие тресты и синдикаты, был независимым от правительства и работал в чисто рыночном режиме. Чтобы получать максимальные прибыли, продавал продукцию по так называемым восстановительным ценам, в десятки раз превышающим ориентировочные (необязательные), рекомендованные Госкомценом. Соответственно платил и повышенные налоги.

Однако сразу поправить финансовое положение оказалось не просто, и до конца 1923 года рабочие фабрик «Суктреста» получали заработную плату сукном. Что же касается Екатериновской фабрики, то уже в 1925 году она стала лучшей в тресте по всем технико-экономическим показателям.

Из предприятий промышленности строительных материалов в 1923 году в губернии работали только два завода — кирпичный № 1 за Волгой и Шиловский меломольный, отгрузивший за сезон 43 тысячи пудов молотого и 15 тысяч пудов комового мела.

Монополизированная промышленность хорошо подпитывала за счет налогов государственную казну, способствовала стабилизации финансов. Однако нельзя забывать и об отрицательных явлениях, которые она вызывала, — перекосы цен.

В Симбирской губернии цены на промышленные тов ры росли значительно быстрее, чем на продукты питани Если ржаная мука к 1 августа по сравнению с январе того же года подорожала в 8 раз, то цена ситца за эт время выросла в 70 раз, простые кожаные сапоги стал дороже в 88, а цена сукна подскочила в 400 раз.[126]

На 3 сентября 1923 года в Сенгилее рыночные цен были следующие: пуд ржаной муки стоил 875 рубле пуд пшена — 600, один аршин ситца — 781 рубль, ар шин сукна — 7085 рублей. Для того, чтобы купить арши сукна, крестьянину нужно было продать 8 пудов муки ил 12 пудов пшена.[127]

Это вызывало недовольство жителей села. На любо сходе будь-то в Кроткове, Елауре или Сенгилее ценова политика правительства подвергалась резкой критике.

Осенью 1923 года все разумные пределы цен оказа лись пройдены, и промышленность России втянулась жесточайший кризис сбыта. Склады фабрик и заводо были забиты нужными для населения товарами, но из-з чрезмерно высоких цен их перестали покупать. Кризи сбыта повлек за собой задержку выплаты заработной пла ты рабочим. Они также начали выступать с критикой по литики цен.

Выйти из кризисной ситуации помогла система мер разработанная правительством. Поскольку не покупа шиеся товары нельзя стало считать легко реализуемым банк прекратил прием краткосрочных векселей, выдава мых под готовую продукцию, и стал отказывать в выдач кредитов затоварившимся предприятиям. Это вынудил предпринимательские структуры, в частности, Симбирски суконный трест начать снижение цен. В Симбирской гу бернии оно началось с 12 октября. Если с 1 по 11 с уче том торговли в городе было продано 6168 аршин ману фактуры, то с 12 по 24 октября продажа возросла в тр раза[128] до 19875 аршин. Вскоре за первым снижением по следовало второе.

Скопившаяся на складах продукция была быстр распродана, а вырученные деньги вложены в сырье, ма териалы, предприятия рассчитались с рабочими п заработной плате, и производство заработало с удвоен



ной силой. В целом же действующие предприятия губернии за 1923 год впервые после революции дали 203033 рубля прибыли в золотом исчислении.

При стабилизации финансов в 1921—23 гг. рыночные силы действовали практически без ограничений, наряду с ними и опираясь на них, применялись и крутые административные меры, направленные на экономию средств. С окончанием гражданской войны почти в десять раз была сокращена армия, закрыты ненужные заводы, работавшие на оборону, в т. ч. и Сенгилеевский химический завод, введен партийный максимум заработной платы, прекращена выдача бюджетных дотаций, практически не выдавались пособия по безработице и т. д.

В 1923 году в уезде безработным было выдано всего лишь 190334 рубля кредитными билетами — сумма по тем временам мизерная, да и ее наскребли за счет средств страховой кассы.

Проводился пересмотр пенсионных дел. К концу 1923 года из 22908 пенсионеров уезда на государственном обеспечении осталось 127. Все остальные, в той или иной степени связанные с сельским хозяйством, с учета сняты.

По распоряжению губсобеса в уезде закрыты 4 дома инвалидов войны и труда и один дом их временного пребывания, а обитатели (обеспечиваемые) переведены в Симбирский губернский дом инвалидов.[127]

Сняты с государственного обеспечения 2150 семей красноармейцев уезда, занимавшихся земледелием. На обеспечении остались только 169.

Нужда заставила большинство жителей городка заниматься ремеслами. Во множестве появились надомные мастерские: швейные, столярные, слесарные, рогожные и т. д. Значительное количество сенгилеевцев занимались торговлей. Особенно оживлялась она летом. Купить можно было все, что душа пожелает, но цены...

Не замирала и культурная жизнь. В городке работал кинематограф, имелся любительский театр с постоянной труппой, душой которого был профессиональный артист драмы и кино Лянгфельд, оказавшийся в нашем городе как беженец. Работала музыкальная студия с классом хорового пения. Газета «Труженик» с мая 1922 года

была закрыта из-за недостатка средств, но типография находила заказы и сохранила рабочий коллектив.

Трудно сказать за счет каких средств, но в 1923 году в типографии печатался журнал «Бюллетень Сенгилеевского уездного отдела народного образования и уездного отделения союза работников просвещения».

В начале 1924 года здесь была отпечатана и переплетена почти трехсотстраничная книга Степана Степановича Рогозина «Волжская помология для практиков». К созданию этого уникального труда С. С. Рогозин привлек сенгилеевских садоводов Н. И. Исаева, И. П. Орлова, П. Е. Савельева и О. И. Дубровского, Только в ней можно найти описание лучших сортов яблонь, в том числе и выведенные в Сенгилее. Теперь это библиографическая редкость.

В конце 1923 года в Сенгилее открылась сберегательная касса, но в связи с гиперинфляцией вкладчики ее не очень жаловали.

Несмотря на скудное финансирование, работал детский дом, где, кстати, в начале 1923 года появился первый пионерский отряд им. Розы Люксембург. Вожатым отряда был Александр Кузнецов. Затем такие же отряды возникли при союзе пищевиков, типографии, клубе строителей.

С чувством глубокой скорби жители Сенгилея встретили известие о смерти В. И. Ленина. В составе симбирской делегации, участвовавшей в похоронах Владимира Ильича, в работе XI Всероссийского и II Всесоюзного съездов Советов от Сенгилеевского уезда участвовал Андрей Григорьевич Князихин.[128]

В Сенгилее в день похорон Ленина состоялся траурный митинг. В последний путь Владимира Ильича провожали тревожные гудки мельниц.

К началу 1924 года были созданы условия для проведения денежной реформы и окончательной стабилизации рубля. Тресты и синдикаты взяты под контроль правительства. 29 февраля 1924 года создан наркомат внутренней торговли. С 1 апреля прекращена эмиссия кредитных билетов. Их к этому времени на территории СССР, как утверждает Большая Советская энциклопедия, находилось 762,3 квадрильона — астрономическая сумма с пятнадцатью нулями.[129]



К этому времени было начеканино почти на 100 миллионов рублей разменной монеты. Пятидесяти, двадцати, пятнадцати и десятикопеечные были серебряными, пяти, трех, двух, одно и полукопеечные — медными.

Между банковским билетом и казначейским рублем установлено соотношение — 1 червонец равен 10 рублям. При таком соотношении новый рубль обладал золотым содержанием как и дореволюционный российский рубль 1895 года — 0,774234 гр. чистого золота и соответствующим курсом к иностранной валюте.[130] Разменная монета также шла по золотому курсу.

Червонец с 1923 года оставался непоколебимым и обмену не подлежал, а совзнаки выкупались у населения, предприятий и организаций по курсу 1 рубль за 50 тысяч рублей денежными знаками образца 1923 года или 50 миллиардов рублей денежными знаками всех прежних (до деноминации) образцов.

Денежная реформа была завершена в октябре 1924 года. Дефицит государственного бюджета ликвидирован. Чтобы он не возник вновь, выпуск денежных знаков, не обеспеченных легко реализуемыми товарами, законодательно запрещен.

В центре и на местах продожалась работа по сокращению управленческого аппарата, разросшегося за послереволюционные годы неимоверно. По словам И. В. Сталина на XIII съезде РКП (б) только в союзных наркоматах числилось при должностях 1,5 миллиона человек. Значительно превышал эту цифру управленческий персонал на местах. Не обошла стороной эта кампания и Сенгилей.

Решением ЦИК СССР от 4 апреля 1924 года «О новом административном делении Симбирской губернии» были укрупнены волости, а Сенгилеевский уезд упразднен. Его территория поделена между Симбирским, Сызранским и Карсунским уездами.

Сенгилей стал заштатным городом. Правда, здесь еще сохранялся волостной центр. В состав Сенгилеевской волости входили следующие села: Алешкино, Бекетовка, Буераки, Вырыстайкино, Елаур, Каранино, Криуши, Мордово, Мордовская Бектяшка, Новая Слобода, Русская Бектяшка, Сенгилей, Тушна, Шиловка; хутора Головка, Новые Донцы, Рябинник и Утяшкино, Артюшкино, Огибная, Смородино и Лапшанка отошли к Подкуровской волости, а Кротково, Никольское и еще три хутора — к Тереньгульской.

9 мая 1924 года решением ЦИК СССР Симбирск был переименован в Ульяновск, а Симбирская губерния в губернию Ульяновскую.

В начале 1925 года Сенгилей был лишен статуса города и стал обыкновенным селом.



# РАСЦВЕТ И АГОНИЯ НЭПа

Первый пореформенный 1925 год был успешным. Увеличилось кредитование народного хозяйства. За выращенный и сданный на ссыпной пункт хлеб государство рассчитывалось щедро, без промедлений, полновесным золотым рублем. Налоги были необременительные, и крестьяне платили их исправно.

С 1 октября 1923 года по 1 октября 1925 года баланс Сенгилеевского банка увеличился в 3,8 раза, вклады частных лиц и счета предприятий и организаций возросли в 3,6 раза, учетно-ссудные операции — в 3,9 раза. Объем промышленной продукции в 1924—1925 хозяйственном году вырос на 35 процентов, производительность труда почти на 40, а реальная заработная плата рабочих судоремонтных мастерских, водников и текстильщиков достигла дореволюционного уровня.

Особенно радовали первые успехи в сельском хозяйстве. Посевные площади после разрешения аренды земель госфонда увеличивались с каждым годом и в 1925 году составили 97,3 процента довоенного уровня, а урожай зерновых почти вплотную приблизился к 1911 году, составив в среднем 56 пудов с десятины.

Правда, в деревне все еще традиционно господствовала трехполка с парами, озимью и ярью, еще оставалось немало безлошадных дворов, желала лучшего оснащенность крестьянских хозяйств земледельческой техникой.

В среднем по волости на каждую сотню хозяйств приходилось 27 плугов (сохи были у всех), 2,4 сеялки, 1,1 молотилки, 4 веялки. Однако за счет краткосрочных ссуд, предоставлявшихся банком и кредитными товариществами, люди приобретали не только сельскохозяйственные орудия, но и лошадей, продуктивный скот, строили дома. Две семьи имели трактора «Фордзон».

В Сенгилее и селах волости к концу 1925 года было 4195 коров, 2453 головы прочего крупного рогатого скота и 1742 теленка до 1 года, 23950 овец и 1970 свиней.[131]

Характерной приметой этих лет являлось то, что в волости возникло немало сельхозартелей, товариществ по

совместной обработке земли, садоводческих артелей, коо-перативных, кредитных и машинных товариществ. Объ-единялись в них крестьяне на сугубо добровольных началах как правило, от 5 до 30 хорошо знающих деловые качеств друг друга семей.

Такая активность объясняется не столько агитацией сколько всяческой поддержкой коллективных форм хозяй-ствования волостным и губернским земельными отделами Крестьяне быстро поняли, какие выгоды сулит им коопе-рирование. Это выделение лучших угодий из госфонда, пе-рвоочередность в землеустройстве, получение семенных целевых денежных ссуд, скота, налоговые льготы.

Но уже в 1926 году из Центра поступила директива которая предписывала: «не считать коллективными хозяй-ствами и лишить льгот кооперативы, товарищества и ар-тели, в которые объединилось большое количество род-ственников и чуждых Советской власти элементов». Не признавались коллективными хозяйства, не обобществивши выделенную землю, скот или сельскохозяйственную тех-нику. Подлежали ликвидации те добровольные объеди-нения крестьян, которые отказывались принимать в свой коллектив бедняков, не имеющих ни лошади, ни инвента-ря.

Как показала проверка, в волости подавляющее боль-шинство крестьянских объединений состояло из близких и дальних родственников. Нашлись несколько артелей, сос-тоящих исключительно из зажиточных крестьян.

В итоге из 42 коллективных хозяйств, возникших за годы нэпа, на территории нынешнего Сенгилеевского рай-она, к 1927 году 32 были ликвидированы как лже-кол-хозы. Остались «Красная деревня» и «Рекорд» в Елау-ре, «2-й Соколов ключ» и «Отрадное» в Кротковском сельском Совете, «Труд» в Новой Слободе, первая Тушнин-ская сельхозартель, машинное товарищество «Красный па-харь» в Мордово, молочный кооператив на хуторе Ря-бинник, товарищества по совместной обработке зем-ли «Крутец» и «Красный Гуляй» в Артюшкинском сель-ском Совете.



Из них земля частично (29 и 99 гектаров) была обоб-ществлена только в Новой Слободе.[132] Остальным сох-ранить статус коллективного хозяйства, а стало быть и льготы, удалось лишь потому, что сельскохозяйствен-ный инвентарь и техника приобретались вскладчину, что приравнивалось к обобществлению.

Чтобы не заглохло дело кооперирования сельского хо-зяйства, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1926 года волостной комитет партии и вол-исполком начали усиленную агитационную работу по ор-ганизации новых коллективных хозяйств «на основе са-модеятельности крестьянского населения, получавшего помощь от государства». Наиболее массовой формой такой коллективизации ЦК ВКП(б) рекомендовал создание товариществ по общественной обработке земли с обя-зательным обобществлением сельскохозяйственного инвен-таря и частично скота.

Так в 1927—1928 гг. появились ТОЗы «Восточная заря» в Сенгилее, «Плодородный» в Шиловке, «Труженик» в Тушне, «Веселый ключ» и «Утяшкино» в Бекетовском сель-ском Совете, кредитное товарищество в Р. Бектяшке и другие.

Стал развиваться и еще один вид кооперирования — потребительский. На цементном заводе, в Криушинском затоне и Екатериновской фабрике появились рабочие ко-оперативы. Несколько сложнее обстояло дело в селах. Здесь в связи с переходом на добровольное членство возникли затруднения со сбором паевых взносов. Выход из положения нашел Губсоюз. Он разрешил вместо денежных паевых взносов принимать хлеб по цене 50 коп. золо-том за пуд с оплатой доставки за счет Губсоюза, что крестьян вполне устраивало.

Так были организованы сельские потребительские об-щества в Артюшкине, Бекетовке, Елауре и Кроткове, Тушне и Шиловке. Торговля, кроме Сенгилея, на пер-вых порах велась в домах избранных пайщиками продав-цов, кое-где сумели приспособить для этого пустующие помещения. Параллельно с сельпо вели торговлю в сво-их лавках частники.[134]

Так, в Тушне были 4 частные лавки и две кооперативные — одна от местного кооператива, вторая от Шиловского. Ассортимент товаров в сельпо не поражал разнообразием — соль, спички, керосин, ламповые стекла, пряники, сахар, деготь, иногда мануфактура, нитки и т. д. По крайней мере, так было в 1925 году.

Да и откуда было взяться разнообразию товаров, если, например, в Бекетовском сельпо оборотных средств на 1 января 1926 года было всего 55 рублей.

Никак не могла в те годы конкурировать и Артюшкинская потребкооперация с лавкой местного жителя Андрея Ивановича Яманчева, у которого полки ломились от товаров. Сам же он за годы нэпа сколотил немалое состояние, купил водяную мельницу, капитально отремонтировал ее. На закупку оптовых партий товаров он мог тратить такие деньги, которые не снились ни одному сельпо.

Не очень блистала кооперативная торговля и в Сенгилее. Имелось пять небольших магазинчиков, затем от сельпо открыли столовую. В 1925 году в городке появилась «монополька». В ней бойко торговали «рыковкой» — самой дешевой водкой, расфасованной в шкалики (одна сотая часть ведра), впервые разрешенной в России после 1914 года председателем Высшего Совета Народного хозяйства А. И. Рыковым и практически сразу же вытеснившей с рынка самогон.

Но особой популярностью у сенгилеевцев и гостей города пользовались частные магазины, особенно богатейшее торговое заведение Николая Федоровича Михайлова. Находилось оно в центре в арендованном каменном доме.

Что из себя представлял в те годы Сенгилей? Это было большое в 1565 дворов село с 6376 жителями (2859 мужчин и 3517 женщин), в котором находились волостной исполком, волостные комитеты ВКП(б) и ВЛКСМ, школа второй ступени и 4 школы первой ступени (начальные), собор и церковь, больница, амбулатория, аптека, детский дом, агрономический и ветеринарные участки, почтово-телеграфная контора, меловой завод, три мукомольные мельницы, электростанция, типография, сберкасса, три клуба, две библиотеки, фотография, кинотеатр «Вулкан», суд, милиция, прокуратура и др. учреждения.



Было и огромное количество мелких домашних предприятий, в которых шили одежду, шапки и кепки, вязали для продажи и на заказ скатерти, чулки, носки, варежки и сети. Стегали одеяла, тачали и ремонтировали обувь, делали мебель, солили и коптили рыбу, чинили часы, швейные машины, сепараторы, лудили самовары, стригли и брили. Гремели молотки в 6 кузницах, в каждом пятом доме чем-либо приторговывали — от яблок до одежды. А по понедельникам шумел, как Волга в половодье, огромный базар.

Купить на нем можно было все. Пуд пшеничной муки стоил от 60 до 70 копеек, мера картофеля — 30, пуд свежей капусты—20—25 копеек, по такой же цене шли яблоки, на гривенник дороже — вишня, слива, малина. Пуд говяжьего мяса можно было купить за два с полтиной, свинина ценилась вдвое дороже, за четверть молока платили 30 копеек. За 7—8 рублей можно было приобрести граммофон с пластинками, за 3 копейки расписную деревянную ложку под лаком, за пятачок — полфунта леденцов.[135]

По вечерам в праздничные дни «на Венце» играл духовой оркестр — сенгилеевцы отдыхали. Кроме самодеятельного театрального кружка здесь еще имелся профессиональный коллектив «Драма Уланова», состоявший из 11 актеров, в числе которых был и ныне здравствующий Виктор Иванович Надеждин. В репертуаре — пьесы Островского «Лес», «Бедность не порок», «Не все коту масленица» и другие, а также пользовавшиеся большим успехом «Бартель Пложер», «Белая и алая роза» и иные произведения иностранной драматургии. Обслуживала «Драма Уланова» не только сенгилеевцев, но и почти все предприятия текстильной промышленности Ульяновской губернии.

Значительно хуже обстояли дела в так называемой сенгилеевской промзоне. Химический завод в 1923 году был закрыт за ненадобностью, оборудование его вывезено в Самарскую губернию. Цементный с 1918 года стоял из-

за отсутствия топлива. В годы нэпа в связи с политикой синдицирования ведал им Московский цементный трест. Из-за отсутствия средств, а возможно и по каким-то иным соображениям, руководство треста решило завод закрыть, оборудование демонтировать и передать другим предприятиям.[136] С таким решением не согласился Ульяновский губисполком. По его просьбе из Москвы приезжали несколько комиссий, давших заключение о нецелесообразности закрытия завода, но Цемтрест молчал, а оборудование потихоньку растаскивалось. В какой-то степени этому первоначально содействовал и Сенгилеевский уездный Совет. То ли по недомыслию, то ли под чьим-то давлением, но еще 13 февраля 1923 года он принял решение о передаче заводской электростанции Татарской автономной республике.

Всеми силами отстаивали существование завода сами цементники, Губисполком и губотдел профсоюза строительных рабочих. Опасаясь ответственности за разбазаривание оборудования, директор завода скрылся. Нового трест не назначал.

Попытки Губисполкома создать для восстановления предприятия акционерное общество, учредителями которого должны были стать Губисполком, Сызранский трест «Битумсланец» и другие предприятия успехом не увенчались. Восстановление завода было отложено до лучших времен.

Кончался 1925 год. Местные власти агитировали крестьян: сейте больше. Земельные отделы волости и губернии проводили выставки лучших пород скота, лучших сортов зерновых. В селах стали появляться первые культурные хозяева. Такие звания с вручением грамот присваивал земельный отдел.

Деревня начинала богатеть. Многие из вчерашних бедняков становились середняками, середняки — крепкими хозяевами. Увеличился спрос на плуги, металлические бороны, сеялки, жатки, молотилки, веялки, сепараторы и другие товары. И в этом некоторые увидели возрождение в деревне капитализма.[137]

В столице по этому поводу бушевали страсти. Отголоски полемики между высшим руководством страны через скупые газетные строки и партийные директивы докатывались и до провинциального Сенгилея, сел волости. Население вполголоса обсуждало разногласия между Сталиным и Бухариным о будущем села, о том, какую цену должна заплатить деревня за создание в стране тяжелой индустрии.



Бухарин и его сторонники пеклись о дальнейшем увеличении емкости крестьянского рынка, утверждали, что накопление в сельском хозяйстве означает растущий спрос на продукцию промышленности, что вызовет активное развитие промышленного производства, которое в свою очередь окажет благотворное воздействие на сельское хозяйство. Отсюда и призыв Бухарина ко всем слоям крестьянства: «Обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота; мы должны вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы».[138]

Некоторые экономисты до сих пор спорят, что могло бы получиться со страной, пойди она путем, предложенным Бухариным. Невозможно ответить на этот вопрос. Может быть и вправду был упущен шанс создания так называемой шведской модели социализма. Но история не знает сослагательного наклонения. Что же касается «Идиота», то Сталин не мог простить этого выражения Бухарину до его лютой смерти.

В декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б) возобладала точка зрения генерального секретаря и его сторонников. Главной задачей партии стал курс на форсированную индустриализацию страны.

Создание тяжелой индустрии требовало колоссальных средств, а накоплений не было. Волевым решением высших должностных лиц был запущен печатный станок (пока еще не на полную мощность). Через год в стране начали ощущаться первые признаки инфляции.

Даже малейшая разбалансированность денежной системы всегда чревата неприятными последствиями. Розничные цены под давлением инфляции за 1926—1927 гг. выросли почти наполовину. Чтобы увеличить приток средств

в казну, увеличили налоги на крестьян, предпринимателей и коммерсантов. Это потянуло за собой снижение производства и дальнейший рост цен. Рыночная стихия на все реагировала неотвратимо.

К осени 1927 года повсеместно подорожали сахар, керосин, соль, спички и другие товары. На сенгилеевском рынке пуд пшеничной муки стоил уже не 60 копеек, как в 1925 году, а полтора рубля (кооперация продавала еще дороже), за пуд картофеля просили от 70 до 80 коп. Такое же количество говядины стоило 5 рублей, свинина перевалила за 8, четверть молока продавали за 1 рубль.

В других городах и весях цены были иные, но общая тенденция их роста в связи с дополнительной эмиссией наблюдалась повсеместно.

Поэтому не случайно в ноябре 1927 года при рассмотрении первого пятилетнего плана народный комиссар финансов Сокольников выступил против предложения И. В. Сталина дать власти плана перевес над властью денег, заявив при этом, что ляжет трупом, но не допустит дальнейшего нарушения закона, запрещающего эмиссию не обеспеченных товарооборотом денег.

Остановить произвол в экономике Г. Сокольникову не удалось, а лечь трупом пришлось очень скоро.

В партии продолжали расти настроения «чрезвычайщины», «штурма и натиска», в какой-то степени оправдывавшие себя в период гражданской войны и военного коммунизма. Многим лидерам казалось это возможным и в новых условиях, а главное — большинство только так и умело действовать. Тонкое, гибкое маневрирование в условиях нэповской действительности требовало иного уровня подготовки, культуры. Революционное нетерпение руководителей в центре и на местах сочеталось с неумением решать возникающие проблемы иными средствами.

К таким волевым непродуманным решениям относилось хотя бы распоряжение о низких закупочных ценах. Оно поступило хлебозаготовительному аппарату в устной форме осенью 1927 года. Без учета цен, сложившихся на рынке, заготовителям просто сказали: «хлеб у крестьян



закупать не дороже 4—6 коп. за килограмм, крупяные культуры по 8 коп., картофель по 3—6, молоко по 12—13 коп. за литр, мясо говяжье по 20,3 коп. за килограмм.

Естественно, за такую цену крестьяне отдавать продукты своего труда не захотели. В ход пошли агитация, уговоры, обещания помочь в выдаче ссуд и просто угрозы. Некоторые заготовители на свой страх и риск закупали продукты по несколько повышенным ценам. Со скрипом к весне 1928 года план хлебозаготовок по Сенгилеевской волости был выполнен на 69 процентов.

Предприниматели и коммерсанты (их тогда называли просто нэпманами) в связи с введением высоких налоговых ставок начали постепенно свертывать свое производство и торговлю. Так, по Сенгилеевской волости частная торговля с 90 процентов в 1925 к середине 1928 года сократилась до 32 процентов.

Все с той же целью совершенствования управления и сокращения аппарата на местах произошли большие изменения в административном делении. Постановление ВЦИК от 14 мая, 15 июня и 7 октября 1928 года были упразднены Ульяновская, Самарская, Пензенская и Оренбургская губернии, а из территорий, которые они занимали, образована Средне-Волжская область с центром в Самаре. Она разделилась на 9 округов, в том числе и Ульяновский. При образовании округов были упразднены уезды и волости, вместо них образованы районы.

Так на карте Средне-Волжской области-гиганта появился Сенгилеевский район. В его состав были включены села: Сенгилей, Алешкино, Буераки, Вырыстайкино, Елатьр, Каранино, Криуши, Кротково, Екатериновка, Мордово, М. Бектяшка, Р. Бектяшка, Подвалье, Сенькино, Сергиевка, Тушна, Шиловка; хутора: Рябинник, Вершина, Крутец, Новые Донцы, Сухая Поляна, Огибная, Смородино, Лапшанка, Гремячий Ключ, хутор I Тушнинской сельхозартели, «Плодородный», «Возрождение», «Соколов Ключ», «Отрадное»; поселки: Екатериновской суконной фабрики, Криушинского затона, Цементного завода, Химзавода, Нефтесклада; сельские выселки: «Красная деревня», «Рекорд», Головка, Утяшкино, Веселый Ключ, «Дружба», а также 24 лесных кордона.

Это составляло 9916 дворов, в т. ч. 1715 не крестья-
ского типа с общим количеством населения 43816 чел
(20215 мужчин и 23601 женщина).[139]

15 июля 1928 года в Сенгилее состоялась первая рай-
онная партийная конференция. На ней присутствовало 4
делегатов. Выступило 17.

Центральным вопросом конференции, кроме органи-
зационных, был: «О промахах, допущенных в хлебозаго-
товках 1927 года, и задачах хлебозаготовительной кампа-
нии 1928 года». Постановка этого вопроса была не случай-
ной.

Еще 13 февраля после возвращения И. В. Стали
из хлебозаготовительной поездки в Сибирь было опубли-
ковано его письмо «Первые итоги хлебозаготовительно
кампании и задачи партии», в котором он рекомендовал
крестьянам, отказывающимся сдавать хлеб по новым це-
нам, применять чрезвычайные меры вплоть до объявле-
ния их врагами хлебозаготовок и привлечения к уго-
ловной ответственности по ст. 107 уголовного кодекс
РСФСР.

Правда, для широкой публики в этом письме были
такие строки: «Разговоры о том, что мы будто-бы от-
меняем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание
т. д. являются контрреволюционной болтовней, против ко-
торой необходима решительная борьба».[140]

Районная партийная конференция, «заслушав и об-
судив доклад оргтройки», постановила: «обеспечить готов-
ность хлебозаготовительного аппарата; не допускать кон-
куренции между хлебозаготовителями; не допускать на-
рушения установленных центром цен; ввести в практик
досрочные хлебозаготовки, закупая у крестьян хлеб на
корню с последующей его уборкой самими же крестья-
нами и сдачей государству; всеми методами пресекат
закупку хлеба частными лицами».

В исполнение решений XV съезда ВКП(б) новому со-
ставу райкома было предложено особое внимание обра-
тить на организацию земледельческих коллективов — ар-
телей и товариществ по общественной обработке земли
своевременно распределять среди них сельскохозяйственный
кредит и инвентарь, поступающий в район.[141]



Кстати, сразу же после конференции для руководства
ТОЗам и сельхозартелями была учреждена должность
председателя районного колхозного куста.

Секретарем райкома ВКП(б) был избран 35-летний
Константин Георгиевич Липатов, в прошлом рабочий
Ишеевской суконной фабрики, а до конференции воз-
главлявший сенгилеевскую волостную партийную органи-
зацию.

Интересен состав делегатов на окружную конфе-
ренцию. На нее кроме К. Г. Липатова были избраны во-
лостной женорганизатор беднячка Нина Васильевна Тю-
рина, председатель клуба Екатериновской суконной фаб-
рики Василий Железов, сельский избач из Русской Бек-
тяшки Александр Степанович Ростов, председатель зав-
кома цементного завода Сергей Карпеевич Саблин, маркер
столовой Сенгилеевского сельпо Александр Александро-
вич Латышев, рабочий сенгилеевской госмельницы Павел
Петрович Линьков, учитель из с. Мордово Иван Степано-
вич Слепышев и рабочий Екатериновской фабрики им. Гая
Константин Васильевич Полубабкин. Им и предстоя-
ло решать сельскохозяйственные вопросы на окружной кон-
ференции.[142] С января 1929 года начала выходить газета
«Ударник», орган Сенгилеевского РК ВКП(б), райис-
полкома и райпрофсовета.

В июле 1928 года СНК СССР официально утвердил
закупочные цены на сельскохозяйственные продукты, те
самые, по которым закупали хлеб в 1927 году. Были
они, как уже говорилось, значительно ниже рыночных
и не покрывали затрат крестьян на их производство.
Осенью 1928 года хлебозаготовительная кампания в рай-
оне окончательно забуксовала, в округе — тоже.

Кризис хлебозаготовок с помощью агитации и инди-
видуальных уговоров преодолеть не удалось. Коммунис-
тов и комсомольцев распределили по хлебозаготови-
тельным группам, создали заградительные отряды, пре-
секающие вывоз зерна из сел. Организовали хлебозаго-
товительные группы из сельской бедноты.

Хлеб отбирали с помощью милиции. Тех, кто отка-
зывался сдавать зерно по дешевке, как было предписано,
привлекали к уголовной ответственности.

Была в те годы в уголовном кодексе статья 105 (создание сверхнормативных запасов), по которой могли осудить до 1 года принудительных работ. Но привлекали именно по ст. 107 УК РСФСР (спекуляция), хотя куплей и перепродажей с целью личного обогащения здесь и не пахло: крестьянин сам выращивал зерно. Но зато полагалось по ней лишение свободы на срок не ниже 5 лет с конфискацией имущества.

Несмотря на ударные недели и двухнедельники, проводившиеся с августа 1928 года, хлебозаготовки затянулись до весны 1929. Газетные сообщения того времени напоминают сводки боевых действий.

Окружная газета «Пролетарский путь» в феврале 1929 года сообщала: бедняцкий актив с. Новая Слобода в ходе ударной недели хлебозаготовок у двух кулацких семей обнаружил более 100 пудов хлебных излишков, в Р. Бектяшке у четырех кулацких семей найдено и изъято 160 пудов хлеба. В Тушне у шестерых богатеев обнаружено 240 пудов излишнего хлеба. Март 1929 года. Бедняцкий актив с. Бекетовка с первых же дней ударного двухнедельника горячо взялся за работу. Сделан обыск у кулака Кириллы Гаврилина...[143] обнаружены значительные запасы... изъято 300 пудов зерна.

Это мизерная часть сообщений с «хлебного фронта», попавшая в печать. Да, хлеб был нужен городу, где у продовольственных магазинов уже выстраивались по-шариковски озлобленные очереди, нужен был и для закупки оборудования для строящихся гигантов индустрии. Однако платить за него производителю настоящую цену верха не хотели, надеясь на штурм и натиск. Позднее это явление назовут кредитом деревни городу. Много было таких кредитов. К сожалению, ни один из них так и не был возвращен.

Но почему так активизировался в это время бедняцкий актив? Причин тут несколько. Беднота была разная. Одни работали, не покладая рук, но по тем или иным причинам не могли выбиться в середняки. Вторые особенно не надрывались на полях, надеясь, что родная власть все равно не позволит им пойти по миру.



Третьи, более завистливые, стремились свести счеты с односельчанами, вставшими на ноги в двадцатые годы. Эти рассуждали так: пусть лучше сам буду сидеть голодный, но не допущу, чтобы у соседа сусек был полон хлеба. Кстати, чтобы они не сидели голодными, власти разрешили 25 процентов изъятого хлеба передавать сельской бедноте, в первую очередь активу, в качестве долгосрочной ссуды. Кроме того, были люди, которые, проявляя мнимую активность, стремились дорваться до власти.

Случалось и иное. В округе было совершено несколько убийств наиболее оголтелых активистов, в частности Курцева, кто-то пытался расправиться с членом Окррика Рыжевниным, секретарем сельского Совета Салиным и др. Виновными в этом признаны зажиточные крестьяне: Плюшкин, Иванов, Уралов и другие. Окружной суд приговорил их всех к расстрелу. К счастью, в Сенгилеевском районе подобных случаев не было.

Новыми закупочными ценами были недовольны и члены коллективных хозяйств. Правление окрколхозсоюза за срыв выполнения хлебозаготовок ТОЗами, продажу ими хлеба на частном рынке сняло с работы и отдало под суд председателя Сенгилеевского колхозного куста. На эту должность в начале 1929 года был назначен Федор Константинович Леванов, работавший в Сенгилее начальником милиции.

Весной аренда свободных земель была официально запрещена. Сеяли хлеб крестьяне уже без того энтузиазма, который был раньше. Год этот вошел в историю деревни как своеобразный межевой знак, разделивший зажиточных крестьян (да и крепких середняков тоже) на три категории налогоплательщиков — на индивидуально обложенных, индивидуально обложенных с надбавкой и лишенных льгот по налогам. У тех, которые лишались льгот, суммы налогов были таковы, что выплатить их могли далеко не все. В этом случае на основании ст. 61 УК РСФСР имущество должников продавалось.

Таких в районе было 106 хозяйств (1,3 процента), но этого показалось мало, и в мае 1929 года из округа поступило указание увеличить их, как минимум, до двух

процентов. Сбор налогов шел тяжело. На 15 мая по району оставалось не взысканной задолженность по прямым налогам 63 процента и по крестьянским платежам 61,4.

Не очень успешно распространялся и Третий заем индустриализации. В Сенгилеевском районе к октябрю план был выполнен лишь на 48 процентов, а в соседнем Ульяновском и того меньше, а требование было таково: полностью распространить заем к 12-й годовщине Октября.

Очень разрушительным по своим последствиям для села явился апрельский Пленум ЦК ВКП (б) 1929 года. Он запретил внутридеревенскую куплю и продажу хлеба. Накануне закрытия оказались рынки. Монополия хлебной торговли теперь вновь принадлежала государству. У крестьян исчез стимул к труду. Кривая невероятного взлета сельского хозяйства России в 1923—1927 гг. круто повернула вниз. В том же 1929 году в городах была введена карточная система. Новая экономическая политика, так способствовавшая улучшению жизни города и деревни, агонизируя, доживала последние дни.

И еще о некоторых событиях конца двадцатых годов. В 1929 году сгорела Екатериновская суконная фабрика — самое крупное предприятие района. Вопреки протестам рабочих ее решено было не восстанавливать. Часть оборудования, спасенная от огня, вывезена в Ишеевку. Туда же подались и самые квалифицированные рабочие. А на базе сохранившихся фабричных помещений было решено организовать свиноводческий совхоз.

В этом же году в Сенгилее организовалась промысловая артель инвалидов «Красный воин». Ей передали меловой заводик Полякова, выдали беспроцентную ссуду на капитальный ремонт, и летом 1929 года обновленное предприятие, увеличив мощность с 700 до 1200 пудов молотого мела в сутки, вступило в строй действующих. 19 января 1929 года Московский цемтрест передал цементный завод Средне-Волжскому строительному тресту. Последний нашел и средства, и материалы для восстановления предприятия. Работы начались в мае, в августе состоялась торжественная закладка силовой электростанции. Пуск завода был намечен на середину 30-го года.[144]



В конце 1929 года был частично механизирован меломольный завод в Шиловке, что позволило значительно увеличить его производительность.

А в селах района начиналась сплошная коллективизация.

# КОЛХОЗНОЕ НАЧАЛО

В связи с индустриализацией страны в конце двадцатых годов стало возрастать количество городского населения. Увеличивался спрос на хлеб и другое сельскохозяйственное сырье. Государственная казна была почти пуста. От иностранных займов правительство отказалось, да их нам и не предлагали. Хлеб оставался едва ли не единственным источником получения из-за рубежа валюты, которая почти полностью уходила на импорт оборудования для строящихся гигантов индустрии.

Возник перекос. Страна ускоренными темпами становилась на индустриальные рельсы, а производителями зерна по-прежнему оставались мелкотоварные крестьянские хозяйства, практически не имеющие техники и в силу своей маломощности не могущие ее купить. Технология возделывания сельскохозяйственных культур оставалась на уровне середины прошлого века. Достаточно сказать, что в Сенгилеевском уезде 92 процента хозяйств имели трехпольный севооборот. К тому же по всей России в связи с естественным ростом населения крестьяне вынуждены были дробить свои хозяйства на еще более мелкие.

Статистика свидетельствует, что в 1913 году в Симбирской губернии было 213600 хозяйств, производящих сельскохозяйственную продукцию, в 1927 году их стало 256300. Валовый сбор зерна в 1913 году составлял 61 млн. пудов. В 1927—1928 гг. крестьяне губернии собрали 57,011 млн. пудов. Товарные излишки в 1913 году составляли 20 млн. пудов, в 1926—1927 гг. они составили 10,434 млн. пудов. Если же взять товарные излишки за вычетом потребностей городского населения, то по Ульяновской губернии в 1926—1927 гг. они равнялись 4,992 млн. пудов, в 1928 году за счет усиленных (принудительных) хлебозаготовок их удалось поднять до 7,24 млн. пудов. Аналогичное положение было по всей стране. В Ульяновской губернии средняя товарность составляла 10,7 процента,[145] по стране 11,2.

Повысить урожайность, а следовательно и товарность, предполагалось за счет внедрения техники, более современных технологий обработки полей, внедрения многопольных севооборотов и т. д. Это было под силу только крупным, экономически сильным хозяйствам. Ставка делалась на кооперированные хозяйства, товарищества, коммуны, сельхозартели, совхозы. Кулацкие хозяйства отвергались по классовому принципу. Да, при такой организации сельхозпроизводителей легче было ликвидировать такое наследие, как дальноземье, чересполосицу, межселенное вклинивание земель.

Все эти и многие другие вопросы обсуждались на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 года. В итоге дискуссии съезд признал необходимым «...в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства осуществить постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и машинизации земледелия) всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда».[146]

Основными принципами кооперирования и коллективизации съезд определил: создание необходимых материальных условий, широкую самостоятельность населения, убеждение масс практическим примером.

По первому пятилетнему плану (1928 г.|1929 г.—1932|1933 гг.), одобренному XVI парт. конференцией и V съездом Советов, предусматривалось кооперировать в различные сельскохозяйственные товарищества и кооперативы 63—65 процентов крестьянских хозяйств, 18—20 процентов — в колхозы, добиться резкого роста сельскохозяйственного производства, в том числе и за счет подъема мелких хозяйств.[147]

Коренная ломка вековых устоев крестьянской жизни проходила болезненно. Подавляющее большинство сельского населения было просто не готово к такому повороту судьбы. Крестьяне — люди консервативные. Они не привыкли верить на слово никому. Тяжким трудом создавая относительное благополучие своей семьи, экономя на всем — даже на спичках, — они, если не все, то большинство, не могли себе представить, как же будут жить без своего поля, без семян, без лошади и коровы. А

вдруг не получиться? Что тогда? Идти по миру? Крестьянину нужно было посмотреть на колхозную жизнь, убедиться в ее надежности, узнать: несет ли она достаток? Никому первому не хотелось рушить свое хозяйство. Поэтому и отговаривались: надо подождать, посмотреть...

Вспомним хотя бы директивное понижение цен на зерно и другие сельхозпродукты в 1928 году, в результате чего хлебозаготовки забуксовали. Для изъятия хлеба стали применять чрезвычайные меры, в том числе и к семьям, объединенным в ТОЗы. А запрет на торговлю хлебом? Два—три пуда продал на мелкие расходы — несут окладной лист, рассчитываться по которому и коровы не хватит. Можно ли после этого верить властям?

Верха крестьянством были недовольны. В партии росли настроения «чрезвычайщины», штурма и натиска. Они нашли свое «теоретическое» обоснование в сформулированной Сталиным в июле 1928 года теории обострения классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства. Перевод сельского хозяйства на путь обобществленного производства многими руководителями стал рассматриваться уже не как самостоятельная задача улучшения жизненного уровня крестьян, а как средство решения в возможно более короткий срок обострившейся хлебной проблемы.

В утвержденный пятилетний план стали вноситься коррективы, обязывающие к всемерному ускорению коллективизации. Без какого-либо общесоюзного закона земля, полученная крестьянством, была объявлена общесоюзной собственностью. На Пленуме ЦК ВКП (б), состоявшемся в ноябре 1929 года, секретарь ЦК по работе в деревне Молотов выдвинул требование: провести коллективизацию «в основных сельскохозяйственных районах» за год. На местах разъяснительная и организаторская работа стала подменяться беспрецедентным нажимом на крестьян, угрозами, демагогическими обещаниями. Не минула чаша сия и Поволжье.[147]

* * *

У нас в районе первым был образован новослободской колхоз. С 1922 года здесь существовало товарищество



по общественной обработке земли «Труд». Объединял ТОЗ десять семей. Дела в нем шли неплохо. Правда, урожай делили с гамом и руганью.

После настойчивых бесед с мужским населением в конце марта 1929 года ТОЗ был преобразован в колхоз «Труд». Из 210 крестьянских хозяйств вступили в него 19. Такое малочисленное хозяйство не устраивало ни окружные, ни районные власти. Но время было упущено: крестьяне уже вели сев каждый на своем загоне. Дальнейшую коллективизацию пришлось отложить до осени.

В сентябре 1929 года по директиве из округа в Сенгилее был образован районный боевой штаб по коллективизации. В него вошла тройка первых лиц: секретарь РК ВКП (б), председатель райисполкома и начальник районного отдела ОГПУ. В села зачастили уполномоченные. Там тоже создавались сельские боевые штабы по типу тройки — представитель райкома, председатель сельского Совета, секретарь партячейки. Их ближайшими помощниками являлись сельские комсомольцы, активисты из бедняков.

Боевые штабы заседали почти круглосуточно. Проводили сходы, вызывали крестьян по одному на беседы. В ходе их выявляли настроения. Жителей села сортировали по классовому признаку: этот бедняк, этот середняк, а этот кулак. В проведении коллективизации были задействованы все районные силы — райком, райисполком, райфо, ОГПУ, милиция, суд, прокуратура, редакция газеты, райком комсомола.

В штабах некоторых крестьян сразу «сосватывали» в колхоз, другим давали два—три дня на раздумья или после безрезультатной беседы под расписку вручали окладные листы за «лишнюю» лошадь, за проданный кому-то хлеб. Пуд продал — налог увеличивали вдвое. Предлагали: напиши заявление в колхоз — скостим. Записывали доносы «доброжелателей», оговоры. Все это концентрировалось у представителей ОГПУ и милиции.

В Сенгилее коллективизация шла трудно. Колхоз создавался на базе ТОЗа «Восточная заря». Часть тозовцев вступать в колхоз отказалась. Агитаторы ходили

из дома в дом. Наконец, сагитировали семей около сорока, провели собрание. Колхоз назвали «Новый путь».

К началу 1930 года не без серьезного нажима на население колхозы были созданы почти во всех селах, но небольшие. « Сады и горы» в Буераках объединяли 23 семьи, колхоз «Вперед» в Алешкине — 29, «Мировой Октябрь» в Артюшкине — 35 семей, «Новая жизнь» в Вырыстайкине — 21 хозяйство, «Красный пахарь» в Мордово — 23 семьи, «Луч социализма »в Русской Бектяшке состоял из 43 семей, «Новая жизнь» в Елауре объединяла 21 хозяйство, «Труд» в Новой Слободе вырос до 37 семей. В «Новую жизнь» в Шиловке записалось 83 семьи. «Сеятель» в Тушне состоял из 46 дворов. В Бекетовский «Большевик» вступило более ста хозяйств.[148]

В январе—феврале 1930 года в Тушне появились еще два колхоза — «Третий Интернационал» и имени 50-летия товарища Сталина. В Мордовской Бектяшке колхоз назвали «Красная Волга», в Криушах — «Память Ильича», в Сергиевке — «Батрак», в Платоновке — «Красное поле». В состав бекетовского колхоза «Большевик» включили ТОЗы «Рассвет», «Веселый ключ», хутора Новые Донцы и Утяшкино. Шла в колхозы преимущественно безлошадная беднота.

На заседаниях окружного исполкома и Средневолжского обкома ВКП (б) руководители округов и районов низкий процент коллективизации объясняли засилием кулацких хозяйств, социальновредных элементов и влиянием церковнослужителей.

4 января 1930 года Средневолжский обком и его боевой штаб, возглавляемый Менделем Марковичем Хатаевичем, принял постановление: к 5 февраля (в течение одного месяца!) ликвидировать в деревне активные контрреволюционные элементы в количестве трех тысяч человек и выслать за пределы коллективизируемых районов 10 тысяч кулацких семей.[149] И начался в селах разор.

Для исполнения этого постановления в Сенгилее был создан кавалерийский дивизион по ликвидации кулаков и контрреволюционеров. Возглавлял его работник ОГПУ П. П. Зутис.



27 января в Сенгилее был арестован 59-летний крестьянин Иван Андреевич Кашинцев, категорически отказавшийся вступать в колхоз. В этот же день были взяты под стражу 65-летний Павел Иванович Ларионов и 46-летний Степан Александрович Фролагин — оба противники коллективизации. Не оставили в стороне и социально-вредные элементы, вчерашних нэпманов — Леонида Васильевича Красильникова и Александра Васильевича Расторгуева. У последнего выселили из дома семью, отобрали имущество.

Дом Л. В. Красильникова и соседний с ним по улице Симбирской (теперь Октябрьская, напротив нового учебного корпуса педучилища) передали под колхозный клуб, второй — под правление колхоза. Здания украсили кумачом, лозунгами, плакатами. В клубе поставили столы, на них смонтировали проводку с розетками, подключили к приемнику. Передачи из Москвы через наушники слушали сразу человек 10, не мешая друг другу.

Шли аресты и в других селах. В Русской Бектяшке, например, 27 января 1930 года районное отделение ОГПУ арестовало как врагов колхозного строя извечных хлеборобов — Якова Константиновича Каплина, Андрея Григорьевича Назарова, Василия Ивановича Скрябина, мельника Василия Андреевича Порошина, церковнослужителя Николая Антоновича Земскова. Каждому из них было по 55—60 лет. Месяц спустя в этом же селе были арестованы рыбаки—волгари — Семен Степанович Корчашкин, Иван Сергеевич Ляпин, Ефим Григорьевич Грачев, разбогатевшие во время нэпа. Вслед за ними были сосланы на уральский лесоповал еще пятеро. Имущество их конфисковали. Часть его передали в качестве основных фондов в колхоз «Луч социализма», а часть поделили между бедняками. И так в каждом селе.

В район один за другими прибывали из промышленных центров, посланцы партии большевиков — двадцатипятитысячники. Люди они были напористые, их назначали председателями колхозов в самые «трудные села». Получил направление в Шиловку Бахматов, в Бекетовке председателем стал Рябов, в Кроткове — Целиков, в Артюшкине — Вожжаев. С их появлением коллективизация по-

шла быстрее, так как усилился нажим на колеблющихся крестьян. В силу своих чрезвычайных полномочий подталкивали они к более активной деятельности и районные власти.

Так в Елауре за десять дней февраля районным уполномоченным и местному активу путем нажима и запугивания удалось вовлечь в колхоз почти 400 семей. Но как только партячейка решила обобществить семена, все вновь вступившие, за редким исключением, подали заявления о выходе из колхоза. Почти два месяца весь районный актив уговаривал беглецов вернуться. В ход пошли и аресты, и раскулачивание. В начале апреля все-таки собрали 210 хозяйств. На собрании, желая угодить краевому руководству, елаурский колхоз «Новая жизнь» переименовали в имени Хатаевича, секретаря Средневолжского обкома ВКП (б).[150]

Такая же картина повторилась в Бекетовке и на хуторах в первые дни весеннего сева. Шатания то к колхозникам, то к единоличникам происходили почти во всех селах, в том числе и в Сенгилее. К августу 1930 года массовые выходы из колхозов прекратились, а большинство «дезертиров» под страхом раскулачивания удалось вернуть в колхозы.

В 1930 году Средневолжский облисполком принял решение о создании в Русской Бектяшке машинно-тракторной станции. Первые годы она называлась сенгилеевской. Директором МТС был назначен Николай Иванович Журавлев, старшим агрономом — Старостин, старшим механиком — Храпп.

Чтобы ускорить ее размещение, райисполком обязал Бектяшкинский сельский Совет выделить несколько домов раскулаченных и сосланных крестьян. В них поместили дирекцию, учебные классы, организовали временную мастерскую. Начали работать курсы по подготовке трактористов. Преподавателями на них были механики Подлесных и специалист по тракторам Зарубин. Они же в конце марта 1931 года помогали выпускникам курсов перегонять по раскисшим дорогам первые тракторы со станции Ульяновск в Русскую Бектяшку.



Страна переживала болезнь гигантомании. Строились гигантские заводы, создавались гигантские колхозы, совхозы, области, края. Вновь изменилось административное деление. 10 января 1931 г. создается Мордовская автономная область и присоединяется к Средней Волге, а Средневолжская область получает статус края, границы которого простирались от Рязанщины до Западного Предуралья. Такое искусственное образование существовало до 20 декабря 1934 года, пока Мордовию не преобразовали в автономную республику, а Средневолжский край разукрупнили на несколько областей.

Постановлением ЦИК и СНК от 28 июля 1930 года в Средневолжском крае были ликвидированы округа, а территории районов укрупнены. В состав Сенгилеевского района переданы заволжские села: Белый Яр, Вислая Дубрава, Суходол, Табурное. Обслуживали их Белоярская МТС. Из бывшего Сызранского округа в состав нашего района возвращены села Кротково, Никольское, а также ряд других хуторов, входивших в эти Советы.

Как принято в таких случаях, руководители района выезжали во вновь присоединенные села. Первые лица оценивали обстановку, распределяли по населенным пунктам самый надежный актив. Проверенный пропагандист колхозного строя Рона Прокофьевна Миронова с августа была закреплена за белоярским колхозом «Искра Октября», Иван Николаевич Дымнов занимался продолжением коллективизации в огромном селе Суходоле (колхоз «Пролетарский путь»), Александр Иванович Репин агитировал за коллективный труд жителей села Вислая Дубрава, переименовав подшефный колхоз в им. МОПРа, Павел Федорович Жвалик, тщедушный человек, с волчьей хваткой, быстро провел раскулачивание и добился стопроцентной коллективизации в селе Табурное (колхоз «За революции»), заслужил похвалу председателя райисполкома Шишкина и был выдвинут на должность председателя белоярского колхоза. Однако продержался там недолго.

Продолжалась коллективизация и в селах правобережья. Под давлением из центра советские и партийные

работники на местах разного ранга уполномоченные и края стали считать, что в деревне вообще, а в вопросах коллективизации и в борьбе с кулачеством в особенности лучше перегнуть, чем не догнуть.[151]

Вообще-то на Руси кулаком всегда называли бесчестного переторговщика, который наживался не за счет своего труда, а через посредничество в торговле за счет дачи денег в долг односельчанам под проценты. До революции в Среднем Поволжье их насчитывались единицы, а события октября 1917 года и вовсе лишили их почвы для обогащения. После революции по чьей-то подаче сверху в официальной агитационной литературе кулаками стали называть уже всех зажиточных крестьян.

21 мая 1929 года СНК СССР своим постановлением определил, что к категории кулаков относятся не только переторговщики и деревенские ростовщики, но и те, кто в своем хозяйстве применял наемный труд на сельскохозяйственных работах или имел мельницу, или маслобойку, шерстечесалку или другую сложную по тем временам технику. Это же постановление представляло право краевым и областным Советам самостоятельно устанавливать признаки определения кулаков, исходя из местных условий.

Средневолжский крайисполком к числу кулацких отнес хозяйства с двумя коровами. Таким образом в наших местах в разряд кулацких попали семьи, которые мало-мальски выделялись из общего строя середняцких хозяйств. Это были, как правило, семьи относительно многодетные, готовившиеся к отделению от общего отцовского хозяйства женатых сыновей или взятых в дом зятьев, живших с ними лет по 10—12 и имевших уже по трое-пятеро детей. Под раскулачивание попали также семьи, сочетавшие сельскохозяйственные работы с промыслами — зимой ездили в извоз или плотничали, калили кирпич, валяли валенки, разрабатывали лесные делянки и т. д.

Деревня в годы коллективизации была расколота. Сельские крикуны-выпивохи, бия себя в грудь, выступали против зажиточных. Зажиточные не хотели равняться с сельскими люмпенами-неумехами. Середняки старались держаться особняком, а если и примыкали, то к тем, кого считали равным себе. Зависть грызла сердца сельских неумех и транжиров. Был, например, в Артюшкине крестьянин Горячев. Цену себе знал, поскольку являлся хорошим шорником. Лучшая сбруя, что имелась в округе, была сработана его руками. Владел он и сапожным мастерством. Трудами праведными скопил деньжонок, построил хороший дом. А дом-то этот сельским активистам приглянулся. Раскулачили работягу.

Жил в том же селе Иван Баландин. В молодости его считали бедняком. После революции получил, как и все, душевой надел, и мужика словно подменили. Вставать стал чуть не раньше всех, кончал работу, когда самые заботливые покидали поле. Трудился до кровавых мозолей, выбился в крепкие середняки, а с началом коллективизации его же бывшие дружки посчитали Ивана кулаком, да вместе с семьей и отправили в Сибирь на перевоспитание.

Братья Герасим и Михаил Ятмановы, Алексей Петрович Савиков лучше всех ухаживал за землей и скотом, не в пример нерадивым. Строго блюли семейные крестьянские устои, нравственную жизнь на селе. Не каждый отваживался в их присутствии глумиться над жизнью рода, семьи, родного села. Старались во всем жить по правде. Поэтому и побаивались их те, кто творил дела неправедные. В период коллективизации право оказалось на их стороне. Вот и решили свести счеты с правдолюбцами. Раскулачили и сослали.

Таких уважаемых большинством семей в этом полурусском-получувашском селе имелось немало. 19 из них были раскулачены. Крестьянское общество от этого не обрело мира, и сельские люмпены-пьяницы не разбогатели. Одного из активистов коллективизации, члена исполкома сельского Совета Ивана Степановича Пырченкова убили, двадцатипятитысячник Вожжаев — то ли на почве пьянства, то ли осознав, что он натворил в селе, — застрелился.

Около трех десятков семей было раскулачено в Сенгилее. Отобрали все, что было нажито десятилетиями кропотливого труда, и под конвоем выслали в Сибирь се-

мью Ивана Константиновича Усова, бессловесного труженика, никогда и никому не делавшего плохого. Точно так же поступили с семьей Петра Дмитриевича Кормилина. У Анны Никитичны Пономаревой во время нэпа муж занимался торговлей. Накануне коллективизации он умер, оставив сиротами троих детей. Многие из видных в Сенгилее людей — учителя, врачи — ходатайствовали за несчастную женщину перед властями. Не помогло. У Анны Никитичны отобрали дом, имущество, а ее с ребятишками сослали. Раскулачили и выслали из Сенгилея семьи Кургановых, Дунаевых, Мартыновых, Березиных.

Одними из самых работящих здесь считались Сергеевы, извечные хлеборобы и ремесленники. Их сначала очень настойчиво уговаривали вступить в колхоз. Отказались категорически. Тогда обложили непомерным налогом. И это не устрашило. Применили испытанное средство — раскулачили и выслали. Искалечили чрезвычайными мерами жизнь семьям Коноваловых, Шитовых, Фадеевых, Гусевых, Михайловых, Самсоновых, Скрябиных, Навозновых и многих других.

По меньшей мере 12 семей, одна другой больше, отправили из Новой Слободы в Забайкалье. Так было в Бекетовке, Шиловке, Елауре и во всех других селах. Раскулачивания люди боялись больше, чем ареста. Конечно, и то и другое для человека было страшно. Но в последнем случае погибал один, глава семьи, а при раскулачивании в первую очередь гибли самые беззащитные — дети и пожилые люди. Гибли от недоедания, сибирских морозов, существования в сырых землянках при отсутствии какой-либо медицинской помощи.

Крестьяне, запуганные арестами, раскулачиванием, угрозами уполномоченных, обложенные и переобложенные налогами, к началу 1932 года начали рассуждать так: чтобы не потерять все нажитое за многие годы нелегкого труда, может быть и взаправду вступить в колхоз. Авось это не надолго?

Был и второй выход — уехать в город, устроиться там куда-нибудь на работу, тем более тогда паспорта еще не были введены. Но не лежала душа крестьянская к разворочённым на стройках котлованам, городскому чаду и



...ари, суете и озлобленным очередям в полупустых магазинах за каравашком хлеба.

Трудно было привыкать истинному крестьянину и к колхозной жизни. Противно смотреть, как от безделья носились на взмыленных лошадях вчерашние сельские неумехи, ставшие теперь бригадирами, как поили они загнанных лошадей ледяной водой, а те гибли от воспаления легких, как сбивали им спины, заподпруживали животы, ломали на вывозке леса ноги (колхозам ежегодно давалось задание вывозить для самарских предприятий от ...0 до 30 тысяч кубометров леса па берег Волги). Рвало сердце, когда некормленные коровы-ведерницы истошно орали в колхозных калдах и не давались доиться новым хозяйкам.

До 1932 года не было упорядочено обобществление скота. В одних селах на колхозные дворы свели только лошадей, в других — лошадей и коров, в остальных — всю живность вплоть до кур. Там, где некуда было загонять скот, обещали обобществить его со дня на день. Мужики, пользуясь этим, резали овец, телок, свиней. Резали и те, кто еще не вступил, но понимал, что придется это сделать в ближайшее время. Количество скота за первые два года коллективизации в районе сократилось почти наполовину.

Неразбериха в оплате труда была полнейшая. Сначала писали палочки—выходы на работу. В 1931—1932 гг. по рекомендации Союзколхозцентра установили сдельщину в виде трудодня. Но и тут оказалась масса непродуманных вопросов. Если ты севец или пахарь, то за 10 часов пребывания в поле (неважно, как пахал и как посеял) тебе запишут 1,25 трудодня, если конюх — то 1,5, пастуху писали 1,4, доярке — один трудодень, кладовщику — тоже, учетчику — 1,5, счетоводу — 2,5, подростку, день копавшему грядки под овощи, — 0,5 трудодня. Нормы выработки устанавливались и утверждались на колхозных собраниях по принципу кто кого перекричит.

Особенно возмущали опытных крестьян, а теперь колхозников, дела в полеводстве. Вынырнувший неизвестно

откуда в Самаре самый ученый из всех ученых Трофим Лысенко, судя по газетам того времени, заверил правительство, что сможет без особых затрат резко поднять урожайность полей. В колхозах заставили внедрять его «изобретение» — сев по снегу и грязи, яровизацию семян, посев яровых под зиму. Все это делалось якобы для того, чтобы ускорить рост и созревание урожая.

В самарской молодежной газете «Волжский комсомолец» в 1931—1933 гг. даже публиковались снимки: люди бросают семена в снег. Колхозники из Алешкина, Вырыстайкина, Кроткова, Бектяшки, Мордова категорически отказались это делать. Их обвиняли в отсталых настроениях, штрафовали на 10 трудодней, а в Бекетовке уполномоченный райкома Жвалик собственной властью даже арестовал около десятка непослушных севцов и отправил в КПЗ сенгилеевской милиции, чтоб не мешали. Внедрение передового метода было возложено на начальника политотдела Бектяшкинской МТС Илларионова, и он старался изо всех сил.

Апрель и май 1932 года стояли холодные, нередко выпадал снег. По рекомендации председателя райисполкома Шишкина, сев вели с ночевками в поле, чтобы не тратить время на переезды из села к месту работы и обратно.

Тракторов не хватало, лошадей — тоже. В 1930—1931 гг. почти половина конского поголовья пала. Только в бекетовском колхозе «Большевик» за весну 1932 года пало 46 лошадей. Впервые за колхозную жизнь на бороновании и подвозке семян использовались коровы.

Сенгилеевский колхоз «Новый путь», закончивший посевные работы 19 мая при нагрузке на лошадь 9 гектаров, был отмечен переходящим Красным знаменем райкома и райисполкома. Его председателя Митюшкина за оперативное руководство севом и председателя сельского Совета Родина «за помощь в мобилизации людей на полевые работы» премировали промтоварами на 35 рублей каждого. Бригадир Антипин «за правильную круглосуточную организацию работ» премирован промтоварами на 25 рублей. Бригадир плодоовощной бригады Осип Дубровский, приспособивший 11-рядные сеялки для посева огородных культур и организовавший орошение посевов на 30 гектарах, получил промтоваров на 75



рублей. Районного агронома Толмачева за досрочное проведение весеннего сева райисполком премировал велосипедом.[152]

Но самый большой триумф выпал на долю двух заволжских хозяйств, выполнивших условия соревнования, утвержденные Совнаркомом РСФСР. Колхоз «Пролетарский путь» (с. Суходол) за проведение сверхраннего сева получил передвижной двигатель, швейную машину, радиоприемник и библиотечку сельскохозяйственной литературы. Колхоз «Искра Октября» (Белый Яр) за ударный труд на севе Совнарком РСФСР премировал племенным жеребцом, двумя парными ходами, двумя комплектами сбруи и кинопередвижкой.[153]

Премии-премиями, но виды на урожай в Сенгилее и других колхозах были неважными. Первая бригада (Горное поле) и 3-я (Центральное поле) попробовали было полоть пшеницу, но сорняков оказалось больше, чем культурных растений. Затею с прополкой пришлось оставить.

Колхозники питались плохо, доедали прошлогодний аванс на трудодни. После уборки гороха потери были значительные, и ребятишки, чтобы наесться досыта, ринулись собирать горошины, выпавшие из стручков. За день удавалось набрать килограмма три, а некоторым и больше. Но на поле появился объезчик, который мог отпороть плеткой, как это однажды случилось с автором. Вскоре гороховое поле вспахали, и детское лакомство пропало.

В Сенгилее, да и в других селах, из-за недостатка хлеба родители не препятствовали детворе ходить в поле и обрывать колоски. Обычно их набирали по фуражке, а некоторые, особенно вдовы, и сами промышляли этим, так как ждать, когда выдадут аванс на трудодни, было уже невмочь. Но вскоре это стало небезопасным. Появился закон от 7-го августа 1932 года. Его объявили на бригадных дворах, по радио. Он гласил: «за хищение урожая на полях, общественных запасов, скота и т. д. расстрел с конфискацией имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет». Москва слезам не верила. Гуманнее пра-

вительства оказались судьи. Ни у одного из них, по крайней мере в Сенгилеевском районе, не поднялась рука вынести расстрельный приговор по закону о пяти колосках. Искали и находили смягчающие обстоятельства.

Осенью на села обрушился террор уполномоченных. Обмолоченный хлеб дочиста вывозили на ссыпные пункты. Колхозникам на недоуменные вопросы разъясняли, что есть такая директива из центра, по которой сначала надо рассчитаться с государством, затем отчислить зерно в неделимые фонды, а уже после, что останется, выдавать на трудодни. На семена и фураж хлеба не хватило, но в Сенгилее как-то ухитрились выдать колхозникам по 400 граммов на трудодни, заработанные до 1 августа, назвав это авансом.[154] В Бекетовке хлеборобы вообще ничего не получили, в Мордовской Бектяшке — тоже.

Несмотря на средний по тем временам урожай — порядка 7,5 центнеров — люди остались без хлеба (продовольственных карточек колхозникам не выдавали), дисциплина пала до некуда. Несмотря на то, что на взмет зяби были направлены 37 тракторов и почти все рабочие лошади, люди на работу являлись неохотно. На 31 октября в районе из 34947 гектаров зяби было вспахано лишь 15947.

Местная газета «Ударник» на чем свет стоит критиковала колхоз «Новый путь» за то, что не привлек к работе в поле ни одной коровы. Частной, разумеется. Публиковала пространное телеграфное распоряжение председателя крайисполкома Полбицина, секретаря райкома ВКП(б) Шубрикова и начальника крайзу Гричманова, которым все колхозы и совхозы обязывались с 22 октября по 3 ноября провести подзимний сев подсолнечника.[155]

А в районе обстановка складывалась сложная. Деревня питалась, в основном, картофелем, в хлеб добавляли различные суррогаты. Голодали. Многие семьи колхозников подались в город, где, если удастся получить карточки, можно было прокормить семью.

Голод продолжался восемь месяцев. Пик его пришелся на май 1933 года. С первыми пароходами из Астрахани, Саратова и сел Нижнего Поволжья хлынул поток голодающих. Они, истощенные, разбредались по деревням в надежде найти там хоть какую-то пищу, просили милостыню. Подавали им больше картофелинами, молоком, гораздо реже хлебушком. Некоторые умирали прямо на дорогах, на пристанях. После стало известно, что особенно ужасен голод был на севере Украины, в Белоруссии, в Центральном Черноземье, на Нижней Волге и на Северном Кавказе.

Между тем страна продолжала торговать хлебом с иностранными фирмами, закупая у них оборудование для строящихся заводов. Так как валюты в стране не было, расчеты велись хлебом. В 1932 году в Западную Европу СССР вывез 18,1 миллиона центнеров зерна, в 1933 — десять миллионов.[157]

Искусственно спровоцированный голод породил у крестьян неверие в справедливость и возможность колхозного строя наладить деревенскую жизнь. Только по этой причине в Кроткове с 1933 по 1956 год почти каждая семья три четверти приусадебного участка засевала пшеницей и лишь четверть — картофелем. Это не только боязнь повторения неразумной хлебозаготовительной кампании, но и стремление защитить себя, свою семью от голода.

В 1933 году к руководству районом пришли новые люди. Председателем райисполкома стал Федор Константинович Лаванов, человек разумный, не понаслышке знавший крестьянскую жизнь, чего нельзя было сказать о новом секретаре райкома ВКП(б), заносчивом и не терпящим возражений Бакулине.

Год 1934 выдался на редкость урожайным, особенно в Заволжье. В среднем с гектара получили около 11 центнеров, левобережные колхозы по 12 и выше, люди, выехавшие в города, прослышав о хорошем урожае, стали возвращаться в села. Кротковский колхоз был разукрупнен на три — им. Ленина, им. Калинина и «Ударник». Последний находился в соседнем селе, а два первых поделили так, что конный двор достался одному хозяйству, а крупный рогатый скот — другому. Белоярский колхоз разукрупнили на два, суходольский — на три — «Пролетарский путь», «Победа» и им. Ворошилова.

Колхозы без особого напряжения выполнили хлебозаготовки. Сложнее обстояло с единоличниками. На 20

октября из них вытрясли 56,9 процента полагавшегося с них зерна.[158] Как выколачивался этот хлеб, иллюстрирует хотя бы такой факт. И. М. Морев, пользовавшийся в Белом Яре только приусадебным участком, должен был сдать в хлебозаготовки 13 центнеров 86 кг. На глубинный приемный пункт он привез 2 центнера 79 кг. Сказал: «Что хотите делайте, но больше хлеба у меня нет». Ему, конечно, не поверили, в доме сделали обыск, нашли 8 кг овса. Сенгилеевский народный суд за саботаж хлебозаготовок и укрывательство хлеба приговорил Морева к двум годам лишения свободы с конфискацией у него лошади. И подобное творилось во всех 22 сельских Советах.[159]

Для стимулирования сверхплановой сдачи зерна колхозами району было выделено 8 грузовых автомобилей. Колхоз «Пролетарский путь» (с. Суходол) за зерно приобрел две автомашины, имени Хатаевича (Елаур), «Вперед» (Алешкино), «Большевик» (Бекетовка), «Красный пахарь» (Мордово) разукрупненные к тому времени кротковские колхозы им. Ленина и им. Калинина — по одному автомобилю.

Кроме того, райпотребсоюзу было установлено задание закупить у колхозников на встречную продажу товаров 34200 центнеров зерна. Трудодень в том году был оплачен как никогда ранее богато — по 4—5 килограммов. На 10 ноября было закуплено 18429 ц. Закупки пошли быстро, но в кооперации кончились пользующие спросом населения товары.

1 ноября из Самары в Москву был отправлен следующий победный рапорт:

«ЦК ВКП(б) тт. Сталину, Кагановичу, Совнарком СССР Молотову.

Средневолжский край 25 октября выполнил государственный план хлебосдачи на 101,2 процента. К 25 октября закуплено у колхозников 8317 тысяч пудов хлеба. Продолжаем хлебосдачу в отставших колхозах и единоличных хозяйствах. Всемерно форсируем хлебозаготовки и взмет зяби.

Секретарь Средневолжского крайкома В. Шубриков.

Пред. краевого исполнительного комитета Г. Полбицин».



* * *

Жизнь Сенгилея и района заключалась не только в коллективизации. В связи с изобилием в наших местах овощей и фруктов в 1930 году по ходатайству крайисполкома Наркомснаб РСФСР принял решение об организации в Сенгилее завода по переработке яблок и овощей. Подходящего помещения для него здесь не было, но это не смутило энтузиастов. Заводик разместили на правом берегу Тушенки, почти в самом центре села, в бывших купеческих складах, каретниках и иных подсобных помещениях.

Директором был назначен старый большевик Сидор Иванович Николаев. А поскольку на заводе, кроме чисто административных функций, нужно было еще знать, что, как из чего производится, технологом из Самары прислали дипломированного специалиста Николая Васильевича Сачкова. Контора завода размещалась в доме Сапиновой. Первой продукцией, выпускавшейся в 1930—1931 гг., были сушеный картофель, лук, капуста, морковь, яблоки. В 1931 году в Шиловке организовали филиал, где солили огурцы, квасили капусту, затем организовали и сушку яблок.

С продуктами питания в те годы было сложно: почти все выдавалось по карточкам. Рабочие и их семьи на заводах и многочисленных стройках питались не очень хорошо. Для них и супчик из сушеных овощей, приобретенных без карточек, был большим подспорьем. Спрос на продукцию имелся колоссальный. Правда, выпускалась она в бочонках, бочках и ящиках, для изготовления которых пришлось организовать специальный цех. В 1931 году к названию Сенгилеевский плодокомбинат по настоянию А. И. Репина были добавлены слова: «имени МОПРа». Работало на заводе человек 60—70 в Сенгилее и около 40 в Шиловке.

Вскоре, с поступлением фондов на сахар, к сушеной и засоленной продукции прибавились варенье, повидло, джем, помадка и даже карамель. Старожилы-сенгилеевцы еще помнят знаменитые в те годы леденцовые петуш-

ки, выпускавшиеся на комбинате. Производство продукции росло с каждым годом. Давалось все это нелегко. Николаева на посту директора вскоре заменили Семенихиным. Но и у него не все получалось. Правда, его, как местного выдвиженца, пока щадили.

В октябре 1934 года за невыполнение плана третьего квартала бюро РК ВКП(б) сняло с работы секретаря партийного комитета Казакова, объявив ему строгий выговор с предупреждением. Строгий выговор был объявлен и председателю заводского комитета профсоюза Уральцевой. Семенихину поставили на вид. Райком обязал дирекцию на основе ударничества и соревнования любой ценой ликвидировать отставание в третьем квартале, обеспечить выполнение годового плана, отрапортовать об этом в дни Октябрьских торжеств, а в декабре доложить районному съезду Советов «о своих достижениях и этим самым доказать трудящимся о нашем активном участии в построении социализма в СССР».[160]

Сколько же и какой продукции в то время выпускал плодосушильный завод (так был переименован плодокомбинат)? Найти данные не удалось. Но на третий, самый напряженный квартал 1934 года план ему был установлен 452 тонны. В том числе 43 тонны сушеной капусты и картофеля, 115 тонн начинки, 15 тонн варенья, 30 тонн повидла, 30 тонн квашеной капусты, 30 тонн томат-пюре, 60 тонн яблочного теста и 100 тонн соков. Как планирующие органы в сентябрьский план включили квашеную капусту, — не могу понять.

Несмотря на подобные накладки, Сенгилей все же становился промышленным центром. Кроме плодосушильного завода, здесь была относительно крупная пристань, работал меловой, гончарный, кулеткацкий и портновский цеха артели «Красный воин», функционировала промартель «Работник», где делали бочки, липовые ящики, колеса, телеги. Была еще пошивочная артель им. 8 марта, но в 1933 году по постановлению Ульяновского многопромсоюза ее ликвидировали. Имелась типография, работала пекарня и другие мелкие предприятия. На их фоне, не считая цементного завода, плодово-сушильный выглядел солидным предприятием, и главное, имел хорошую перспективу развития.



# ТРАГИЧЕСКИЙ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Борьба с троцкизмом в 1937 году охватила всю страну. Еще в сентябре 1936 года во время кадровой проверки и обмена партбилетов председатель Сенгилеевского райисполкома Василий Семенович Попков был заподозрен в принадлежности к троцкистам. Поводом к подозрению послужило то, что в 1927 году он, находясь на курсах в Ленинграде, голосовал против исключения Троцкого из партии, замечен был в попытках защищать так называемых троцкистов и в Сенгилее.

На заседании бюро райкома, когда рассматривалось его персональное дело, В. С. Попков честно заявил, что действительно голосовал против исключения Троцкого из партии. Причина та, что на собрании слушателей курсов представитель Ленинградского обкома зачитал документ, в котором излагалась лишь точка зрения обвиняющей стороны. Аргументов же со стороны обвиняемого не привел, на заданные курсантами вопросы отвечать не стал.

Что же касается выступления Попкова в защиту сенгилеевских коммунистов Тагаева, Корнилова и Ларионова, обвинявшихся в принадлежности к эсеровскому уклону и в симпатиях к Троцкому, то Василий Семенович пояснил, что Тагаев к эсерам примкнул на фронте, в конце империалистической войны, а когда понял их программу, перешел на сторону большевиков. На фронте в борьбе за революционное дело вел себя достойно. Исключать его из партии большевиков, по словам Попкова, не имело смысла.

Корнилова и Ларионова, по его словам, обвинили в троцкизме необоснованно. В годы гражданской войны, они, как и другие сенгилеевцы, находились на фронте под Казанью. После разгрома неприятеля перед войсками выступал Главковерх Троцкий. Он поблагодарил красноармейцев за их жертвы во имя победы мировой революции, а некоторым особо отличившимся в бою вручил подарки. Так Корнилов получил от Главковерха карманные часы, а Ларионов — портсигар с папиросами. Попков, прекрасно знавший того и другого, при постановке вопро-

са об исключении их из партии выступил в защиту обоих, так как ни в чем предосудительном они замечены не были. а Троцкий в то время считался вторым лицом в республике после В. И. Ленина.

В отношении самого Попкова аргументы карательных органов видимо оказались недостаточно убедительными. Райком, а затем и обком партии своего согласия на арест Василия Семеновича не дали (еще не пришло то время), но от работы председателя райисполкома его отстранили. Предполагалось, что вопрос о пребывании Попкова в партии должен был решить Куйбышевский обком. Но этот вопрос он пока оставил открытым.

Население Сенгилея очень ценило Василия Семеновича за его деловые и чисто человеческие качества. Некоторое время он еще работал директором трепельного завода. Затем начальник Сенгилеевского РО НКВД сержант государственной безопасности Белецкий вновь вернулся к его троцкистскому прошлому. 17 июля 1937 года его арестовали. На свободу Попков вышел только после смерти Сталина в 1955 году.

В том трагическом тридцать седьмом, как сочувствующие Троцкому, были взяты многие: оспоприватель Сенгилеевского райздравотдела Петр Павлович Божедомов, объездчик лесхоза Александр Васильевич Бубнов, слесарь Сенгилеевского мелового завода Алексей Михайлович Масленников (Шагаров), начальник допризывного пункта Григорий Григорьевич Ляпин, сенгилеевские колхозники Иван Ефимович Брызгалов и Константин Яковлевич Сергеев, заведующий пивной Петр Петрович Агафонов, продавец винной лавки Николай Яковлевич Веретенников, электрик цементного завода Иван Алексеевич Новиков, кучер директора цементного завода Андрей Яковлевич Феоктистов и другие. А в Москве в это время строго следили за теми, кто, где и как борется с врагами народа, пособниками троцкистов. По всей вероятности, Политбюро что-то не удовлетворяло в развертывании новой кампании борьбы с врагами народа. Февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП (б) 1937 года, продолжавшийся две недели, по замыслам его организаторов должен был резко активизировать борьбу с врагами народа. Но да-



же представители высших эшелонов власти реагировали на его работу по-разному. Нарком внутренних дел Ежов, например, ликовал: он стал одновременно шефом НКВД и военной разведки, т. е. монопольным контролером всей тайной деятельности в стране. Ему только что присвоили звание, какого в стране еще никто не удостаивался — генеральный комиссар государственной безопасности. Нарком тяжелого машиностроения Георгий Константинович Орджоникидзе, узнав, что на Пленуме он должен назвать вредителей из своего наркомата, предпочел застрелиться. По этой же причине покончил с собой Я. Б. Гамарник.

С докладом «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа немецко-троцкистских агентов» выступил В. М. Молотов. Он призвал всех присутствующих беспощадно уничтожать врагов народа. Сталинский нарком путей сообщения Каганович отчитывался два часа: «Мы только в политаппарате НКПС, — заявил он, — разоблачили 220 человек. С транспорта уволили 485 бывших жандармов, 260 эсеров и меньшевиков, 372 троцкиста, 1416 белых офицеров, 285 вредителей, 443 шпиона». По словам железного Лазаря, ответственные работники Наркомата вредили всяческими методами. Они культивировали низкие нормы пропускной способности дорог, организовывали крушения, противодействовали стахановскому движению и внедрению паровоза «ФЭД».

«Линия Москва—Донбасс, — продолжал он, — строилась вредительски; Пятов строил Турксиб как вредитель; линия Караганда—Петропавловск строилась Мрачковским вредительски; линия Эйхе—Сокур строилась Барским и Эйдельманом вредительски...». Словом, куда ни глянешь — одни вредители.

Доклад Сталина на Пленуме назывался «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников». Развивая тему опасности со стороны капиталистического окружения, он в конце концов все свел к тому, что главным сейчас все-таки является борьба с троцкизмом, который является основной вражеской платформой. на которой блокируются все враги советского государства. В любом провале, неудаче,

катастрофе Генеральный секретарь неизменно обнаруживал, что все это организовала рука Троцкого.

И такое в той или иной степени повторялось на всех четырех Пленумах, проходивших в 1937-м и начале 1938 года.

О страшном нашествии врагов народа, шпионов и диверсантов из номера в номер писали центральные газеты. По крупным процессам публиковались злые, разгромные речи Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского. Часто печатались репортажи о единодушном одобрении расстрельных приговоров на многолюдных митингах. О том, как готовились эти митинги, свидетельствуют многочисленные телеграммы из ныне рассекреченного архива вождя. Вот одна из них:

«Секретно. Шифром.

НАЦ. ЦК крайкомам, обкомам.

В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает Вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюции о необходимости применения высшей меры репрессий. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня.

№ 4|с — 756 ж

Секретарь ЦК СТАЛИН

11 июня 1937 г. 16 час. 50 мин.»

Проводились такие митинги и в Сенгилее, на цементном заводе, в свиносовхозе и в некоторых колхозах. Поражало то, что голосовали на них за расстрельные приговоры практически единогласно.

В стране творилось что-то невероятное. Создавалось впечатление, что люди сошли с ума и одичали.

В сентябре 1937 года в Куйбышев якобы для укрепления кадров областной партийной организации на пост первого секретаря обкома с Украины был переведен кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) П. П. Постышев. Сенгилеевская районная парторганизация на конференции обкома была в пух и прах раскритикована за недостаточную работу по борьбе с врагами народа. В Сенгилей для подготовки пленума райкома направлена бригада сотрудников УГБ (управления государственной безопасности) областного управления НКВД. Возглавляли ее Попашенко, Деткин, Рогов. В помощь им командировали несколько сотрудников обкома партии.



22 сентября в Сенгилее был срочно созван внеочередной пленум райкома ВКП(б), на котором после краткой, но разгромной информации следственной бригады исключили из партии и сняли с работы первого секретаря РК ВКП(б) Константина Игнатьевича Козорина, а через непродолжительное время его арестовали. Военная коллегия Верховного Суда СССР по ст. 58 пп 7, 8 и 11 УК РСФСР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу.

Вместо Козорина, как это было принято, обком рекомендовал на пост первого секретаря Николая Александровича Губанова, ранее работавшего начальником политотдела одной из МТС области.

На этом же пленуме был исключен из партии и снят с работы второй секретарь райкома Крапивин, проработавший в районе всего четыре месяца. Вместо него была рекомендована и единогласно избрана Е. М. Краснова.

За упущения в подборе и расстановке кадров суровой критике подвергся третий секретарь райкома Тремасов, в прошлом парторг цементного завода. Вопрос о его дальнейшем использовании на партийной работе на пленуме решен не был, хотя на его место настойчиво рекомендовали бывшего начальника Сенгилеевского РО НКВД Лебедева.

Исключили из партии и сняли с работы «за развал животноводства в районе» председателя райисполкома Михаила Андреевича Баранова. Состояние животноводческой отрасли, конечно, желало лучшего, но критические выступления в его адрес были во многом необъективны.

По официальным сводкам РИНХУ (районной инспекции народно-хозяйственного учета) с 1 января 1937 года по

31 декабря того же года в колхозах, совхозах и у населения количество крупного рогатого скота выросло на 20,1 процента; свиней — на 17,9, овец — на 40,2, коз — на 31 и лошадей — на 2,8 процента.

В порядке исполнения постановления СНК СССР для ликвидации безскотных дворов колхозников по настоянию райисполкома с общественных ферм лучшим производственникам выделили 37 телок, 1098 поросят и 394 ярки. Вот это и было расценено как развал животноводства в районе.

За выполнение «прямых вредительских указаний врага народа Козорина» пленум исключил из рядов ВКП(б) районного прокурора Александра Игнатьевича Игнатьева. Не успели еще высохнуть чернила на постановлении о его аресте, как на прокурорское кресло уже объявился претендент — следователь РО НКВД П. С. Бундеряков. Якобы за связь с врагами народа был исключен из партии и арестован народный судья Иван Павлович Липатов.

Затем докладчик и выступающие обрушили свой пролетарский гнев на старшего зоотехника свиносовхоза им. Гая Кузнецова и начальника политотдела того же хозяйства П. П. Пахомова. Их обвинили в укрывательстве преступных действий директора совхоза Петра Семеновича Ширманова, якобы потворствовавшего врагам народа.

В вину старшему агроному свиносовхоза Александру Антоновичу Ощипу был инкриминирован умышленный недобор урожая, и даже приводились цифры, что из-за вредительства этого специалиста в 1937 году совхоз будто бы недополучил 3412 центнеров зерна, 1440 центнеров картофеля и более 700 центнеров грубых кормов. Откуда взялись эти цифры — ответить никто не мог, даже докладчик. Напомню, что названы они были 22 сентября, когда хлеб со всей площади не был обмолочен, а картофель только начали убирать. Под горячую руку Ощипа исключили из партии,а материал направили в НКВД для привлечения виновного к ответственности за вредительство.

Не упустили из внимания машинно-тракторную станцию и другие предприятия, связанные с сельским хозяйством. Как врага народа исключили из партии директора Р. Бектяшкинской МТС Петра Ивановича Почекуева и



управляющего пунктом заготзерно Михаила Ивановича Аникина, а через день обоих арестовали.

Поскольку большинство членов райкома оказались исключенными из партии, обком ВКП(б) принял постановление о роспуске Сенгилеевского райкома. Всего же за последние пять месяцев 1937 года в Куйбышевской области было исключено из партии три с половиной тысячи коммунистов и распущено более 30 райкомов.[160]

Что в то время означало исключение из партии с формулировкой «враг народа» или «вредитель»? Это был полный крах не только служебной карьеры, но и неизбежный арест, которого следовало ожидать со дня на день, гонения на членов семьи и родственников. Иллюстрацией этого может служить судьба начальника электростанции цементного завода Ксаверия Августовича Щуплинского, члена ВКП(б) с 1924 года.

Был он отменным специалистом по энергетике. До приезда в Сенгилей работал на цементном заводе в Подмосковье. Свободно владел английским, немецким и французским языками, знал белорусский, польский, литовский, и, естественно, русский. Имел хорошую библиотеку, выписывал много технических журналов из Германии и Америки. Не было у него ни одного замечания по работе, а портрет Ксаверия Августовича многие годы красовался на заводской Доске почета. И вдруг его как врага народа исключают из партии, жену с детьми в 24 часа вышвыривают из заводской квартиры. Бросили все с трудом нажитое движимое и недвижимое имущество, остались без жилого угла. На квартиру их никто не пускал: боялись репрессий. День проводили у одной знакомой семьи, ночь — у другой. Сына лишили возможности закончить высшее военное училище, дочери отказали в приеме в комсомол. А это означало, что теперь ее не только в институт, но и в техникум не примут. Самому Ксаверию Августовичу тройка при управлении НКВД по Куйбышевской области по ст. 58 п. 7 УК РСФСР определила 10 лет лишения свободы. 31 августа 1938 г. он умер в лагере НКВД.

Пожалуй не менее трагично сложилась судьба заведующего отделом снабжения цементного завода Николая Ильича Васильева и его жены Маргариты Максимилианов-

ны, учительницы местной школы. Он — постоянный профсоюзный активист, она — активнейший агитатор попали в те же жернова сталинских репрессий.

Сгинул в сибирских лагерях ГУЛАГа НКВД СССР один из активнейших коммунистов цементного завода Михаил Тимофеевич Уржумцев. По клеветническому доносу арестовали технического работника райзо Алексея Трофимовича Платонова. Как врага народа взяли скромного служащего Сенгилеевского ЖАКТа Михаила Гавриловича Савикова. Исключили из партии и арестовали председателя сенгилеевского колхоза «Новый путь» Павла Федоровича Жвалика. Не избежал расплаты за свое злодейство и начальник РО НКВД Иосиф Александрович Сурдис.

Чистка кадрового аппарата производилась и в райисполкоме. Без каких-либо формулировок причин репрессий были выведены из состава пленума Сенгилеевского райисполкома И. П. Дымнов, Е. М. Краснова, А. И. Репин, Китаев и другие.

Не минула чаша сия и молодую смену — комсомольскую организацию. Первый секретарь РК ВЛКСМ Пензин был исключен из состава пленума райисполкома и освобожден от должности. На его место рекомендован А. Фокеев. Из комсомола исключено более тридцати человек.

Очень неприглядную роль в репрессиях сыграли командированные в наш район уполномоченные из Куйбышева — Лядункин и Барскова. При выездах в колхозы, совхозы и на предприятия для проверки переданных им доносов они не утруждали себя доскональным исследованием фактов, и, не убедившись в соответствии их истине, на собраниях яростно настаивали на исключении оклеветанных из партии и отдаче под суд.

Не отставали от них и местные активисты, завсегдатаи райкома, райисполкома, постоянные посетители всех митингов и собраний. Фамилии их не называю, чтобы не травмировать детей и внуков этих доносчиков, оговаривавших ни в чем не повинных людей. А подметных писем от таких «доброжелателей» шло много. Одни из них старались выслужиться перед тем, кто еще имел в районе власть, другие стремились свести с кем-то давние личные



счеты, третьи — затоптать ближнего и занять его должность, квартиру, сад и т. д. Только на жену Козорина, Фролову, работавшую заведующей райздравотделом в Сенгилее, таких подметных писем поступило более двух десятков. На публикации одного из них без предварительной проверки «погорел» редактор газеты «Ударник» М. Г. Ржевский. За свою оплошность он отделался сравнительно легко — был выведен из состава пленума райкома и освобожден от занимаемой должности.

Не скажу, что все исключенные из ВКП(б) были идеальными коммунистами. Имелись среди них бездельники, хамы и карьеристы, которые, прикрываясь членством в партии, получали престижные должности, хорошие квартиры и прочие блага. Интересна в этом отношении апелляция бывшего директора Сенгилеевского ресторана Иванова. В ней он писал, что все время считался в Сенгилее незаменимым работником, но руководители района его «обидели» — сняли с работы и теперь не хотят устраивать на должность ни в райисполком, ни в райпотребсоюз, ни в сельпо.

К концу 1937 года репрессивная машина НКВД набрала полные обороты. В далекой от нас Москве был оклеветан, арестован, а затем и расстрелян почетный член Сенгилеевского райисполкома Г. Д. Гай, и имя его на многие годы стерто со скрижалей истории.

Уже после январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП (б), рассмотревшего вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и мерах по устранению этих недостатков» был выведен из состава кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б), исключен из партии, снят с должности, арестован и расстрелян первый секретарь Куйбышевского обкома П. П. Постышев.

Особенно хватали к концу 1937 года и в начале 1938 года тех, кто имел хоть какое-то отношение к религии. В декабре 1937 года были арестованы 72-летний церковнослужитель Михаил Николаевич Лебяжьев, бывшая уборщица кладбищенской церкви Сенгилея Анна Ивановна Рас-

сказчикова. Дальнейшая их судьба автору не известн. В феврале 1938 года репрессии в Сенгилее начали зату хать, хотя в крупных городах и в столице они еще про должались.

После январского 1938 года Пленума ЦК ВКП(б), ко торый, по замыслу его организаторов, должен был навес ти порядок с рассмотрением апелляций, прошло достаточ но много времени, но в жизни почти ничего не измени лось. По установившемуся в партийной иерархии обы чаю, за Пленумом ЦК с той же повесткой дня должны были пройти пленумы обкомов, райкомов, затем их ито ги обсуждались на собраниях первичных организаций, и только после этого приступали к рассмотрению апелля ций на местах, а потом принятые на них постановления утверждались в райкомах и обкомах.

Так, 18 февраля 1938 года пленум Сенгилеевского рай кома утвердил постановление по апелляции заведующей учебной частью Сенгилеевской НСШ Морозовой о восста новлении ее в партии. А перед этим вторичной проверкой в первичной партийной организации было установлено, что Морозова была исключена из ВКП(б) по клеветничес кому заявлению мужа.

В первичной парторганизации цементного завода по вторно рассматривалась апелляция по восстановлению в партии инженера Шалуневой. Последнюю исключили за связь с троцкисткой Андреевой. Расследованием было установлено, что вся их связь заключалась в том, что Ан дреева и Шалунева однажды вместе мылись в бане.

Райком ВКП(б) согласился с выводами комиссии, но для утверждения постановления все документы отправили в обком, Шалунева в партии была восстановлена. Бо лее того, Сенгилеевский райком в своем постановлении счел необходимым, чтобы Куйбышевский обком привлек к ответственности секретаря парторганизации трамвай ного парка Лядункина и инструктора обкома Барскову, не добросовестно отнесшихся к проверке клеветнического письма на Морозову и Шалуневу.

После ряда дополнительных проверок Сенгилеевский райком восстановил в партии Чистопольского, Жега



лина, Алымова, Страхова и некоторых других. Обком то постановление утвердил.

Пересмотрел свое решение от 29 ноября 1937 года и пленум райисполкома, признав, что многие депутаты бы ли безосновательно выведены из состава пленума райис полкома. В своих законных правах были восстановлены А. И. Репин, Краснова, И. Н. Дымнов, Китаев, Пензин, Ша лунева и Пахомова.

В середине апреля 1938 года в Сенгилее проходил пле нум райкома комсомола. На нем в соответствии с поста новлением Пленума ЦК ВЛКСМ от 5 марта рассматри вался вопрос «Об ошибках, допущенных комсомольскими организациями при исключении из комсомола, о фор мально-бюрократическом отношении к апелляциям и ме рах по устранению этих недостатков».

В своем постановлении пленум отметил, что райком, очищая свои ряды от врагов народа, допустил серьезные извращения политики партии. Имелись многочисленные факты огульного исключения из комсомола. Так, в сви носовхозе на одном из собраний было исключено сразу восемь человек, среди которых оказались честные и предан ные комсомольцы Ковалев и Калачев. Без какой-либо про верки райком распустил комсомольскую ячейку в Елауре. В Сенгилеевской средней школе в один день исключили сразу девять человек. Повторной проверкой установлено, что ученик 10 класса Воробьев был исключен за то, что отказался голосовать за удаление с собрания Исаева. Исаева исключили потому, что выступил против исключе ния из ВЛКСМ Аникина и т. д. Отличницу 10 класса Бо гатову исключили за сокрытие социального происхожде ния. Проверка апелляции установила, что она с детства живет с бабушкой и с родителями никакой связи не поддерживает. Газеты пестрели публикациями писем комсомольцев, отрекающихся от родителей в связи с тем, что те стали врагами народа.

Церковнослужителей и просто искренне верующих в большинстве просто расстреливали. В одну из декабрь ских ночей в Сенгилее был арестован 72-летний церковно служитель Порфирий Александрович Вишневский и приго

ворен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в Ульяновске 18 февраля 1938 года. В тот же день расстреляли священника Николая Александровича Загудаевского, арестованного в Сенгилее в декабре 1937 года. 13 января 1938 года был расстрелян 35-летний криушинский священник Дмитрий Степанович Филатов. Такая же участь постигла председателя церковного совета Криушинского прихода 67-летнего Леонтия Ивановича Бочкарева.

Выстрелы на спецучастках продолжали греметь до конца 1938 года. Автор упомянул в этом материале лишь незначительную часть невинно пострадавших. Всего же по району только за 1937 год было арестовано не менее 120 человек.

Все они сейчас амнистированы, но, к сожалению, посмертно.



# ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

## ГОД 1938

Массовые репрессии 1937—1938 годов многих сенгилеевцев выбили из колеи. В людях поселился страх. По ночам они еще прислушивались к каждому шороху у двора, а в домах некоторых лежал непременный тогда узелок с бельем и мешочек с сухарями. Ждали незваных гостей. Но, слава Богу, арестов здесь теперь не было. В столице же еще продолжались политические процессы. Только что закончился суд над Зиновьевым и Каменевым, а уже начинался процесс «семнадцати» над Пятаковым и его подельниками. Затем показательный процесс «двадцати одного» над Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, А. П. Розенгольцем, Н. И. Крестинским, Ягодой и другими.

В Сенгилее и селах района сотрудники райкома проводили митинги среди населения. Чаще других на них выступал заведующий отделом пропаганды и агитации Шафаев. Свои речи он обычно заканчивал так: «Смерть отщепенцам! Да здравствует верный страж нашей Родины — НКВД и его сталинский нарком Ежов».

Требовали смертной казни подсудимым не только в Москве, но и колхозники колхоза «Ударник», рабочие цементного завода, жители Буерак, Шиловки и Артюшкино, хотя большинство тех, кого обязывали выступать, не представляли, какие должности занимали Крестинский или Розенгольц, в чем провинились Рыков, Бухарин и другие подсудимые. А спросить об этом у представителей из района боялись: за такой вопрос можно было попасть куда Макар телят не гонял.

Более беспечно чувствовала себя молодежь. Новый 1938 год впервые за свою жизнь сенгилеевские пионеры и школьники встречали с елкой. Организовал такое удовольствие по распоряжению секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева местный райком комсомола. На елку рекомендовалось пригласить только отличников учебы, а потом молодежь настояла: пусть веселятся все, и районное руководство вынуждено было с ними согласиться.

Плохое в жизни рано или поздно кончается. Постепенно стали забываться и страхи 1937 — 1938 годов. Городок, кроме репрессированных, зажил обычной жизнью.

По утрам люди спешили на работу. Одни — на плодосушильный, другие — на меловой или кирпичный, а кто и в родную промартель. Раньше всех вставали те, кто работал на цементном заводе: им еще предстояло семь километров идти пешком. Цементный стал устойчиво работать с 1936 года, и теперь, когда начали перевыполнять планы, заработки там стали выше, чем на других предприятиях.

Директор завода А. Г. Базаев постоянно внушал коллективу: «Не зазнавайтесь! Пока еще работаем плохо!». И действительно, мощности новых агрегатов осваивались медленно. 59 процентов рабочих едва выполняли вновь установленные нормы выработки. Приходилось учиться на заводских курсах, а чаще у тех, кто был сноровистее и технически грамотнее. Они, как правило, являлись ударниками, а некоторые даже стахановцами.

Первыми стахановцами здесь стали Блохин, Володин, Латыфов, Минеев, Хазов. На работе они выкладывались до предела. Сначала над ними посмеивались: грыжу наживете. А когда увидели, что их заработок с 200 рублей подскочил до 350, а у Володина даже до 500 рублей в месяц, ряды желающих трудиться по-стахановски начали резко возрастать. К концу 1938 года здесь было уже 342 стахановца. Многое для этого делали партийная и комсомольская организации, дирекция предприятия. В те годы впервые проводились выборы в Верховные Советы СССР и РСФСР по новой Конституции. В честь выборов полагалось брать повышенные соцобязательства.

Впервые они проводились 12 декабря 1937 года. Кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Сызранскому избирательному округу баллотировался Иван Поликарпович Кириллов, а в Совет национальностей по Куйбышевскому избирательному округу — Федор Абрамович Коваленко.

Выборы в Верховный Совет РСФСР были назначены на 26 июня 1938 года. В наш 334 Ульяновский сельский избирательный округ входили районы: Богдашкинский (ныне Цильнинский), Майнский, Сенгилеевский и Тагайский. В Сенгилеевском районе был образован 31 избирательный участок.

Первым кандидатом в депутаты, как и на предыдущих выборах, выдвигали И. В. Сталина и кого-то из членов Политбюро, а затем уже человека, подобранного обкомом ВКП(б). От 334 избирательного округа обкомом ВКП(б) была подобрана трактористка из Богдашкинского района Ксения Герасимовна Пракова. У нас в районе ее выдвигали в колхозе «Красный пахарь», где ранее о ней и слыхом не слышали. Одновременно она была выдвинута еще в трех районах. Затем в каждом районе в 4—5 колхозах поддержали ее выдвижение.

Через некоторое время Сталин и члены Политбюро через газету «Правда» благодарили избирателей за оказанное им высокое доверие и сообщали, что они будут баллотироваться по другим округам. Создавалась видимость демократии, хотя все и так знали, что по нашему 334 округу Пракова останется единственным кандидатом.

На проходивших встречах с ней выступали активисты-колхозники и рабочие тоже. Их речи тщательно проверялись в райкоме. Так было принято. Поэтому речи выступавших были похожи как две капли воды. Все говорили, какая Пракова хорошая общественница, хотя ее видели впервые.

Выборы стараниями райкома и райисполкома были превращены в праздник: играл духовой оркестр, выступали деревенские хоры, пожилые вместе с молодежью плясали и пели под гармошку. Стариков и старушек на избирательные участки подвозили на взмыленных тройках лошадей, на каких и местное руководство не всегда ездило. Для тех, кто совсем не мог ходить, привозили урны для голосования домой или в больницу. Тщательно выверяли списки избирателей, стараясь найти тех, кто еще не проголосовал. Поэтому и процент участвовавших в голосовании был очень высок. 25 июня 1938 года по 334 избирательному округу приняли участие в голосовании 99,43 процента избирателей. Считалось за честь проголосовать первыми. Очередь на избирательных участках выстраива-

лась задолго до шести часов утра. Всего за Пракову отда[ли] голоса 99,37 процента участвовавших в голосовании. Вс[е] старались сделать празднично.

Сенгилей в то время мало чем выделялся из окрестных населенных пунктов. С дореволюционного времени здесь ничего не строилось.

Райисполком размещался в бывшем купеческом доме Климова, типография и библиотека — в бывшем уездном арестном доме, средняя школа — в здании бывшей уездной земской управы, детский дом на 260 воспитанников и детсад — в домах бывших судовладельцев Баукина и Растoргуева, кинотеатр — в соборе, дом соцкультуры и два клуба — тоже в старинных приспособленных зданиях. В купеческих амбарах и каретниках размещался плодосушильный завод и другие немногочисленные предприятия местной промышленности, а также малярийная станция, женская и детская консультации. Больница, правда, размещалась в специально построенном в начале века помещении. 21 магазин представлял из себя старые купеческие лавки, частью — сколоченные из досок времянки, получившие название ларьков. Единственное, что начали строить в 1937 году — это новое здание электростанции.

О количестве населения, проживавшего в то время в рабочем поселке судить трудно. Единственная полная перепись относится к временам НЭПа. Согласно ей, на 17 декабря 1926 года Сенгилей насчитывал 6493 человека. Данные Всесоюзной переписи 1937 года не публиковались, т. к. Сталиным и Молотовым она была признана дефектной, а ее организаторы О. Квиткин и И. Коваль расстреляны. Данные последующих переписей 1939, 1959, 1970, 1979 и даже 1989 годов засекречены, несмотря на объявленную гласность. Мои попытки познакомиться в районных статистических организациях хотя бы с некоторыми цифрами натолкнулись на категорический отказ.

Однако предположить кое-что можно. В середине 30-х годов, по отрывочным данным, опубликованным в местной газете, рождаемость в Сенгилее в 3—4 раза превышала смертность. В 1935 году родилось 1166 человек, умерло 312, в 1936 — соответственно 1232 и 317. Исходя из этого, можно предположить, что в конце тридцатых на-



селение Сенгилея составляло — 8—9 тысяч человек.[156]

И специально для любопытных. В 1990 году в нашем городке родилось 360 человек, умерло 429. В 1991 на свет появилось 353 малыша, а ушли в мир иной 474 человека.

Сенгилеевский колхоз «Новый путь» в районе считался средним. Передовым, как буеракские «Сады и горы», смородинский «Койт», лапшанский им. Кирова, алешкинский «Вперед», головкинский «Рассвет», шиловский «Новая жизнь», он никогда не был, но и в самых отстающих не числился. В критические моменты прополки посевов, уборки урожая его выручали рабочие и служащие районного центра.

Осенью 1937 года сенгилеевскому колхозу, как и другим хозяйствам района, торжественно вручили «Акт на вечное пользование землей». На торжествах присутствовали и. о. председателя райисполкома Святов, секретарь райкома ВКП(б) Губанов, директор Шиловской МТС Егоров, агроном райЗО Завьялов. Выступавшие колхозники клялись любой ценой выполнить сталинский лозунг: добиться получения страной 7—8 миллиардов пудов зерна в год.

Урожай в 1937 году был хороший, но подвела погода. Хлеб пришлось домолачивать в январе тридцать восьмого. Зерна на каждый заработанный трудодень сенгилеевские колхозники получили по 4,5 килограмма, но с закладкой основ урожая будущего года допустили оплошность. Навоза на поля вывезли только 193 воза, снегозадержание провели лишь на 44 гектарах. Из 48 лошадей к началу весеннеполевых работ 19 находились в состоянии нижесредней упитанности.

Тщательнее других готовилась к севу бригада А. И. Коллера, но и в ней людей не хватало. Весна была ранняя. На сенгилеевских полях третья бригада 8—9 апреля уже подняла 25 гектаров весновспашки и заборонoвала 50 га зяби. Посеяли вовремя.

В том же апреле в целях развития колхозной демократии было опубликовано постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О запрещении исключения колхозников из кол-

хозов». Подписали его Молотов и Сталин. Оно предписывало:

1. Запретить проведение чистки колхозов под каким бы то ни было предлогом;

2. Запретить исключение из колхозов членов семей колхозников по мотивам ухода одного из членов семьи на постоянную или временную работу в государственные предприятия;

3. Запретить исключение из колхозов за нарушение правил внутреннего распорядка;

4. Исключение из колхозов может применяться, как крайняя мера в отношении явно неисправимых дезорганизаторов колхозного производства после того, как исчерпаны все меры их воспитания.

Следом за этим через три дня вышли постановления «О неправильном распределении доходов в колхозах» и «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств». Последнее предусматривало, что налог с единоличных хозяйств в любом случае должен быть, как минимум, на 25 процентов выше, чем с колхозных. Все три эти постановления вместе взятые создавали привлекательность колхозной жизни перед единоличной, поднимали авторитет вождей, демонстрировали их заботу о людях.

Через несколько дней комиссия из представителей райкома, райисполкома и райфо начала проверять и устранять отмеченные недостатки.

Самые грубые нарушения были выявлены в вырыстайкинском колхозе имени Блюхера. Там были незаконно исключены 8 семей, 123 колхозника оштрафованы, на 20 человек материал передан в следственные органы. Исключенных восстановили, наказание штрафами отменили, следственное разбирательство прокуратуру обязали прекратить. Председателя колхоза Д. И. Афанасьева наказали в административном порядке.

В сенгилеевском колхозе «Новый путь» общее собрание исключило из колхоза сразу 5 семей. Решение этого собрания пришлось отменить. В том же хозяйстве, когда его еще возглавлял Жвалик, вольнонаемным рабочим вы-



...тили 18187 руб., а на трудодни выдали колхозникам ...лько 69468 руб. вместо 125116 руб., предусмотренных ...омфинпланом.[157]

Аналогичные нарушения были выявлены в каранинском ...лхозе «Пятилетка», в елаурском им. Крупской, в туш...ском им. III Интернационала, артюшкинском «Мировом ...тябре» и других хозяйствах. О принятых мерах доло...ли в область.

Однако и после этого в Сенгилее, как и во многих ...угих колхозах, воровство сена, фуража, пьянство бри...диров, кладовщиков, членов ревкомиссий не прекра...лось, но на это уже не обращали особого внимания, ...отрели как на неизбежное зло.

Урожай в 1938 году ожидался средний. Чтобы поощ...ть колхозников, занятых на уборке и на фермах, рай...полком принял решение о нормах авансирования на за...ботанные трудодни. Отчисления для выдачи аванса ...ли установлены для колхозов «Вперед», «Красный па...рь», «Койт», им. Кирова, «Рассвет», «Сады и горы», ...ушинского «Память Ильича» 15 процентов от фактически ...молоченного хлеба. Для всех остальных — по 10 про...нтов.

Позднее норма выдачи аванса была установлена 15 ...оцентов для всех хозяйств, но уже не намолоченного ...рна, а от сданного государству.

Правление колхоза «Новый путь» в качестве поощре...я механизаторов за стахановскую работу на уборке ...ожая установило четыре премии. Самый молодой трак...рист В. Волков по окончании уборочной страды получил ...ручные часы (в то время—редкость), Усов, Божедомов и ...тинов — по костюму.

В 1938 году колхозам района впервые было выделено ...0 тонн минеральных удобрений. На местах к разна...дке отнеслись скептически, но 38 тонн все же выкупили, ...со складов сельхозснаба вывезли только 25. Мордо...ский «Красный пахарь», елаурские им. Тельмана, им. ...митрова, алешкинский колхоз «Вперед» деньги за удо...рения под нажимом райЗО все-таки перечислили, а взять ...обрения категорически отказались.

Второе новшество некоторые хозяйства все же заинтересовало. Бригадир садово-огородной бригады колхоза «Новый путь» Василий Тимофеевич Михайлов по рекомендации райЗО побывал в Куйбышеве, окончил там месячные курсы и возглавил им же оборудованную колхозную биологическую лабораторию. То ли трихограммы помогли, то ли предвоенные годы были благоприятные для садоводства, но яблоки снимали удивительно чистые. Этот метод защиты от вредителей был внедрен в Буераках, Шиловке и других селах.

Весной 1938 года в Сенгилее начала работу инкубаторная станция. Первая закладка яиц составила 1250 штук, вторая — 2000. Цыплят продавали как колхозникам, так и населению.

Сейчас многие уже забыли, что в тридцатые годы часть людей работала по пятидневной рабочей неделе, а часть — по обычной, семидневной. Считалось, что пятидневка искореняет воскресный праздник. Зато вводились многие новые праздники. Один из них устанавливали ЦИК и считались общесоюзными. В Сенгилее они являлись выходными для всех, кроме основных цехов цементного завода. Для тех, кто работал по семидневной рабочей неделе, существовали еще дополнительные выходные дни. Устанавливал их облисполком. 22 апреля — день рождения В. И. Ленина; 1 августа — Международный антивоенный день; 18 августа — день авиации; 1 сентября — Международный юношеский день; 7 октября — день освобождения Куйбышева от чехословаков; 14 октября — день урожая и коллективизации.

Жили сенгилеевцы по-разному — одни получше, другие — похуже. С 1934 года в колхозе более-менее сносно стал оплачиваться трудодень, в основном, хлебом. Деньгами на трудодни выдавали от 25 копеек до 1 рубля [illegible] копеек. Хорошо зарабатывали цементники, водники, трактористы, комбайнеры, столяры.

Например, заработок стахановцев-бутоломов цементного завода за июль 1938 года составил у Блохина 972 рубля, Григорова В. — 763 рубля. Обжигалы получали поменьше: А. Киселев — 502 рубля, Березин — 430 рублей, комбайнер Шиловской МТС Пчеляков, убиравший сцепом двух



комбайнов «Сталинец», за сезон заработал 4094 рубля и [illegible]0 пудов хлеба. До 400 рублей зарабатывали столяры мебельной мастерской Сенгилеевского промкомбината. Предвоенные рынки были обильными. Пуд пшеничной муки стоил от 15 до 18 рублей, ведро картофеля отдавали за 2—3 рубля. За бесценок шли яблоки.

Скуднее всех оплачивался труд служащих государственных учреждений. Они получали от 120 до 220 рублей в месяц. Кое-кто покупал дорогие вещи. Большой спрос был на велосипеды, наручные и карманные часы, патефоны, металлические кровати, платья, костюмы мужские, трикотаж. Было даже пять заявок на мотоциклы. Стоили они в то время 3500 рублей. Но потребительская кооперация и магазины «Леспродтяжа», организованные при леспромхозе, хотя и продали в 1937 году товаров на 10918 тысяч рублей, а в 1938 году — на 14077 тысяч, спрос удовлетворить не могли. В Сенгилее, Елауре, Артюшкине и особенно в Шиловке нашлось немало предприимчивых людей. Они ездили по городам, скупали там пользующиеся повышенным спросом населения товары — хлопчатобумажный трикотаж, резиновую обувь, шелковые ткани и т. д. — и продавали все это в 1,5—2 раза дороже. За первое полугодие 1938 года только в Шиловке милиция арестовала 9 местных спекулянтов, в Елауре — 5, в Сенгилее — 8, в Артюшкине — троих. Все они по статье 107 УК РСФСР были осуждены кто к 5, а кто и к 7 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Появилось множество шинкарок. Вообще-то водка не являлась дефицитом. Цены на нее были приемлемые — 3 рубля 15 копеек за четвертинку, 6 рублей за пол-литра. Но магазины по ночам не работали, а выпить кое-кому хотелось. Вот и покупали у шинкарей. Судили их беспощадно, но ничего не помогало.

И все-таки как ни трудно было, а торговля постепенно налаживалась. Если в 1936 году в районе на каждого человека кондитерских товаров было продано на 7 рублей [illegible] копейки, то в 1937 году уже на 10 рублей 46 копеек. В 1938 году продажа кондитерских изделий увеличилась до

17 рублей 06 копеек. Сахара в 1936 году было реализован на 11 рублей 34 копейки. В 1938 году продажа его н каждого человека увеличилась до 24 рублей 70 копеек.

* * *

Неспокойно было на Дальнем Востоке. В 1937 началe 1938 года японские войска небольшими группами н рушали наши границы. Их быстро отгоняли. Нарко иностранных дел Литвинов заявил протест. Конфли урегулировали, а потом все повторялось снова.

В конце июля 1938 года, когда на полях района у началась жатва, радио передало ошарашивающее сооб щение: японцы крупными силами в районе озера Хас перешли нашу границу. После того, как 29 июля японск отряд был сброшен с захваченной высоты Безымянно японцы сосредоточили до одной дивизии против высо Заозерная (Чанкуфын), находящейся на советской терр тории.

«...30 июля в 3 часа японские войска под прикрыт ем артиллерии начали наступление на советскую погра заставу. Одновременно японская артиллерия начала о стрел близлежащих высот и проходящей за ними прос лочной дороги, чтобы помешать подходу советских по креплений. Японской пехоте удалось продвинуться до километров вглубь советской территории.

Через несколько часов подошедшими советскими ч стями японские войска были выбиты из пределов сове ской территории...».

Казалось бы, все обошлось, но через несколько дн радио передало сообщение Первой приморской Армии. нем говорилось, что через день после «мирного» предл жения посла Сигимицу тов. Литвинову 4 августа япо ские войска за озером Хасан открыли интенсивный ог по советской территории артиллерией всех калибров, том числе тяжелой, с территории Манчжоу-го, и сове ские войска открыли ответный огонь. После трех-четыр часовой артдуэли японская артиллерия была подавле советские войска перешли в контрнаступление и пос



упорного боя в ночь с 6 на 7 августа очистили нашу территорию от остатков японских войск.

К моменту конфликта на Хасане из пяти маршалов двое уже были расстреляны — Тухачевский и Егоров. В живых оставались трое — В. К. Блюхер, С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов.

Вскоре Блюхер был вызван в Москву. Сталин его не принял. Какое-то время он находился не у дел. 22 октября его арестовали. Допрашивали Василия Константиновича с применением специальных методов, требуя признания, что он входил в военнно-фашистский заговор. Маршал отрицал все обвинения.

Как свидетельствует Б. А. Викторов, в последний раз Блюхера видели 6 ноября 1938 года. «Лицо его было сплошным кровавым месивом, один глаз выбит».

9 ноября 1938 года самый прославленный маршал Советского Союза погиб в застенках НКВД.[161] Автору удалось установить, что в боях у озера Хасан участвовало не менее 17 красноармейцев и мл. командиров из Сенгилеевского района.

Рядовой сверхсрочной службы Леонид Иванович Афанасьев погиб во время боя за высоту Безымянную. 24-летний младший командир Константин Иванович Пушкарев из Сенгилея осенью 1938 года заканчивал последний год срочной службы. Был он механиком-водителем танка в составе 118 стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии. В связи с конфликтом в районе озера Хасан его и командира танка орденоносца Корнеева перебросили на помощь пограничникам.

Не раз боевые друзья водили свою машину по дальневосточным сопкам, нанося ощутимый урон противнику. А когда 31 июля в 2 часа 30 минут утра японцы вновь начали наступление на высоты Безымянную и Заозерную, Корнеев и Пушкарев получили приказ прорваться через созданные противником искусственные препятствия, выйти в тыл врага и уничтожить его огневые точки. В первой половине дня им удалось подавить несколько вражеских орудий и пулеметных гнезд. Но в ходе боя танк был подбит, окружен и подожжен. Пушкарев и Корнеев отстреливались до последнего патрона и сгорели в машине.[162]

25 октября 1938 года им посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Позднее в Сенгилее, недалеко от дома, где когда-то жил Константин Иванович, ему был установлен памятник.

Помощник командира взвода Анатолий Иванович Карягин из Буерак во время боев у Хасана награжден медалью «За боевые заслуги».

Феоктистов и Илларионов из Кротковского сельского Совета награждены орденами Красной звезды. Благодарностью командования армии отмечен И. В. Фролагин из Новой Слободы. Константин Иванович Зотагин из Тушны был ранен. Храбро сражались Ф. И. Конюхов и В. Я. Куруськин из Елаура, комсомолец К. П. Мельников из Бекетовки. Григорий Иванович Зудов — шофер Сенгилеевского завода облпищепрома. Маланьин и Малафеев с цементного завода. Федор Иванович Королев из Кроткова, Краснов, Рогов и другие (место рождения неизвестно).

Встречали их в Сенгилее торжественно, как героев. Военный комиссар Крупнов вручил им значки и удостоверения «Участник боев в районе озера Хасан». С ними проводились встречи в школах, детском доме, на предприятиях и в колхозах.

После событий на Хасане в Сенгилей и села района шло очень много писем. Например, Семен Михайлович Симонов писал: «Дорогие земляки сенгилеевцы! Живите спокойно, хорошо работайте. Если же враги попытаются напасть на нашу Родину, я, как и мои сослуживцы, в любой момент готов встать на защиту ее. Буду бить врага до последней капли крови, а если потребуется, отдам свою жизнь».[163]

Примерно такое же письмо, адресованное коллективу Шиловской МТС, было получено от бывшего тракториста Н. Шандо, служившего на Тихоокеанском флоте. Много таких писем получали коллективы цементного завода, свиносовхоза, судоремонтных мастерских, колхозов. Не исключено, что переписка военнослужащих организовывалась армейскими политорганами. Но даже если и так, то письма землякам на местах все равно читались с интересом и имели большое воспитательное значение для сельской молодежи, способствовали усилению оборонной работы.

Особенно оживилась она в Сенгилее и крупных селах. Так, в Затоне была открыта хата обороны. Оборонные уголки были во всех школах, цехах цементного завода, в совхозе.

Их непременными атрибутами являлись красиво написанные плакаты с цитатами из выступлений вождей. Сталинский призыв «Бить врага на его территории» имелся повсеместно. Вторая цитата, если не изменяет память, была где-то произнесена Ворошиловым: «Мы ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли ни одного вершка не отдадим никому!». Рядом обычно красовались плакаты с рисунками молодых людей на стрельбище, противогазы, портреты В. Чкалова, А. Брандинского, В. Коккинаки и других прославленных летчиков. Часто проводились стрельбы по мишеням, метание гранат. Молодежь щеголяла со значками «Ворошиловский стрелок», «Готов к санитарной обороне». Кстати, чтобы получить значок ГСО, нужно было не только знать, как оказать первую помощь, но и иметь навыки в перевязке раненых. Значок «Готов к противохимической обороне» выдавался только тем, кто был неплохо натренирован в работе с противогазом, имел хорошие теоретические и практические навыки по защите от химического оружия.

* * *

9 сентября 1938 года «Правда» опубликовала передовую статью «Глубоко изучать историю партии Ленина-Сталина». В этом же номере были напечатаны «Введение» и первая глава «Краткого курса истории Коммунистической партии». 14 сентября в парткабинет собрали весь районный актив на первое занятие. Проводил его агитпроп. Шафеев. Не утруждая себя обстоятельной подготовкой, он просто читал вслух газету, заявив при этом, что «Краткий курс» написал тов. Сталин, а лучше его не скажешь.

С тех пор один раз в месяц в любую погоду председатели колхозов, директора МТС и совхоза, парторги,

председатели Советов, директора школ бросали все дела и ехали в райком изучать «Краткий курс». Вскоре начались занятия на местах. Собирали всех членов партии два раза в месяц. Оба раза на два часа. Так же поступали и с комсомольцами. Давалась эта наука трудно. Обычно каждый год доходили до четвертой главы. Философии большинство занимающихся не понимало, и новый учебный год начинали с того же, что и предыдущий— «Как жили и боролись». Спрос за проведение занятий был строжайший.

* * *

В конце сентября Сенгилей навестил депутат Верховного Совета И. П. Кириллов. Он побывал на местных предприятиях, выступил на собрании избирателей, рассказал о том, какие вопросы решала вторая сессия Верховного Совета, проинформировал о принятых ею решениях, выслушал выступивших военкома Круппова, директора Шиловской НСШ Анохина, зам. председателя райисполкома Репина, секретаря РК ВКП(б) Губанова. В тот же день в Кремль, Сталину и Молотову, по предложению президиума собрания избирателей, была отправлена верноподданническая телеграмма. В ней сообщалось, что труженики района выполнили государственные плановые задания и сейчас завершают взмет зяби.

На самом деле дела в районе шли, мягко говоря, не так гладко, как докладывали в Кремль. К концу года выяснилось, что план обязательных поставок зерна государству выполнен на 98 процентов, натуроплаты за работу МТС — на 75 и возврата ссуд — на 86. Зяби вспахано 8100 га или 46,1 процента. Полностью на 2132 гектарах она была вспахана только в свиносовхозе. Из предприятий государственный план выполнили цементный завод, судоремонтные мастерские, плодосушильный, Сенгилеевская пристань и некоторые цеха предприятий местной промышленности. В промкомбинате успешно работал только мебельный цех, открытый в 1937 году. Он увеличил выпуск мебели с 6400 до 25200 рублей. Прилично шли дела у сетевязального цеха артели «Работница».



К сожалению, не могла похвастаться успехами артель инвалидов «Красный воин», возглавляемая Галандиным. В целом годовой план был выполнен только на 74,5 процента, в том числе по выпуску мела — на 67, лесопильный цех едва дотянул до 36 процентов. Кулеткацкий работал лучше, но план выполнил только на 90,4 процента. Увеличились затраты на производство, возросла себестоимость готовой продукции. По сравнению с 1937 годом, себестоимость тонны мела выросла на 1 руб. 14 копеек, липовой бочки — с 11 рублей 28 копеек до 12 рублей 45 копеек, одного рогожного куля — с 1 рубля 12 копеек до 1 рубля 66 копеек.

В причинах отставания разбиралась комиссия райисполкома. Она установила, что членов артели в «Красном воине» 127 человек, вольнонаемных—58, а стахановцев среди них лишь 14. Острейший недостаток транспорта во внимание принят не был.

Провалил годовой план заготовки дров и леспромхоз. На 15 октября (других данных нет) из 44 тысяч кубометров заготовлено только 19240 (43,7 процента). Чтобы хоть как-то поправить дело, вызвали из Куйбышева представителя «Леспродтяжа». С его помощью внедрили новую систему оплаты труда. Заработную плату жестко связали с выработкой. Заработок лесорубов со 150 рублей увеличился до 300. Так была налажена стахановская работа.

Поселковый Совет, в основном, занимался единоличниками, которых в Сенгилее было немало. Некоторые из них уклонялись от выполнения дорожных работ, не полностью выполняли натуральные поставки мяса, молока, яиц. Председатель Совета Уральцева, как она выражалась, положила конец этим вольностям. Более того, заставила их убирать и вывозить мусор от школ и больницы. Она с активом распространяла государственные займы, под ее контролем проходил сбор налогов. Строго следили, чтобы налог с единоличников был обязательно на 25—50 процентов выше, чем платили колхозники. После ее вмешательства в дела пожарной команды, имевшей на вооружении одну мотопомпу, Сенгилей получил пожарную автомашину.

Для больницы был приобретен рентгеновский аппарат.

Женщина она была инициативная, ей до всего было дело. Вскоре после того, как стало известно, что кумир

сенгилеевцев, почетный член исполкома районного Совета Г. Д. Гай расстрелян, в срочном порядке собрала исполком поселкового Совета, где по ее инициативе было принято решение переименовать улицу Гая в улицу Ворошилова, улицу Часовенскую переименовали в улицу Максима Горького, а Веселый Кутум получил название — улица Степана Разина.

В поселке в 1938 году имелась средняя школа, две неполных средних (одна из них на цементном заводе) и три начальных. Занимались в них 1663 человека. Кроме того, в 1935 году открылась неполная средняя школа для взрослых. Ее директор В. В. Кривич через облоно добился разрешения начинать учебу не с пятого, а с четвертого класса. Весной 1939 года из ее стен вышли первые 12 выпускников. В их числе рабочие Романов, Голов, Феоктистов, колхозник Куприянов, домохозяйки Казакова и Репина, окончившие школу на «хорошо» и «отлично».

В отличие от других районов учительский коллектив в Сенгилее был очень сильный. Достаточно назвать Наталью Гавриловну Благодарову, Зою Македоновну Гречину, Александра Николаевича Зеленикина, Петра Алексеевича Лобанова, Рону Прокофьевну Миронову, Ксению Потаповну и Василия Николаевича Сибиряковых, Александру Ивановну Чулаеву и многих других, посвятивших делу народного образования всю свою жизнь.

Кроме основного занятия — учебы — сенгилеевские школьники помогали местному колхозу «Новый путь» убирать горох, собирать колоски на пшеничных и ржаных полях. С удовольствием занимались в кружках детской технической станции. Одним из самых активных ее посетителей был ученик шестого класса Витя Григоров. Он успевал всюду: мастерил детекторные приемники, делал скрипки и модели самолетов, клеил и запускал монгольфьеры, занимался фотографией и точил шахматные фигуры. А шахматные столики у него были настоящим произведением искусства. Руководил детской технической станцией энтузиаст своего дела Захаров.

Много внимания учителя и учащиеся уделяли оборонной работе: изучали винтовку, противогаз, метали «гранаты», учились перевязывать раненых. Почти все старшеклассники сдали нормы на значки ГСО, ПВХО, Ворошиловский стрелок. И даже малышня — учащиеся 3—4 классов — ухитрялась стрелять так, чтобы стать обладателем заветного значка «Юный ворошиловский стрелок».



Учащихся старших классов через комсомольскую организацию приобщали к общественной работе. Им поручали обойти закрепленные участки, уточнить списки избирателей, рассказать биографии кандидатов, проинформировать избирателей о месте и времени предстоящего голосования. Связано это было с тем, что по трем избирательным округам кандидатами в депутаты поселкового Совета были выдвинуты: учительница начальной школы с 27-летним стажем Мария Михайловна Гладкова, учительница средней школы с 15-летним стажем Любовь Ивановна Волкова и Рона Прокофьевна Миронова. И еще по одному округу баллотировалась директор Детского дома Елизавета Максимовна Краснова. Все эти округа обслуживали школьники. Они же готовили концерт ко дню выборов в местные Советы. Школы регулярно проводили олимпиады и выставки детского творчества. Организатором их являлся учитель и известный в Сенгилее лектор Степан Михайлович Комиссаров.

Многие учащиеся лето проводили в пионерском лагере, который был построен в живописной местности неподалеку от села Смородино. Там они впервые познакомились с работой геологов, проводивших изыскательские работы по разведке меторождений песчаника, крайне необходимого для сооружения Куйбышевского гидроузла.

* * *

Постановлением Куйбышевского облисполкома с 1 сентября 1938 года Елаурская неполная средняя школа была преобразована в среднюю.

Из других учебных заведений в 1937 году по решению облисполкома при Сенгилеевской больнице была открыта школа медицинских сестер. Занимались в ней на каждом курсе по 25 человек. На медсестер учились не только девушки, но и парни. Правда, их обещали аттестовать фельдшерами.

В мае 1939 года второкурсники сдавали государственные экзамены по истории народов СССР (принимала З. М. Гречина). Второй — по терапии — принимала Е. Н. Пыркова. На экзаменах присутствовал кто-то из куйбышевских вра-

чей. На «отлично» выдержали экзамен 14 человек, на «хорошо» — 7. Выпускникам предоставили 5 мест на Дальнем Востоке. Изъявили желание поехать 15. Первые выпускники — Хоханов, Жегалин, Силантьев, Ильдейкина и Комиссарова выехали на работу в Приморский край.

В январе 1939 года общественность Сенгилея торжественно отметила пятилетие районной колхозной школы. За это время школа выпустила 20 агротехников, 91 бригадира полеводческой бригады, 75 бригадиров животноводческих ферм, 62 бригадира садово-огородных бригад, 115 пчеловодов, 83 ветеринарных фельдшера и 114 колхозных счетоводов.

Районная колхозная школа в какой-то степени удовлетворяла потребность в кадрах среднего звена не только нашего, но и соседних районов. Заведовал РКШ Тарасов. Он многое сделал для укомплектования школы квалифицированными преподавателями и учебными пособиями.

В связи с коллективизацией сельского хозяйства и индустриализацией страны обострились кадровые вопросы. Квалифицированных кадров среднего звена требовалось очень много. Если в сельском хозяйстве этот вопрос помогали решать районные колхозные школы, то в промышленности дело обстояло значительно сложнее. Били тревогу директора заводов, искали выход из положения наркоматы. В конце 1938 года на цементный завод пришла разнарядка: направить в Московскую промышленную академию им. Кагановича восемь передовых рабочих. Для предварительной их подготовки на местах организовали курсы. В число курсантов были зачислены мастера-практики Сухов, Губин, Антипин, бутолом Володин и другие. Занимались с ними учителя местной НСШ по арифметике и русскому языку, а главный инженер завода Красовский — по технологии цементного производства и учету. На курсах они получали знания в объеме 4-х классов начальной школы. Был ли кто из них зачислен в промакадемию, — автору не известно. Не исключено, что кто-то и попал, ведь сам Лазарь Моисеевич Каганович, имя которого носила академия, тоже имел начальное образование, по специальности был сапожником, а возглавлял наркомат путей сообщения. Выпускником промакадемии был и Никита Сергеевич Хрущев.



* * *

Из культурно-просветительных учреждений в нашем районе был один Дом соцкультуры (в Сенгилее), три клуба, 17 изб-читален, кинотеатр, две передвижных звуковых киноустановки, в 1938 году получили третью. Имелись три библиотеки с общим количеством 13000 томов, в том числе районная библиотека насчитывала 9503 книги. В начале 1939 года количество книг в ней увеличилоось до 12542.

Были в районе два хороших духовых оркестра — на цементном заводе и в детском доме. Последний на районной олимпиаде в марте 1938 года занял первое место, получил 1000 рублей и новый комплект духовых инструментов. Руководил оркестром профессиональный капельмейстер Войтенко, зачисленный в штат детского дома воспитателем.

К началу 1939 года в детдоме жили и воспитывались 219 детей. Здесь они не только росли и учились, но при активной помощи взрослых вели большое подсобное хозяйство, постигали азы эстетического воспитания.

В конце тридцатых годов первенство в районе занимали клубы цементного завода и свиносовхоза. Их драматические коллективы ставили по 6—7 спектаклей в год, готовили до десятка концертных программ и показывали их не только у себя, но и в Сенгилее, Криушах, а также других населенных пунктах района.

В репертуаре самодеятельных коллективов шли: «Чужой ребенок» Шкваркина, «Свои люди — сочтемся» Островского, «Луна слева» Б. Белоцерковского, а также «Любовь Яровая», «Мелочи», «Шестеро любимых», «Звери» и другие.

Сенгилеевский дом соцкультуры в этом отношении резко отставал. Ничего подобного в тридцатые годы здесь не было. Правда, в августе 1938 года художественному руководителю Явленкову удалось сколотить небольшой хоровой коллектив. Основу его составляли сестры Винокуровы, Кондратьева, Зинягина, Уварова и Сенчурова. В их программе была любимая песня Сталина «Сулико», русские народные «Золотые вы песочки», «Летят утки» и другие.

И очень коротко о спорте. Футболом в Сенгилее начали увлекаться с начала тридцатых годов. Но постоянная игровая команда сложилась только в 1936. Лучшими иг-

роками считались И. Н. Дымнов, И. Д. Сутырин, С. П. Милевский. Вокруг них гуртовались и другие любители этой игры. В 1938 году впервые сыграли с футболистами города Ставрополя. Участвовали в борьбе на первенство области. В нем принимали участие 23 команды. Игры проходили с 4 сентября по 24 октября 1938 года. Судейская коллегия областного комитета по физкультуре и спорту сенгилеевской команде присудила третье место. Первое место заняла команда Тимашевского сахарного завода, второе— станция Инза.

Часто проводились шахматные турниры. Так, в мае 1938 года первенство оспаривали 24 игрока. Рабочий завода «Росплодоовощ» Кулькин по итогам турнира получил третью всесоюзную шахматную категорию, первое и второе места разделили Дымнов и Лебедев, третье занял Косоуров.

## ГОД 1939

Год 1939 начался с завинчивания гаек. С первого января вошло в силу постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины». Тогда многие еще вели себя вольно, особенно недавно пришедшие на производство и в различные конторы. Не был исключением и Сенгилей. Проверка, проведенная в IV квартале 1938 года районным прокурором Хомецом, показала, что в артели инвалидов «Красный воин», в конторе и некоторых вспомогательных цехах цементного завода, в райпотребсоюзе, райфо, промкомбинате, леспромхозе, артели «Сапожник» и некоторых других с опозданием на работу являлся каждый четвертый.[166]

Согласно новому постановлению все, кто опоздал на 20 и более минут, до работы не допускались и подлежали немедленному увольнению. Те, что опаздывали на 5—15 минут, строго предупреждались,а при повторном опоздании их тоже увольняли как систематических прогульщиков.

Во всех предприятиях и учреждениях заполняли трудовые книжки единого общесоюзного образца. Вводились они впервые. Контроль за внесением в них записей был очень жестким.

На ряде предприятий прогульщиков было уволено так много, что из-за отсутствия специалистов стали наблюдаться простои оборудования. Вскоре из Москвы пришло разъяснение: уволенных за прогул или за неоднократные опоздания можно принимать на те же предприятия с соответствующей записью в трудовой книжке, что означало потерю непрерывного трудового стажа.

Несколько позднее взялись за колхозников. Некоторые жители сел, несмотря на упрочение коллективных хозяйств, все-таки больше надеялись на доходы с приусадебных участков, чем на заработки в колхозе. Пытались их расширить. Поэтому в полях и на фермах им работать было просто некогда, а общественный урожай из-за недостатка рабочих рук погибал.

На 1-е января 1939 года в Сенгилеевском районе было 8846 трудоспособных колхозников. Из них в 1938 году не заработали ни одного трудодня 1523 человека. 847 заработали более чем по 400 трудодней, в том числе 99 женщин.[165] Аналогичное положение складывалось повсеместно. Поэтому Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Оно запрещало увеличение приусадебных участков и устанавливало обязательный минимум выработки трудодней для всех трудоспособных колхозников — не менее 80 в год. Местные власти в каждом селе создавали комиссии так называемых мерщиков. В наиболее отбойные населенные пункты райЗО откомандировывал землемера. Особенно много нарушений было выявлено в Русской Бектяшке, Шиловке, Тушне и Кроткове.

В Бектяшке тогда имелось 566 трудоспособных колхозников. Из них 95 за последние годы ни разу не выходили на работу в колхозное поле. 242 человека за 1938 год заработали менее чем по 50 трудодней.[166] Приусадебные же участки многие имели больше нормы. Комиссия установила, что Я. Г. Корчашкин пользовался тремя приусадебными участками общей площадью 0,64 га, а В. Л. Гуреев захватил аж пять. Из них на двух вырастил сады по 25 яблонь в каждом.[167]

В Сенгилее некоторые самовольно увеличивали свои приусадебные участки на 3—5 соток. Излишняя площадь занималась и зарастала бурьяном. Не обошлось и без явных перегибов. В некоторых колхозах не выработавшим мини-

мума трудодней и даже учителям местных школ запреща ли выгонять коров в стадо, мотивируя это тем, что пасет ся оно на колхозной земле.

* * *

10 марта в Москве открылся XVIII съезд ВКП(б). Н нем обсуждались вопросы развития страны в третьей п тилетке, задачи по укреплению обороны и внешнеполити ческие проблемы. Обстановка была сложная. Япония про должала провокационные действия в Китае и Монголи Итальянские фашисты продолжали военные действия Эфиопии и Албании. Германия с Италией осуществили ин тервенцию против республиканской Испании. Германия осуществив аншлюс Австрии, на мюнхенской встрече по лучила от Англии и Франции согласие на присоединени Чехии, а стало быть и Словакии, захватила Клайпед скую область Литвы и требовала себе польский Данци Мир оказался подожженным со многих сторон. В связи такой обстановкой съезд поставил две первоочередные зад чи: наращивать технико-экономическую мощь Советско Союза и продолжать поиск мирных средств предотвращени войны или хотя бы отдаления сроков ее начала; ускори подготовку страны к обороне, неустанно укреплять боев мощь Красной Армии.

Выступал на съезде и В. М. Молотов. По его доклад было принято постановление о развитии народного хозя ства страны в третьей пятилетке. Для нас в его высту лении особо интересен тот раздел, где речь шла о стро тельстве «величайшего в мире сооружения двух Куйбыше ских гидростанций общей мощностью в 3,4 миллиона к ловатт».

Жители района по статьям в областной газете «Вол ская коммуна» уже знали, что подготовка к осуществл нию этой стройки началась еще в августе 1937 года. П всей Средней Волге уже работали инженерно-геологически группы. С берегов, плотов и ледяных полей они проника в недра волжского дна, исследуя его геологическое стр ние. Около селения Красная Глинка ими была обнару на скальная площадка на дне великой русской реки. Зде и решено было строить гигантскую плотину. Выбрано б ло место строительства и Переволокской гидроэлектрост



ции. Знали и то, что гигантская плотина длиною около четырех километров поднимет воду в Волге на 32 метра. Шли споры взрывать ли Царев Курган, поскольку 11-я геологоразведочная партия около села Смородино Сенгилеевского района тоже обнаружила огромные запасы строительного камня.[168]

Весной 1939 года в русско-бектяшкинский колхоз «Луч социализма» прибыла почвенно-эрозионная экспедиция. В нее были включены научные работники Почвенного института Академии наук и Всесоюзного научно-исследовательского института Агролесомелиорации. По словам старшего научного сотрудника Н. В. Цирлинга, исследования в районе Р. Бектяшки экспедиция будет дополнять рекогносцировками в сенгилеевский колхоз «Новый путь». После изучения всех факторов, причин и условий развития процессов эрозии перед экспедицией поставлена задача разработать эффективные приемы борьбы с эрозией, которая, кроме вреда сельскому хозяйству, будет наносить вред и КГУ. Перед экспедицией поставлена еще одна задача — так организовать территорию колхоза «Луч социализма», чтобы она являлась показательной для всего правобережья Средней Волги.

В ту же весну в Сенгилей прибыла инженерно-геологическая партия КГУ П. П. Спирина. Появилась она в связи с тем, что здесь предполагалось построить крупный цементный завод, а для этого нужно было определить запасы сырья и их качество, требовалось подобрать и хорошую промплощадку. Геологические исследования велись от старого цементного завода до Бутырской горы,[170] примыкающей к Сенгилею с юга, на площади около 120 квадратных километров. К югу от Сенгилея была подобрана площадка для строительства завода мощностью 600 тысяч тонн цемента в год. В то время это считалось очень крупным предприятием, способным выпускать в 1,5 раза больше цемента, чем вся вольская группа заводов. В ходе геологоразведочных работ в Сенгилее были обнаружены выходы горючих сланцев.

Для форсирования работ в Сенгилее начальник Ульяновского геодезического отделения Миронов направил сюда инженеров-геодезистов А. А. Турутина, А. И. Красикова, техников-геодезистов В. С. Рябова, Б. П. Сырейщикова,

С.Я Тимонина и специалистов по прокладке железнодорожных путей. Они занялись трассировкой железной дороги Ташла—Сенгилей. Протрассировали железнодорожную ветку Елхи—Сызрань.[171]

Так, за короткий срок на чертежах изменялся облик будущего Сенгилея и даже его географическое положение. Из зоны затопления его предполагалось перенести на 2—3 километра в сторону Каранина. Кроме цементного здесь предусматривалось построить механический завод, более современный плодово-ягодный комбинат, теплоэлектроцентраль. Численность населения в городе предполагалось довести до сорока тысяч. Под это количество планировали построить жилье и социально-культурные объекты.

Но пока все это планировалось, произошли серьезные события на востоке страны. В мае 1939 года японские милитаристы вторглись в восточную часть Монгольской народной республики, с которой еще 12 марта 1936 года СССР заключил договор о взаимной помощи.

В силу этих договорных обязательств Советский Союз обязан был выступить на защиту монгольских границ. Сражения развернулись на территории, прилегающей к реке Халхин-Гол и озеру Буир-Нур. О масштабах их можно судить по тому, что в воздушном бою 26 июня с каждой из сторон участвовало до 50 самолетов. К 6 июля японцы в районе Номон Кан Бурд Обо и к востоку от реки Халхин-Гол сосредоточили седьмую, двадцать третью и первую мотомеханизированные дивизии, до сотни танков с мотострелковым полком, первый отдельный полк полевой тяжелой артиллерии и до 6—7 маньчжурских кавалерийских полков. Все это было объединено в шестую японскую армию. Позиционные бои шли с переменными успехами. С 26 июля по 5 августа советские войска и монгольские цирики, находясь в боевом соприкосновении с японо-маньчжурскими войсками, прочно удерживали местность к востоку от Халхин-Гола.

Коренной перелом наступил с прибытием мало кому тогда известного комкора Г. К. Жукова. 17—19 августа монголо-советские войска отбили все атаки японо-маньчжурских войск и отбросили их на исходные позиции, вынудив перейти к обороне. 21—28 августа, как сообщалось в сводке ТАСС, японо-маньчжурские войска были окружены и в значительной части уничтожены. В ночь на 29 августа остатки японо-маньчжурских войск были окончательно разгромлены, и монгольские цирики при содействии советских войск прочно закрепились на рубеже вдоль государственной границы МНР. Правительство Японии запросило мира.



30 августа Президиум Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий присвоил звания Героев Советского Союза 31 командиру Красной Армии. Седьмым в этом Указе был назван Георгий Константинович Жуков. И долго еще «Красная звезда» печатала многотысячные списки награжденных орденами и медалями бойцов и командиров за эту операцию.

С честью выполняли в далекой Монголии свой воинский долг и жители Сенгилеевского района. До последнего патрона бился танкист Василий Дмитриевич Верягин из Тушны. О подвиге экипажа танка БТ-7, в составе которого воевал Верягин, в тридцать девятом писали центральные газеты и журналы. Погиб за свободу и независимость монгольского народа С. И. Солунин, тоже из Тушны. Достойно проявили себя на поле брани тушнинцы В. И. Бутров, Н. В. Смирнов, В. В. Обыденнов, Г. П. Якунин, бывший председатель колхоза им. Кирова Н. Тихонов, Н. П. Бухалов, Ф. М. Кудряшов, В. А. Труханов, Б. Х. Валиуллов и другие сенгилеевцы. К сожалению, развернувшиеся вскоре более жестокие бои в Финляндии, а затем в Великой Отечественной войне как-то затмили их ратные подвиги, и теперь уже непросто восстановить имена всех участников боев в районе Халхин-Гола.

Пока гремели пушки на Дальнем Востоке, Сталин и Молотов выбирали тот единственный вариант, который бы позволил преодолеть тупиковую ситуацию в сложившихся внешнеполитических вопросах. Мирный договор с Польшей оказался ненадежным средством. Ее правительство боялось контактов с СССР. Опасаясь германской агрессии, ее руководство не соглашалось предоставить возможность советским войскам пройти территорию государства, чтобы защитить от нападения его западные границы. Отношения между Германией и Польшей оставались напряженными и даже взрывоопасными. Германские политики были не прочь установить деловые контакты с Советским Союзом, но нарком иностранных дел М. М. Литвинов не ве-

рил Гитлеру, был категорически против такого союзника, настаивал на создании антигитлеровской коалиции совместно с Англией и Францией. Но ни у Англии, ни у Франции не было желания идти на сближение с СССР. Переговоры с ними никаких конкретных результатов не приносили, а сами они заигрывали с Гитлером, всячески поощряя его экспансию на восток.

И тогда Сталин освободил от работы Литвинова, около которого уже давно увивался нарком внутренних дел Берия, контролируя каждый его шаг. Молотова Сталин переместил на пост наркома иностранных дел, а должность председателя Совнаркома возложил на свои плечи. Это вызвало в Германии позитивную реакцию.

Берлин через посла Шуленбурга дал понять Москве, что между СССР и Германией не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к взаимной выгоде обеих стран. Затем посыпались просьбы принять И. фон Риббентропа. Поступило письмо от Гитлера. Далее события развивались стремительно.

В среду, 23 августа, министр иностранных дел Германии Риббентроп прилетел в Москву. В тот же день Пакт о ненападении между СССР и Германией сроком на 10 лет был подписан. Германская сторона настаивала на 25-летнем сроке. Сталин это отверг. Но подписал ряд дополнительных соглашений, более известных как «Секретные протоколы». О дополнительных соглашениях в прессе никакой информации не было и о существовании их мы узнали только в 1987 году.

## ИЗ СООБЩЕНИЙ ТАСС

1 сентября. Рано утром германские войска в ряде мест перешли польскую границу. Бомбардировке подверглись Катовице, Краков, Гдыня, Варшава.

«Ассошиэйтед пресс» сообщает, что польская армия в один миллион человек реорганизуется на новой линии обороны на Висле и готовится к обороне позиций на реке Буг.

9 сентября члены польского правительства оставили Люблин, выехав в направлении Львова... Началось бегство гражданского населения.

16 сентября. В центре Польши германские войска продол-



жают наступление в люблинском направлении. На востоке — овладели крепостью Брест-Литовск. Варшава полностью окружена.

17 сентября, на второй день после подписания договора СССР с Японией, по советскому радио выступил В. М. Молотов. Он говорил о том, что в течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные и культурные центры. Варшава, как столица Польши, уже не существует. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР.

Советское правительство не может безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошены на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки Севетское правительство отдало распоряжение главному командованию Красной Армии дать приказ перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Белоруссии и Западной Украины.

...18—19 сентября советские войска, продолжая отбрасывать части польской армии, в Западной Украине заняли железнодорожный узел Сарны, города Луцк, Станиславов, Галич.

...20 сентября в Западной Белоруссии наши войска заняли город Гродно, В Западной Украине — Ковель и Львов. Захвачено в плен более 60 тысяч польских солдат и офицеров.

...25 сентября части Красной Армии продолжали движение к демаркационной линии, установленной правительствами СССР и Германии.

* * *

А в Сенгилее в летнем садике в эти дни проходили митинги. «Одобряем справедливую акцию партии и правительства!», «Свободу братьям из Западной Украины и Белоруссии!» — выкрикивали молодые участники и организаторы митинга, — «Да здравствует вождь всех народов товарищ Сталин!». Одобряли акцию на цементном заводе и

в свиносовхозе, в колхозах «Вперед» и им. Ленина, «Мировой Октябрь», и «Пятилетка», в Русской Бектяшке и Шиловке. Молодежь ликовала, а пожилые ближе к ночи шли в магазины занимать очередь за солью. Через пару дней магазинные запасы ее кончились.

Соль в Сенгилее, конечно, была: 150 тонн ее имелось на складе райпотребсоюза, более 200 тонн лежало на берегу Волги. Но руководство сельпо и райпотребсоюза не могло завезти ее в магазины: весь транспорт был занят на уборке урожая.

А вообще-то, исключая эту неувязку с транспортом, Сенгилей жил своей обычной жизнью. При РК ВКП(б) в июле был создан военный отдел. Возглавлял его Ф. А. Шмаранов. IV Внеочередная сессия Верховного Совета СССР 1 сентября приняла Закон о всеобщей воинской обязанности. Поэтому призыв в армию был очень большой. Брали молодежь 1920 года рождения, подбирали тех, кто родился в 1919 и даже 1918 году. В военные училища направляли выпускников средних школ. Из Сенгилея получили направление в бронетанковые училища Березин, Страхов, Хорошенков, Ямотин, Куренев, Моисеев. В Ленинградское артиллерийское училище уезжал Николай Михайлов. В военно-морское Краснознаменное училище им. Фрунзе отправился Александр Липатов и его одноклассник Рудавин. Оба они окончили не только 10 классов, но и месячные курсы водолазов при Сенгилеевском ОСВОДе. Бывший инспектор нархозучета Николай Куренев уже давно мечтал стать командиром Красной Армии, но не получалось: у парня за плечами была только семилетка. Затем он окончил два курса Ульяновского рабфака и о своей заветной мечте написал К. Е. Ворошилову. В письме, которое он получил от маршала, говорилось, что он зачислен в Ульяновское бронетанковое училище. Александр Канацкий перед призывом написал военкому Козину письмо-клятву, в которой сообщал, что имеет три оборонных значка и «будет честно и преданно служить трудовому народу и зорко охранять наши священные рубежи». Многие упрашивали работников военкомата отправить их в армию досрочно.

В газетах печатали хвастливые боевые эпизоды из Польского похода. Военнослужащие писали, как тяжело



жилось западным украинцам и белоруссам под панским игом, а когда в ноябре 1939 года Верховный Совет решил удовлетворить просьбу наших единокровных братьев с включением территорий, на которых они живут, в состав Украинской и Белорусской ССР, устных и письменных одобрений такого решения было море.

На предприятиях, в колхозах и школах проводились встречи с участниками боев в районе Халхин-Гола.

Председатель райсовета Осовиахима Кузарев в сенгилеевском колхозе «Новый путь» оборудовал Дом обороны, и молодежь валом валила туда, чтобы сдать нормы на тот или иной оборонный значок.

* * *

Большим событием в культурной жизни Сенгилея явилась выставка работ художников-самоучек. В. И. Надеждин представил на нее портреты Сталина и Ворошилова, заведующий клубом цементного завода Плеханов — портреты вождей и картину «Пограничник на заставе». Горячее участие в подготовке выставки принял Василий Николаевич Сибиряков. Из своих работ он предложил несколько этюдов, портреты Сталина и Калинина. Его жена, Ксения Поповна, также представила волжские этюды. Счетовод конторы «Заготскот» Андреев представил бюст А. С. Пушкина и композицию «Старуха и девушка», выполненные им из глины. Работник завода «Росплодовощ» Паршин предложил свою резьбу по дереву — бюсты Сталина и Ленина, а также композицию «Мальчик с фруктами». Всего в первой сенгилеевской художественной выставке приняли участие 17 авторов. Открылась она 26 августа 1939 года.

За три недели выставку посетили около двух тысяч любителей прекрасного. Первую премию — 100 рублей — жюри присудило учителю Василию Николаевичу Сибирякову за акварельные рисунки Волги и Кавказа, вторую — за резьбу по дереву—Паршину и третью — за волжские этюды — Екатерине Николаевне Аппаровой. Домохозяйки Гуреева и Волкова, а также Петров и Андреев награждены похвальными грамотами. Жюри также отметило способности и хорошее выполнение работ, представленных В. И. Надеждиным, Р. В. Стоцким и Плехановым.[1/3]

Кстати, только на этой выставке сенгилеевцы и узнали,

что В. Н. Сибиряков является одним из авторов памятника «Героям революции», сооруженном в Новосибирске. Упоминать об этом в наше время считается неприличным, но что было, то было. Умалчивать об этом тоже считаю неприличным.

Что еще можно сказать о Сенгилее 1939 года? Были здесь две футбольные команды и третья на цементном заводе. С начала сезона матчи они проводили почти каждый выходной. Проигрышей у них почти не было, а включение в основную команду Котенкова, Мурзина, Романова и Исакова придало ей больше напористости в нападении и цепкости в защите. Вот итоги некоторых игр. На встрече с футболистами Н-ской школы Приволжского военного округа сенгилеевцы выиграли со счетом 2:1, в матче с командой цементников победили со счетом 6:2, Ульяновского «Металлиста» обыграли 5:2, Ульяновскую команду связистов победили с сухим счетом 3:0. Игроки немногих команд области могли похвастать такими неотразимыми ударами по воротам, как это получалось у И. Н. Дымнова, а полузащитники Милевский и Сутырин могли бы играть в командах и более высокого ранга.

Строили в Сенгилее и районе еще мало. Так, в 1939 году сельхозбанк на 32 колхоза отпустил 167 тысяч долгосрочного кредита на строительство ферм и покупку племенного скота. Еще шла реконструкция радиоузла. Его с 400 точек расширяли до 3000.

Пополнилась кадрами больница. Врач Л. А. Быстрицкий, хотя и считался специалистом по борьбе с трахомой, но первую операцию по удалению аппендикса здесь сделал именно он. Николай Александрович Семенов был вообще любимец всех больных. Его выдвинули кандидатом в депутаты Сенгилеевского поселкового Совета. Все сенгилеевские женщины восхищались мастерством и обходительностью акушера-гинеколога Людмилы Гавриловны Воскресенской и негодовали по поводу плохого руководства главного врача Сидельникова, в бытность которого территория больницы стала приходить в запустение. Мужчины же были очень довольны, что удалось из Тушны перетащить на работу в Сенгилей хорошего специалиста Ивана Андреевича Спорова.



В летнее время из Куйбышева часто приезжал Коробко. Его лекции о международном положении пользовались неизменным успехом.

Было в то время в Сенгилее 1981 домохозяйство. Газет и журналов выписывали 2342 экземпляра.[17] В местном кинотеатре с огромным успехом шел кинофильм «Трактористы». Промартель «Кирпичник» осенью открыла художественную фотографию. Размещалась она по улице Ворошилова в доме № 35. Работал там фотохудожник М. И. Бабошин.

* * *

Последние четыре месяца 1939 года Сталин и Молотов, обосновывая свои действия резолюцией XVIII съезда ВКП(б), в которой говорилось, что Центральному Комитету съезд дает полномочия «во всякий момент разорвать любые союзы и мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну», развернули бурную внешнеполитическую деятельность, не останавливаясь перед откровенным нажимом на соседние страны.

Еще не успели советские войска закрепиться на демаркационной линии между Германией и СССР, как 27 сентября был заключен Пакт о взаимопомощи с Эстонской республикой, по которому Эстония обеспечивала за СССР право иметь на островах Саарема, Даго и в городе Палдиски базы ВМФ и несколько аэродромов по сходной цене на правах аренды. А в целях охраны морских баз и аэродромов СССР предоставлялось право иметь в Эстонии ограниченное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил.

После коротких трехдневных переговоров 5 октября был подписан точно такой же Пакт с Латвийской республикой и с той только разницей, что в целях охраны Ирбенского пролива СССР было предоставлено право дополнительно соорудить базу береговой артиллерии на побережье между Вентспилсом и Питраго.

Через 5 дней, 10 октября, подписан договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой. Стороны договорились совместно осуществлять защиту государственных границ Литвы, для чего Советскому Союзу предоставлялось

право за свой счет содержать там некоторое количество наземных и воздушных вооруженных сил. Теперь, когда в Прибалтийских государствах находилось какое-то количество наших войск, Сталин стал проявлять беспокойство по поводу близости советско-финской границы к Ленинграду и тяготению Финляндии к Германии. Начались длительные и бесплодные переговоры с целью вынудить финскую сторону, как и Литву, за территориальную компенсацию отодвинуть границу от Ленинграда. Начались взаимные обвинения в неспровоцированных обстрелах пограничников.

Финскому посланнику Ирне Коскинену Молотов вручил ноту-ультиматум «незамедлительно отвести на 30 километров войска от границы на Карельском перешейке». Финское правительство ответило, что оно готово начать переговоры, но об обоюдном отводе войск на указанное расстояние. В Финляндии была объявлена мобилизация. В Москве же посчитали, что если на такую небольшую страну с шестисоттысячной армией двинуть войска только Ленинградского военного округа, она через неделю-другую капитулирует.

Военные действия начались 30 ноября. Одновременно в Москве было образовано «правительство» Финляндской Демократической Республики во главе с О. В. Куусиненом, а 2 декабря с ним подписан договор о взаимопомощи и дружбе. Это был опрометчивый шаг: революции в Финляндии не произошло, а следствием его стало исключение СССР из Лиги наций.

На границе с Финляндией было сосредоточено две армии, командующим фронтом назначен С. К. Тимошенко. Основные финские силы находились на приличном расстоянии от границы за полосой обеспечения у главной линии обороны. Эта полоса имела в глубину от 40 до 60 километров, была насыщена минными полями и заграждениями. В ее пределах очень активно действовали снайперы, которых тогда называли «кукушками», саперы и легкие подвижные отряды. Эту полосу Красная Армия преодолевала 25 дней, неся большие потери.

Моральное состояние наших войск было подавленное. Они не могли вовремя доставить боеприпасы, топливо,



продовольствие, эвакуировать в тыл раненых и обмороженных. Маневр советских бойцов был ограничен: каждый шаг в сторону от дороги мог стать последним. Тылы отстали и постоянно находились под угрозой финских снайперов и налетов легких подвижных отрядов, отлично знавших местность и секретные проходы в минных полях. А впереди советские войска еще ожидала «Линия Маннергейма».

После месячной подготовки к ее прорыву, 11 февраля начались активные действия советских частей. Ценой больших потерь это «неодолимое» препятствие, как писали иностранные газеты, было наконец прорвано. С 7 по 12 марта шли переговоры, закончившиеся подписанием мирного договора и протокола к нему. Договор подписали: В. М. Молотов, А. А. Жданов, комбриг А. М. Василевский, президент финской республики Рюти Ристо, министр Паасикиви Юхо Куски, профессор Вайонмаа Вяйне и генерал Вальден Карл Рудольф.

## ИЗ ОПЕРСВОДКИ ШТАБА ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА:

«...к 7 часам утра 13 марта наши войска после двухчасового штурма заняли город Выборг. На остальных участках фронта до 12 часов ничего существенного не произошло. В 12.00 по ленинградскому времени боевые действия на всех участках фронта в соответствии с мирным договором прекращены».

На следующий день по всей стране проходили митинги, посвященные победе советских войск над Финляндией. В Сенгилее такой митинг состоялся 15 марта.

В феврале—мае Верховный Совет СССР за доблесть и мужество, проявленные в боях, 372 бойцам и командирам присвоил звания Героев Советского Союза и 45433 человека наградил орденами и медалями. За точность этих данных не ручаюсь, т. к. подшивка «Красной звезды», которой я пользовался, и где эти списки печатались — неполная. Многие экземпляры утрачены.

Из наших земляков достойно себя проявили во время этой зимней войны Милевский, Яблонский, Алмазов, Мар-

кин, Яшин, Доронин. Об остальных автору ничего не изв
стно.

* * *

1939 год промышленные предприятия района, в основно
закончили удовлетворительно. Коллектив цементников г
сударственный план выполнил на 102,1 процента, но и.
директора завода Вязову было поставлено в вину то, ч
себестоимость каждой тонны цемента оказалась на 20 пр
центов выше, чем предусматривалось планом. Устойчи
работал коллектив судоремонтных мастерских. К нача
навигации, как и положено, подготовил 64 судна, за ч
был награжден премией и переходящим Красным Знамен
Баскомфлота, а директор Соколов еще и почетным зн
ком Наркомречфлота. Хорошо потрудился коллектив ст
лярного цеха промкомбината, выпустив первую парт
плетеной мебели. К сожалению, остальные цеха, в том чи
ле и меловые заводы, программу производства не выполн
ли. Как обычно устойчиво работал завод «Росплодово
(директор Гуреев), выпустивший 1773 тонны продукции. В
полнил план заготовки древесины леспромхоз, но с выво
кой леса к пристаням не получилось: своего транспорта
было, а из 31 колхоза В. Н. Сергунину удалось заключи
договоры — только с 13, да и те свои обязательства в
полнили лишь наполовину. Артель инвалидов «Красный в
ин» 1939 год начала хорошо, затем у нее отобрали шве
ный, токарный, кулеткацкий и гончарный цеха, и на их б
зе местные власти возродили артель им. П. Осипенко. О
предприятия местной промышленности год закончили п
хо. Прилично работала артель «Сапожник». Мелкие пре
приятия — «Кирпичник» и другие — едва сводили концы
концами.

Год 1939 в сельском хозяйстве считался удачным. Сре
ний урожай в колхозах составил 12,3 центнера с гектар
что позволило полностью выполнить план хлебопостав
Правда, сдача хлеба в счет выполнения натуроплаты
работу МТС составила только 70 процентов. Прилично
тем временам был оплачен труд колхозников. Например,
сенгилеевском колхозе «Новый путь» на каждый трудод
было выдано по 2,5 кг зерна и по 1 руб. 50 коп. деньгам
Значительно хуже обстояло дело в животноводстве. У
тановленный обкомом и облисполкомом план увеличен



поголовья скота был провален. Приплода свиней получено и сохранено только 39,8 процента от установленного плана, овец — 59,7 процента, конского поголовья — 87, крупного рогатого скота — 95.

Неважно выполнен и районный бюджет 1939 года. Утвержден он был по доходам и расходам в сумме 3974100 рублей. Из-за слабой работы местной промышленности доходная часть его составила только 3,5 миллиона рублей. Полмиллиона не смогли вложить в благоустройство Сенгилея. Он так и остался со шлепающими по земле досками полусгнивших тротуаров и без общественной бани, под которую планировали приспособить помещение бывшей электростанции.[172]

В конце декабря 1939 и в марте 1940 года в Сенгилее практически сменилось все районное руководство. Василий Яковлевич Шафеев, почти весь год числившийся исполняющим обязанности, стал законно избранным председателем райисполкома. Иван Анисимович Митин — заместителем и одновременно заведующим райфо. А. Ф. Колчин возглавил земельный отдел, П. Т. Петров — отдел народного образования, А. Е. Суслин — социального обеспечения. В. С. Савельева утверждена заведующей отделом здравоохранения. Через три месяца обязанности заведующего райздравом были возложены на нового главного врача больницы Е. С. Стожарова. Н. В. Милашин утвержден заведующим торговым отделом райисполкома. А. И. Тюганов стал возглавлять общий отдел, Чашников — коммунальный, Ф. П. Лихов — дорожный. Остались на своих местах секретарь райисполкома Г. А. Кудряшов и заведующий плановым отделом И. П. Дымнов.

8 марта 1940 года открылась не раз переносившаяся в связи с финской войной IX районная партийная конференция. Делегаты заслушали отчет райкома с мая 1938 по февраль 1940 года. Ничего особо интересного в докладе Н. А. Губанова не было. Приведу лишь некоторые факты, характеризующие стиль работы райкома того времени.

Как большое достижение в докладе было подано то, что за два неполных года районная организация ВКП(б) с 357 чел. выросла до 690. Все коммунисты прилично работали, некоторые были даже стахановцами, все изучали «Краткий курс истории ВКП(б)». Правда, большинство — вто-

рую и третью главы. Политическая линия райкома, конечно же, была признана правильной, а практическая работа — удовлетворительной, главным образом потому, что урожай в 1939 году был получен все-таки выше, чем в 1938. Семена засыпаны полностью, но еще не все отсортированы. Ремонт тракторов и сельхозинвентаря к началу марта 1940 года выполнен на 65,2 процента.

Серьезной критике подверглась первичная парторганизация колхоза им. Крупской, недостаточно осуществлявшая контроль за выполнением плана хлебопоставок. Хозяйство по графику, утвержденному райкомом и райисполкомом, к 20 октября 1939 года должно было сдать государству 1094,5 центнера зерна, а сдало только 360. Это насторожило районного уполномоченного наркомата заготовок Усачева. Он проинформировал об этом областной наркомзаг. Оттуда сигнал о саботаже в Елауре пошел в обком, из обкома — областному прокурору. Последний возбудил уголовное дело, а народный суд 1-го участка Сенгилеевского района постановил: обязать колхоз незамедлительно вывезти на ссыпные пункты недосданные 734,5 центнера зерна и кроме того наложил на хозяйство штраф в размере стоимости недосданного хлеба по государственным закупочным ценам на общую сумму 7733 рубля 76 копеек. Так в сводке о хлебозаготовках против елаурского колхоза появилась цифра 100 процентов.[173] Критиковались руководители и парторги других хозяйств за то, что не развернули среди колхозников борьбу за стопудовый урожай.

Были одобрены ценные начинания по поддержанию призыва П. Ангелиной о подготовке девушек-трактористок. Руководство Шиловской МТС подготовило 30 трактористок, Бектяшкинской МТС — 25. Правда, к весенне-полевым работам в бригады смогли закрепить только 12, двух планировали использовать как помощниц комбайнеров, а 41 — только плугарями.

На организационном пленуме 9 марта первым секретарем по рекомендации обкома был избран Борис Александрович Нагорнов, вторым — Николай Дмитриевич Анисимов, третьим — Сергей Федорович Зайцев. Заведующим организационно-инструкторским отделом пленум утвердил И. С. Верещагина, зав. отделом пропаганды и агитации — Г. В.



Агошкова и заведующим военным отделом — Ф. А. Шмаранова.

Со сменой руководства в районе мало что изменилось, разве что попробовали прославить Сенгилей брынзой. Для этого отобрали для дойки тысячу овец. Однако новшество не прижилось. Женщины отказывались от этой работы, а у поголовья, которое с грехом пополам начали доить, стали гибнуть ягнята. Так и пришлось оставить эту затею.

Директор инкубаторной станции Запылаева, выполняя решение райкома по увеличению поголовья птицы, нарастила мощность инкубатора до 60 тысяч цыплят, а на 40-й год планировала довести ее до 92000. Но цыплят колхозы брали плохо. Поэтому к станции прикрепили еще Новодевиченский, Тереньгульский и Ставропольский районы.

В то время существовала практика обязательных заготовок животноводческой продукции в зависимости от количества скота и птицы в хозяйствах. Порок ее заключался в том, что обязательные поставки мяса, кож, молока, шерсти, яиц колхозам устанавливались в зависимости от наличия поголовья общественного скота и птицы. Колхозы, имеющие развитое животноводство, должны были сдавать больше, у кого скота имелось мало, и сдавали мало. Колхозы вовсе не имеющие ферм — вообще ничего не сдавали. Хозяйства, имеющие лучшее по качеству поголовье лошадей, обязаны были сдавать государству для нужд обороны всех лучших коней, а с не имевших качественного поголовья взятки были гладки. И любой председатель колхоза стремился иметь как можно меньше скота. С середины марта обязательные поставки государству стали исчислять по гектарному принципу. Например, с каждого гектара земли — 120 г шерсти и т. д., с колхозного двора — 600 г, с единоличного—800 г.

Год 1940 был щедр на различные указы и постановления: ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР продолжали кампанию по укреплению дисциплины, порядка и повышению производительности труда, ставили задачу организовать дело таким образом, чтобы каждая минута работала на укрепление оборонно-экономического потенциала страны. В связи с этим 26 июня Президиум Верховного Совета СССР принял указ о переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную

рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Были отменены дополнительные областные праздничные дни. И революционных праздников осталось только 22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября, 5 декабря (день Конституции).

Президиум Верховного Совета устанавливал, что с 27 июня рабочие и служащие, самовольно оставившие работу, предаются суду и по его приговору подвергаются тюремному заключению сроком от 2 до 4 месяцев, что рабочие и служащие за опоздание без уважительных причин по приговору суда караются исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев с удержанием до 25 процентов заработка. Затем действие этого указа распространили и на трактористов.

Все дела этой категории судами рассматривались в пятидневный срок. За сокрытие фактов прогулов и самовольного ухода с работы руководители предприятий, учреждений и организаций привлекались к судебной ответственности.

В дополнение к Указу СНК СССР принял постановление «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на восьмичасовой рабочий день».

По установившейся традиции любое постановление высших органов власти нужно было обсудить на митинге или собрании. Не обошлось без этого и на сей раз. Более 370 человек собрались на митинг на цементном заводе. Выступавшие на нем Баукин, Денисов, Зюзин и другие не только горячо одобрили Указ Президиума Верховного Совета и постановление Совнаркома, но, во имя дальнейшего укрепления экономики страны, требовали еще большего ужесточения законов. На заводе «Росплодовощ» с аналогичными речами выступили профорг Котенков, директор Гуреев, парторг Николаев, рабочий Морунов. Такие митинги проходили на всех предприятиях района.

К 1 октября только в Сенгилее по Указу от 26 июня 1940 года было осуждено 27 человек. Например, грузчик конторы «Торгплодовощ» Пискунов из-за бури на Волге не смог вовремя вернуться из Криуш. В контору явился с пристани, опоздав на три часа, за что получил пять месяцев исправительно-трудовых работ с удержанием 20 процентов из заработной платы.



За несвоевременное представление в суд материалов на рабочих А. Д. Поручикова и Д. И. Богданова, самовольно оставивших работу, к 1 году исправительно-трудовых работ с удержанием 15 процентов из заработной платы был приговорен директор леспромхоза В. К. Сергунин. Нарушители дисциплины Богданов и Поручиков получили по 4 месяца тюремного заключения. Следует заметить, что с руководителей спрос был особенно строг. В начале года в Артюшкине организовалась артель «Лесной химик». На должность председателя артели был рекомендован Казаков. В сентябре он три дня пьянствовал, за что был исключен из партии и по Указу от 26 июня осужден к одному году лишения свободы.

10 августа был опубликован новый Указ «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство». Он устанавливал, что так называемая мелкая кража, независимо от ее размеров, совершенная на предприятии или в учреждении, карается тюремным заключением сроком на один год, если она по своему характеру не влечет за собой более тяжкого наказания.

На заводе «Росплодовощ» рабочая Гельметдинова заколачивала ящики. Закончив работу, пошла домой, но забыла вынуть из кармана спецовки несколько гвоздей. В результате за мелкую кражу получила один год лишения свободы. Подобных случаев было множество. То гаечный ключ в кармане у слесаря обнаружат, то болт, то гайку.

За хулиганство на предприятии, в учреждении или в общественном месте тоже полагался год лишения свободы. Получить срок можно было не обязательно за хулиганство. Некорректный разговор с начальником смены, с начальником цеха, даже с контролером в кинотеатре тоже приравнивался к хулиганству. И не следует думать, что год тюремного заключения — это 365 дней отсидки. Такого не бывало. Все осужденные даже на 2 месяца попадали если не на лесоповал, то на земляные работы — обязательно.

Судили строго. Десятник Рождественского спиртзавода Плясунов был послан в наш район для заготовки дров. В Елауре и Р. Бектяшке он договорился с крестьянами, разработать выкупленную заводом делянку. За каждый заготовленный ими кубометр он согласился уплатить по 3 рубля 10 копеек, вместо 1 рубля 65 копеек по государственной

расценке. Об этом стало известно начальнику Сенгилеевского РОМ НКВД Кузнецову. Незаконные действия были пресечены, возбуждено уголовное дело. Колхозники в нем проходили как свидетели, а Плясунова суд приговорил к 3 годам лишения свободы и взыскал с него 13 тысяч, переплаченных за работу[174].

* * *

Жители района в 1940 году были озабочены главным образом как бы убрать сено с лугов, обещавших богатый урожай. А перед руководством ЦК и Совнаркома вставали более сложные задачи. Они старались любым путем укрепить пограничные районы страны, чтобы война не застала врасплох. 26—27 июня советскому правительству удалось мирным путем решить вопрос о возвращении в состав СССР Бессарабии и Северной Буковины. По соглашению с румынским королевским правительством граница воссоединенных земель была восстановлена по рекам Прут и Дунай. 28 июня началась эвакуация румынских войск и ввод на присоединенные территории советских. В конце июля был принят закон об образовании Молдавской Советской Социалистической республики. Подавляющее большинство населения встретило эту акцию с пониманием, но по укоренившейся привычке в западных областях и в Прибалтике войска НКВД сразу же начали сортировать население по классовому принципу. Зажиточных, бывших белогвардейцев, переселяли в сибирские лагеря. Началась агитация за колхозный строй. Это не всем нравилось, кое-где начались волнения, названные впоследствии провокациями. Особенно осложнялось положение в Прибалтике. В Латвию, например, была направлена ультимативная нота НКИД СССР с требованием убрать министра внутренних дел Скучаса, начальника департамента политической полиции Новелайтиса и сформировать такое правительство, которое было бы способно «выполнить договор о взаимопомощи, обеспечить свободный пропуск советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах». Нечто подобное происходило и в Эстонии. 17 июля советские войска перешли границу Эстонии и Латвии и вступили в города Ригу, Таллин, Нарву, Двинск, Митаву и другие. В Литве под угрозой немецкой агрессии и дополнительного ввода советских войск происходила организация рабочих комитетов, создавалась рабочая милиция, шла подготовка к избирательной кампании. На такой же путь стали сворачивать Латвия и Эстония.



21 июля сейм Литвы принял декларацию о вступлении республики в состав СССР. В этот же день Латвийский сейм обратился с просьбой к Советскому Союзу принять республику в свой состав. Государственная Дума Эстонии 21 июля приняла декларацию о государственной власти и объявила Эстонию Советской Социалистической республикой.

В первых числах августа все три прибалтийских государства на сессии Верховного Совета СССР были приняты в состав Советского Союза на правах Союзных республик.

Как известно, после войны с Финляндией народным комиссаром обороны вместо Ворошилова был назначен С. К. Тимошенко. Одновременно ему было присвоено звание Маршала Советского Союза. В мае 1940 года для высшего командного состава были введены звания генералов и адмиралов. Для дальнейшего подъема авторитета военнослужащих Маршал Тимошенко ввел звания для рядовых — красноармеец и ефрейтор, а для младшего командного состава — младший сержант, сержант, старший сержант и старшина.

Осенью 1940 года на местах начали проводить военные занятия с партийным активом. Три таких занятия состоялись и в Сенгилее. В районный центр собрали всех председателей колхозов, советов, парторгов, сельских активистов. Занятия с ними проводили председатель райсовета Осоавиахима Шашков, военком Козин и командиры запаса в звании выше лейтенанта.

В селах и на предприятиях проходили вечера призывников. В сенгилеевском колхозе «Новый путь» такой вечер открыл председатель колхоза Жегалин. С докладом выступил инструктор военного отдела РК ВКП(б) Шамин. На вечере присутствовали и родители призывников. С напутственной речью выступил бригадир тракторной бригады Смыслов. Он пожелал всем призывникам в короткий срок овладеть боевыми машинами. Выступали колхозники: В. Романов, Колесов, Радаев. От имени призывников речь-клятву на верность Родине произнес Труханов.

Такие же торжественные вечера-проводы состоялись на

цементном заводе, в райпотребсоюзе, на заводе «Росплодовощ». С напутственными речами выступали Шмаранов, Розин, Гуреев. Школьники читали стихи моряка тихоокеанского флота местного уроженца Сергея Кишенина «Другу призывнику».

Торжественными и трогательными были районные проводы призывников. Духовой оркестр детского дома под руководством А. А. Войтенко превзошел самого себя. Марши Чернецкого, Рунова, Ионова-Радкевича перемежались вальсами «Ночь на Волге», «Березка», «На сопках Маньчжурии», их сменяли боевые и задорные песни братьев Покрасс «По военной дороге», «Три танкиста», «Не скосить нас саблей острой», «Если завтра война» и другие.

В строю, рядом с президиумом, застыли молодые парни. У каждого из них на груди оборонные значки. У Петра Монакова, уходившего на флот, их четыре. По 4 значка у цемзаводчан Геннадия Ключникова, Николая Кишенина. С ними рядом М. Казаков, уходивший в авиацию. Провожали в армию и любимца сенгилеевской молодежи учителя НСШ Г. Ростиславлева.

Председатель райисполкома Шафеев тепло поздравил всех отъезжающих и выразил надежду, что в Советской Армии и Военно-Морском флоте они будут достойно нести звание волгарей-сенгилеевцев, а в случае любых провокаций сделают все от них зависящее, чтобы с честью защитить любимую Родину.

Призыв в районе прошел организованно. Многие юноши отказывались от предоставляемых им льгот по семейным и иным обстоятельствам. Армейская служба в предвоенные годы считалась самой почетной, и не было для парня большего позора, если его по каким-то причинам браковала комиссия военкомата. За таких даже девчата выходить замуж отказывались.

Проводили призывников, и началась обычная жизнь, но все же подчиненная укреплению обороны, подготовке к возможной войне. Жены работников НКВД и милиции еженедельно ходили на стрельбище и поражали мишени не хуже мужчин. Учащиеся 7—10 классов после уроков изучали пулемет. Заведующий гаражом завода «Росплодовощ» Стулков по собственной инициативе начал готовить



шоферов. Без отрыва от производства у него занимались 11 мужчин и 4 женщины.

* * *

3 октября «Правда» опубликовала сообщение о том, что с нового учебного года в 7—10-х классах средних школ, а также в техникумах, педагогических и медицинских училищах постановлением СНК СССР вводится платное обучение, от 150 до 200 рублей в год придется вносить каждому. В высших учебных заведениях плата за обучение устанавливалась выше — от 400 до 500 рублей. Деньги по тем временам немалые, особенно для деревенских подростков. Многие уже, проучившись в техникумах по 1—2 года, вынуждены были забирать документы и идти работать в колхоз.

Впрочем, выход подсказывался в той же газете. Оказывается Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым ежегодно подготавливать для промышленности государственные трудовые резервы в количестве от 800 тысяч до одного миллиона человек путем обучения городской и сельской молодежи производственным профессиям в ремесленных, железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения. Для сложных профессий было решено организовать училища с двухгодичным сроком обучения, а для угольной, горно-рудной, нефтяной промышленности и строительного дела открыть ФЗО с шестимесячным сроком обучения.

Тем же указом предоставлялось право Совнаркому ежегодно призывать (мобилизовывать) до 1 миллиона молодежи мужского пола в возрасте 14—15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16—17 лет для обучения в школах ФЗО. Президиум Верховного Совета устанавливал, что все окончившие учебные заведения трудовых резервов считаются мобилизованными и обязаны проработать 4 года подряд на государственных предприятиях по распределению Главного управления трудовых резервов с обеспечением их зарплатой по месту работы на общих основаниях.

Новый Указ вызвал некоторую растерянность среди подростков, тогда подключили агитационно-пропагандистский аппарат и даже учительство. В школах проходили собрания учащихся и их родителей. Убеждали, агитировали. После соответствующей обработки учащиеся начали пода-

вать заявления с просьбой зачислить их на учебу. Привлекало только то, что все учащиеся системы трудовых резервов будут находиться на полном государственном обеспечении. В Сенгилее первыми подали заявления И. Сиротин, В. Шатилов, Н. Беляков и Шипунов из Сенгилеевской НСШ. Они изъявили желание учиться в железнодорожном училище. Но выбор тогда еще не разрешался.

Райисполком получил разнарядку на отправку 70 подростков в Кашпирскую школу ФЗО учиться на шахтеров сланцевого рудника. На комиссию явились 136, среди них 89 добровольцев. 24 ноября 70 человек было отправлено по назначению, остальным отказано до следующего набора.[174]

* * *

В колхозах в те годы очень поощрялась звеньевая организация труда и так называемые гектарники. Это когда один или небольшая группа колхозников брали, допустим, три, пять семь гектаров площади, обрабатывали ее, снимали урожай и все это шло в колхоз. Например, агротехник колхоза «Вперед» Петр Николаевич Жегалин кроме возложенных на него обязанностей, вместе с женой возделывал на 5 гектарах просо, провел искусственное опыление и получил по тогдашним меркам невиданный урожай — по 18 центнеров с гектара. Кроме того, на отдельном участке они с женой экспериментировали с голозерным овсом, культурой невиданной в наших краях.

В сенгилеевском колхозе «Новый путь» бригадир Иван Тимофеевич Михайлов, кроме исполнения своих бригадирских обязанностей, выращивал на 5 гектарах пшеницу и на трех гектарах — просо. Посмотреть на его участок возили всех приезжавших из области начальников. Хваленый участок оправдал себя: пшеницы с каждого гектара было собрано по 24 центнера, проса — по 17.

Третья садоводческая бригада из Буерак в составе 13 человек обрабатывала плодовые деревья на площади 37 гектаров и собрала 255 тонн отменных яблок и груш.

Соседнее село Новая Слобода славилось пасекой. Весной там было 142 семьи пчел, к осени их число увеличилось до 175. Благодаря стараниям пчеловода Привалова от каждой пчелосемьи в среднем было получено по 44 килограмма меда. Кроме того на зиму в каждом улье оставлено от 15 до 16 килограммов меда для питания пчел.

Сенгилеевская рыболовецкая бригада Михаила Григорьевича Астафьева из колхоза им. XVII партсъезда работала двумя звеньями — А. М. Ануфриева и И. П. Елизарова. За сезон она сдала более 140 центнеров рыбы при задании 80 центнеров.

Но не будем перехваливать людей. Так работали далеко не все. Летом 1940 года в лесах было обилие грибов, и значительная часть населения ринулась их собирать. Грибы несли не только корзинами, но и везли возами, доставляли в Сенгилей лодками. Их продавали на рынке, ими торговали на пристани. Срывался сенокос. Задерживалась уборка урожая. Из-за осенних дождей осыпалось и прорастало зерно. Как отмечалось на IV сессии районного Совета, проходившей 28 декабря, «...некоторые колхозы еще не закончили молотьбу. На уборке допущены большие потери». По району урожай пшеницы получен 11,5 центнера с гектара, овса — по 10,6, проса — по 8,8, бобовых — по 8—7,8 центнера. Самый высокий урожай собрал колхоз «Ударник» — по 15 центнеров пшеницы и овса с каждого гектара и по 15,7 центнера проса. Колхоз «Койт» собрал по 18 центнеров овса, по 15 центнеров проса и по 13,2 центнера пшеницы. Звено Карла Арнольдовича Сеппр урожай овса получило по 23 центнера. Бригада Гончарова из колхоза «Вперед» собрала по 21 центнеру пшеницы с гектара.

План хлебозаготовок и натуроплаты за работу МТС (их стали считать вместе) районом был выполнен только на 84 процента. План по сдаче подсолнечника — на 29, картофеля — на 45 процентов. Поставки государству мяса и сена для армии были выполнены на 78 процентов. По состоянию на 28 декабря не полностью еще были засыпаны семена, а отсортировано их только 30 процентов от общего количества засыпанных.

В 1940 году Сенгилей был практически полностью радиофицирован. Каждое утро и вечер люди внимательно вслушивались в сообщения «черных тарелок» (так здесь называли радиорепродукторы «Рекорд» и «Зорька»). Новостями изобиловали и газеты. В рабочем поселке на 1981

хозяйство их выписывали 2342 экземпляра. Годовая подписка на «Правду» стоила 6 рублей.

Писали обо всем: о соревновании металлургов, о строительстве Московского метро и даже, со ссылкой на лондонское радио, появилось сообщение из далекой Мексики о покушении на Троцкого. 20-го его грохнули по черепу ледорубом, а 22 августа он скончался в больнице. Но пожилых в первую очередь интересовало не это, а что там затевает Гитлер, какова обстановка в Европе. И это было не праздное любопытство. Лавина гитлеровских войск катилась из страны в страну. Под пятой фашистов уже оказалась почти вся Европа, центральная и северная. С августа 40-го года гитлеровская дипломатия развернула лихорадочную деятельность в Юго-Восточной части Европы. 20 ноября 1940 года к Берлинскому пакту присоединились Венгрия, через три дня — Румыния, 24 ноября — Словакия. По договоренности с царем Борисом, 28 февраля 1941 года немецкие войска под видом туристов прибыли в Болгарию, где заняли аэродромы, железнодорожные станции, пограничные заставы, открыв в страну путь германским дивизиям. 1 марта Болгария присоединилась к Берлинскому пакту. На очереди были Греция и Югославия. Война стояла на пороге Советской страны.

Пленум РК ВКП(б) отмечал, что партийные и комсомольские организации еще «коренным образом не перестроили оборонную работу в соответствии с решениями XVIII съезда партии», и требовал, чтобы «каждый коммунист и комсомолец имел одну из воинских специальностей». Особое внимание обращалось на подготовку к призыву 1941 года, на содержание коней и сбруи фонда обороны, а также автомашин в полной готовности.

На втором пленуме, посвященном военно-физкультурной работе, РК ВЛКСМ ставил задачу улучшить военную подготовку допризывников, как это сделали в Шиловке. Лучшими организациями Осовиахима называли организации при райпотребсоюзе, артели «Сапожник» и промкомбинате. Они участвовали в VII областных химических соревнованиях, а организация Осовиахима при райпотребсоюзе заслужила право участвовать во Всесоюзных химических соревнованиях. В районе по линии Осовиахима было организовано 5 команд и 12 групп, общей численностью около 500 человек.



РК ВКП(б) для партийного и комсомольского актива организовал военную учебу. В райцентре создали 4 группы, в которые входили 67 человек. Это секретари комитетов и их заместители, работники райкомов, работники райисполкома. Руководителями групп назначили командиров запаса. Занятия с декабря 1940 года проводились 8 раз в месяц. Большинство курсантов являлись на занятия самым аккуратным образом.

Массовое военное обучение трудящихся приобретало все больший размах. Если в начале декабря на занятиях участвовало по 60—70 человек, то 16 февраля 1941 года по решению бюро райкома проводился военизированный поход, в котором участвовало 582 человека, из них 80 женщин.

Проводились довольно сложные походы. Так, 9 февраля 1941 года группа лыжников под руководством Николая Кулькина, Николая Тельгузова, А. Яшина и В. Софронова в сильную пургу совершила лыжный поход по маршруту Сенгилей — цементный завод — Шиловка — Криушинский затон — свинсовхоз — Тушна — Сенгилей. Расстояние в 60 километров было пройдено за 7 часов 30 минут.

Ночной пробег по резко пересеченной местности совершили курсанты межрайколхозшколы. Подобные тренировки следовали одна за другой. Лыж на всех не хватало. Не стеснялись, ходили пешком. В комсомольском кроссе, посвященном XXIII годовщине Красной Армии участвовало 5 лыжных команд и 3 пеших.

Значительно активизировалась работа по подготовке значкистов. Особую роль в этом играли школы. Военными знаниями овладевали не только учащиеся старших классов, но и сами учителя. Так, например, в марте 1941 года 9 учителей Бектяшкинской школы сдали нормы на значок ГСО. Среди них 53-летний Николай Иванович Аверин, отдавший к тому времени 35 лет своей жизни делу народного образования.

Добрым словом следует отметить и медицинских работников, которые много сил и энергии тратили на обучение населения приемам оказания первой помощи. Например, фельдшер цементнозаводской больницы П. С. Во-

робьев подготовил к сдаче норм на значок ГСО 30 человек, акушерка П. Л. Леонтьева — 12 домохозяек, зубной врач А. А. Лытяева — 15 женщин. Многие сейчас не представляют, что значило тогда сдать нормы на оборонный значок. Для «Ворошиловского стрелка» это была 115-часовая программа, для ГСО («Готов к санитарной обороне») — 150, для ПВХО — 200 часовая.

Большую роль в подъеме патриотических настроений среди молодежи играла военно-физкультурная комиссия при райкоме комсомола. Когда 1 февраля райвоенкомат приступил к отбору кандидатов в военные училища, от ребят буквально не было отбоя. В первый же день к военкому политруку Козину обратились с заявлениями о направлении в авиационные училища учащиеся Сенгилеевской средней школы Евгений Чистопольский, Юрий Данишкин, Василий Шмелев, Виктор Осипов, Виктор Алешин, Николай Лапин, Александр Крылов и многие другие. Просьба ребят была удовлетворена.

С каждым годом Сенгилей все больше терял славу торгового населенного пункта. Поступление товаров строго лимитировалось. А во время войны с Финляндией из продажи напрочь исчезли сахар, соль, спички. Пропала с прилавков и водка. Вместо русской сорокаградусной любители хмельного десятками флаконов брали дешевенький одеколон «Зеленый мыс». У шинкарок, конечно, водка была, но за риск они запрашивали по 12—15 рублей за бутылку.

Приближение войны чувствовалось не только по сообщениям радио, но и по начавшейся в марте частичной мобилизации запасных на так называемые «сборы». Говорили, что продляться они три месяца, но ни один из мобилизованных на сборы домой не возвращался, хотя в колхозах рабочие руки были очень нужны.

В предвоенную весну сеяли до 5 июня, и все-таки план сева яровых был выполнен только на 99 процентов.

14 июня 1941 года радио передало заявление ТАСС. В нем говорилось, что в английской и иной зарубежной печати муссируются слухи о близости войны между СССР и Германией, что Германия начала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения. Далее ТАСС



заявлял, что ответственные круги в Москве считают, что слухи о намерении Германии порвать пакт о ненападении на СССР лишены всякой почвы.

Люди вздохнули свободнее. Они верили Сталину, Молотову и не предполагали, что мирно жить осталось всего одну неделю.

# ВОЙНА

Войну ожидали, к ней готовились, а все-таки началась она внезапно, неожиданно. В воскресенье 22 июня в 3 часа 30 минут фашистская Германия без объявления войны и каких-либо претензий напала на Советский Союз по всей линии государственной границы от Черного до Балтийского моря.

После выступления в 12 часов по радио В. М. Молотова, известившего советский народ о вероломном нападении на нашу страну фашистских полчищ и от имени правительства выразившего уверенность, что враг будет разбит, победа будет за нами, в Сенгилее состоялся митинг. На нем выступил секретарь РК ВКП(б) Николай Дмитриевич Анисимов, призвавший людей к спокойствию, дисциплине и самоотверженному труду во имя победы. Прошли такие же митинги и в других селах района.

В первый же день войны был получен приказ о мобилизации военнообязанных 1905—1918 года рождения. Мобилизация должна была начаться с 23 июня, но уже к вечеру 22-го в райвоенкомат стали поступать заявления с просьбами о добровольном зачислении в ряды Красной Армии. Так, Александр Васильевич Фокеев писал: «Прошу зачислить меня в ряды Красной Армии, так как зарвавшиеся фашисты вторглись на советскую землю, и потому я встану на защиту нашей Родины. Прошу в просьбе не отказать» .

В числе первых подали заявления об отправке на фронт кандидат в члены ВКП(б) Алексей Дмитриевич Пушкарев и комсомолец Константин Алексеевич Кувшинов. Они по специальности связисты-радисты, просили зачислить их в одну часть. С настоятельной просьбой отправить его на фронт обратился секретарь комсомольской организации свиносовхоза Суренков и комсомолец Фокеев.Подобных заявлений поступили многие десятки.

Исполком Сенгилеевского райсовета в обращении ко всем трудящимся района призвал: «...в настоящий, особо-ответственный момент отдать все силы, все напряжение энергии на укрепление обороны нашей страны. Теперь



долг каждого гражданина — всемерно повышать производительность труда как в промышленных предприятиях, так и в сельском хозяйстве. Сейчас, как никогда, необходима борьба за порядок и дисциплину... Каждый рабочий в районе должен работать не восемь часов, а сколько требуется для нашей страны и армии. Теперь, как никогда, каждый трудящийся обязан полностью отдать свой труд на укрепление и защиту нашей Родины».

В тот же день исполком райсовета отметил, что морально-политическое состояние населения района в период развертывания мобилизации было здоровое. Оповещение о явке призываемых на сборный пункт проведено своевременно. Как недостаток отмечалось, что призывной пункт к приему граждан не был готов до 5 часов утра 23 июня. Сельские Советы и уполномоченные райсовета точно не разъяснили призываемым Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации, в результате чего 23 июня имелось большое скопление лиц, явившихся без повесток военкомата.

Мобилизация проходила организованно. Районная газета «Сталинский организатор» сообщала: «Многие явившиеся в райвоенкомат отказываются от прохождения медицинской комиссии, заявляя, что они здоровы и идут громить зарвавшегося врага».

Уже в первую неделю войны на предприятиях и в колхозах стал ощущаться недостаток людей. Но рабочие и колхозники делали все для того, чтобы выполнять работу и за себя и за тех, кто ушел на фронт. С первых дней мобилизации кандидат в члены ВКП(б) А. С. Богданов в промкомбинате стал выполнять нормы выработки на 170—180 процентов. Его примеру последовали столяр В. Чернышев и подавляющее большинство других рабочих. П. С. Самойлова с цементного завода встала на место ушедшего на фронт мужчины и с первых дней войны выполняла задания на 130 и более процентов. Анфиса Дмитриевна Беляева на этом же заводе, когда призвали в армию мужа, решила овладеть его специальностью электросварщика, и всю войну работала безупречно. Девушки-колхозницы из Елаура Даша Козырева, Шура Савинова, Аня Поручикова пошли учиться на трактористок, чтобы заменить мужчин. Жена комбайнера Курникова из Мордово по-

шла на курсы комбайнеров, чтобы заменить мужа, когда он будет призван в армию.

3 июля по решению бюро райкома в Р. Бектяшкинской и Шиловской МТС были открыты курсы. На них предусматривалось обучить 56 трактористов, 50 комбайнеров и 50 помощников комбайнеров. Обучение должно было закончиться к началу уборки урожая. Основной контингент слушателей—девушки и молодые, не обремененные семьями женщины. Из колхоза «Труд», например, были зачислены Антонина Ботолова, Антонина Ермохина, Антонина Фролагина, Анастасия Штырлова и другие — всего — 8 человек.

На работу, заменить ушедших на фронт отцов, сыновей и братьев, вышли старики и дети. Учащиеся школ района отказались от каникул и все лето работали на прополке посевов и уборке урожая.

3 июля после выступления И. В. Сталина по радио в правление сенгилеевского колхоза «Новый путь» пришел Сергей Дмитриевич Майоршин, 65-летний старик, и подал заявление, в котором говорилось: «На наглую вылазку фашистских бандитов, вероломно напавших на наш мирный Советский Союз, я, как гражданин Советского Союза, горю одним желанием — ответить на это нападение своей ударной работой. Потому прошу правление колхоза принять меня на работу на период уборки хлебов, так как считаю себя мобилизованным на трудовой фронт».

С наступлением уборки не усидели дома и люди постарше. На полях того же колхоза «Новый путь» работал 75-летний Филипп Саввинович Пряхин. Рядом с ним трудилась его 73-летняя жена, Мария Степановна. За день они сжинали серпом по 0,16 га каждый. Вышла на работу и 80-летняя Анна Николаевна Самодурова. На одном загоне с ними трудились школьники Маша и Люба Карасевы, Катя Белоусова и многие другие. Всего в сенгилеевский колхоз для уборки урожая пришли 170 домохозяек, учителей и учеников старших классов.

Алешкинские колхозники первыми в районе еще 3 июля на митинге заявили, что недостаток лошадей, отправленных в армию, они восполнят за счет работы на собственных коровах.



С первых же дней войны в районе было объявлено, чтобы все предприятия, учреждения и жители немедленно сдали в РО НКВД радиоприемники. На период войны разрешалось пользоваться только репродукторами, подключенными к районной трансляционной сети. Работники НКВД и милиции изымали все, что казалось им подозрительным, вплоть до детекторных приемников, сделанных ребятами в школьных кружках. А за обнаруженную в заначке радиолампу и другие детали можно было и срок получить.

Официальные сводки с фронтов не отличались откровенностью. Мы еще не знали, что в первые же дни наши войска понесли большие потери в людях и боевой технике. Внезапными ударами по нашим приграничным аэродромам была уничтожена значительная часть самолетов, что позволило германской авиации почти сразу же завоевать господство в воздухе. Ударные группировки немецко-фашистских войск, состоявшие из танковых и моторизованных дивизий, преодолевая сопротивление советских войск, быстро продвигались на восток. Наши войска, ведя тяжелые бои, вынуждены были отступать по 30—40 километров в сутки и нести значительные потери в живой силе и в технике. У людей не выдерживали ни ноги, ни нервы. Казалось, что не будет конца этому отступлению. За первые две с половиной недели советские войска под натиском вооруженных до зубов немецких дивизий вынуждены были отступить на 400—600 километров. С большим опозданием жители Сенгилея узнали, что пал Минск, что шли бои не на жизнь, а на смерть в Смоленске и других городах.

По примеру москвичей и ленинградцев, с 11 июля в районе началось формирование народного ополчения и санитарных дружин. В Шиловской МТС на митинге из 50 присутствовавших 37 мужчин записались в народное ополчение и 8 женщин — в санитарную дружину. В колхозе им. Димитрова в ополчение вступил 21 человек, в райпотребсоюзе — 24, в райЗО — 13, в промартели им. П. Осипенко только в одном цехе вступили в ополчение 11 человек, в судоремонтных мастерских — 65 рабочих стали ополченцами, 32 домохозяйки — санитарными дружинни-

цами. И так во всех колхозах, предприятиях и учреждениях.

Военный отдел райкома организовал из ополченцев подразделения, выделил командный состав из числа запасных. В первых числах августа начались занятия по строевой подготовке, по изучению винтовки и пулемета. Занятия проводились три раза в неделю. Особенно хорошо проходили они в Мордовской Бектяшке и на цементном заводе.

Применительно к обстановке была перестроена агитационно-пропагандистская работа. Она стала более конкретной и целеустремленной. Секретарь партийной организации свиносовхоза Волков организовал проведение политинформаций по текущим событиям. Проводились они через день. В клубе были оборудованы витрины из газет, которые обновлялись немедленно с каждым получением почты. Здесь же была карта, на которой отмечалась линия фронта. Но из-за недостатка информации сделать это было очень трудно. О положении на некоторых участках не сообщалось по неделе и по две, а людей интересовало именно обстановка на фронтах. Политбеседы тесно увязывались с задачами, стоящими перед совхозом.

Чекалин П. С. из с. Вырыстайкино ежедневно колхозникам третьей бригады рассказывал что мог о положении на фронтах, информировал о состоянии дел в колхозе. И не было в этой бригаде ни одного трудоспособного, который бы не выходил на работу или трудился с прохладцей.

Библиотекарь Сенгилеевской средней школы Анна Максимовна Страдымова взяла на себя улицу Выборную. Терпеливо беседовала отдельно с каждой домохозяйкой, затем собирала их вместе, просила прочитать письма с фронта от родных и близких, рассказывала о последних сообщениях Совинформбюро. В итоге организовала большую группу женщин, которые стали выходить на работу, помогать местному колхозу.

Чрезвычайно сложное положение на фронтах требовало титанических усилий по укреплению тыла, ибо только при такой взаимосвязи можно было одолеть заклятого врага. Это сознавали все. Вот что писали орденоносцы Алексей Зуев, Николай Малафеев и Иван Тимохин: «Мы



участники боев в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол, сегодня уезжаем на фронт смертельно бить германских фашистов. Товарищи земляки! Не забывайте, что фронт и тыл у нас едины. Поэтому укрепляйте трудовой фронт, по-стахановски работайте на предприятиях, в совхозе, МТС и на колхозных полях. Тем самым вы укрепите оборонную мощь нашей славной Красной Армии. Мы клянемся, что не щадя жизни будем бить фашистских извергов».

Это письмо Анна Максимовна тоже зачитала женщинам и завела разговор, что неплохо было бы помочь Совету в размещении прибывших в Сенгилей семей эвакуированных из прифронтовых районов. Размещать требовалось не только их. Сюда также прибыл Московский институт Гипроречтранс и его сотрудники, группа творческих работников Ленинградской государственной консерватории во главе с профессором Муриной-Марковской, Ленинградский детский дом № 14 с воспитанниками и воспитателями. Да мало ли кто в суматохе эвакуации не оседал в Сенгилее. Сюда направляли и тех, кому было запрещено пребывание в режимных городах, кого в свое время считали замешанными в тех или иных политических делах. Так, здесь оказалась секретарь издательства «Всемирная литература» Вера Александровна Кюнер (Сутугина), проходившая по делу А. М. Горького, и другие.

И хотя в Сенгилеевский район не были направлены эвакуированные промышленные предприятия, село Шиловка стало первым приютом для семей рабочих Московского автомобильного завода.

Такая отдаленность размещения семей рабочих от города объясняется тем, что в июле—сентябре в Ульяновск прибыло оборудование швейно-трикотажной фабрики имени КИМ из Витебска, швейной фабрики имени Горького из Киева, Харьковского электромеханического завода (теперь АО «Контактор»), приборостроительного завода № 280 и ряда других предприятий, институтов, учреждений, в их числе и руководство церкви во главе с митрополитом московским Сергием (И. Н. Старогородским). Для небольшого провинциального городка это было очень много. Жилая площадь в городе сократилась до 2,5 кв. метра на человека. Рабочих размещали в окрестных селах.

Рабочие и оборудование нескольких цехов Московско-

го автозавода прибыли в Ульяновск одними из последних, во второй половине октября 1941 г. Размещать их было совершенно негде. Для завода подобрали площадку в открытом поле. А семьи? 1 ноября исполком Ульяновского горсовета обратился к председателю Шиловского сельсовета Сенгилеевского района с просьбой «...оказать содействие уполномоченному автозавода т. Когану в размещении в с. Шиловка рабочих автозавода в количестве 600 человек с семьями, эвакуированными в г. Ульяновск». Делать было нечего. Колхозники в своих домах потеснились, потеснилась школа, и семьи автозаводцев были хоть как-то устроены.

Г. Белов в книге «У истоков УАЗа» пишет: «Один из ветеранов автозавода Б. Я. Медовник, вспоминая то время, рассказывал: «Бывало работаем всю неделю на заводе, а семья в Шиловке. И вот в субботу, отстояв смену, после работы по льду Волги топаешь в Шиловку, чтобы навестить родных, семью, а в воскресенье — снова пешком обратно в Ульяновск, на автозавод». Оборудование этого предприятия начало работать частью под открытым небом, частью в палатках.

Еще в сентябре, после киевской трагедии, Генеральному штабу стало ясно, что следующий удар надо ждать в районе Москвы. Возникала опасность и для других регионов. Четвертому Управлению оборонных работ НКО СССР было поручено срочно разработать и осуществить создание нового запасного оборонительного рубежа. Часть его проходила по территории нашей, тогда еще Куйбышевской области, в 50 километрах от Ульяновска. Там предстояло создать противотанковые рвы с маскировкой, открытые огневые площадки, командно-наблюдательные пункты. Объем работ — громадный. Чтобы выполнить его в установленные сроки, требовалось мобилизовать не менее 12 тысяч человек.

В начале октября 1941 года исполком Ульяновского городского и районных Советов утвердил план мобилизации трудоспособного городского и сельского населения на строительство Тагайского участка оборонительного рубежа. На наш район выпало мобилизовать более пяти сот человек. Мобилизации подлежали все трудоспособные



за исключением женщин, имеющих детей до восьмилетнего возраста, инвалидов и учащихся. Мобилизация и строительство проводились по законам военного времени.

За неявку на сборный пункт, за уклонение от военно-полевых работ и особенно за дезертирство с ВПС наказания были очень строгие. Коллектив строителей на 90 процентов состоял из женщин. И этот, как сейчас выражаются, «слабый пол» почти четыре месяца в лютые холода долбил промерзшую землю, валил и раскорчевывал деревья, жил в нечеловеческих условиях, но дело свое делал. К счастью, плодами этого труда не пришлось воспользоваться.[176]

И еще несколько слов о карьерах. Их было два. Первый, маленький, находился около Мокрой Поляны, где сейчас оборотное водохранилище Ташлинского горно-обогатительного комбината. Он принадлежал наркомату путей сообщения и разрабатывался с середины 30-х годов.

Второй был открыт в 1939 году геологической партией Куйбышевского гидроузла под руководством Грицая неподалеку от с. Смородино. Запасы камня в нем определялись в пять с половиной миллионов кубометров. С началом войны оба месторождения передали Ульяновскому тресту 21 (впоследствии трест № 39), который должен был заниматься строительством ТЭЦ и корпусов эвакуированных в Ульяновск заводов. Но работать в карьерах было некому: большинство рабочих ушло на фронт. В верхах решили все просто — разместить в Кучурах одно из лагерных отделений Волжелага НКВД СССР. Обнесли колючей проволокой зону, поставили охрану, пригнали осужденных. Те достроили заложенные Грицаем бараки, и карьер заработал. Вагоны с камнем по существовавшей здесь узкоколейке пошли до Киндяковки.

Несмотря на изнуряющее духовное и физическое напряжение осень сорок первого была богата всевозможными починами, направленными на помощь фронту. Наибольшее распространение получил сбор средств в фонд обороны. Первым с такой инициативой в районе выступили директор Кротковской неполной средней школы Беляев и учительница той же школы Пелагея Федоровна Машина. Они решили каждый месяц до конца войны отчислять в фонд обороны свой однодневный заработок,

внесли в этот же фонд все имевшиеся у них облигации государственных займов и призвали всех трудящихся района поступить так же.

Общее собрание сенгилеевского колхоза «Новый путь», обсуждая это обращение, решило внести в фонд обороны 15 процентов общего дохода хозяйства за 1941 год и впредь ежемесячно отчислять двухдневный заработок каждого члена артели. Колхозники Янчина, Волков, Старков, Фомин внесли в фонд Красной Армии мясо, гусей, молоко и другие продукты, говоря: «Все отдадим нашим дорогим фронтовикам, ни с чем не посчитаемся». Инвалид первой группы Константин Иванович Репин из Сенгилея обратился в отдел социального обеспечения с просьбой перечислять полностью до конца войны в фонд вооружения Красной Армии его государственную пенсию в сумме 117 рублей 25 копеек.

Во второй половине августа в районе состоялся первый с начала войны комсомольско-молодежный воскресник. В нем приняли участие свыше 800 человек. Заработок всех участников — 2400 рублей — был направлен в фонд обороны.

В начале сентября «Волжская коммуна» опубликовала призыв рабочих завода им. Масленникова и колхозников Похвистневского района о сборе теплых вещей для фронта. У нас в районе первыми его поддержали новослободские женщины. На сельском сходе они дали слово обеспечить теплыми вещами 200 бойцов и командиров Красной Армии. Бекетовские, Елаурские и Тушнинские колхозники собирали шерсть, сельские умельцы изготавливали из нее валенки, вырыстайкинские и кротковские старички выделывали овчины для душегреек, сотрудницы и воспитанницы детского дома вязали варежки и носки. И так в каждом селе. Все это сдавалось в районную комиссию, а дальше шло на фронт.

Хорошую инициативу еще в августе 1941 года проявил директор цементнозаводской школы Н. И. Любавин. Он первым в нашем районе отправил в действующую армию посылку-подарок. В нее было вложено 30 пачек махорки, два десятка носовых платков, конверты. Это было в начале августа, а уже в сентябре—октябре отправка посылок на фронт стала массовым явлением. До конца 1941 года жители района послали на фронт 801 посылку с подарками бойцам. В них клали копченых кур, гусей, рыбу, мясо, полотенца, мыло, бритвенные принадлежности, махорку, кисеты. А инициатор этого почина в августе сорок первого ушел на фронт, был политруком стрелковой роты и, поднимая бойцов в атаку, погиб под Тулой.

В те дни для Сенгилея обычными были такие объявления: «Сегодня силами служащих Гипроречтранса и любителями Дома культуры будет дан концерт в двух отделениях. Весь сбор поступит в фонд обороны». Самое активное участие в подготовке и постановке концертов принимали профессор Ленинградской консерватории Александра Игнатьевна Мурина-Марковская, концертмейстеры Саачан и Плисс, солисты Ленинградского оперного театра И. Б. Скарчиллети, А. П. Чахоченко и балерина Александа Николаевна Кухолева. Кстати, только за первый военный год от концертов на спецсчет в отделение госбанка было перечислено более 15 тысяч рублей. А всего за этот год труженики района внесли в фонд обороны 126 тысяч рублей денег и на 41640 рублей облигаций государственных займов.

26 сентября районная комиссия отправила на фронт первые посылки с теплыми вещами. В них было вложено 180 пар валенок, 77 свитеров и вязаных фуфаек, сто пар варежек и перчаток, 11 полушубков, 81 метр холста на портянки, стеганые брюки и другие вещи.

В оказание помощи фронту включились и дети. Шестая школа г. Куйбышева проявила такую инициативу: собрать денежных средств столько, чтобы на них можно было построить самолет «Юный пионер». Вносили деньги на это благородное дело и учащиеся школ нашего района. Сенгилеевская начальная школа собрала 93 рубля 10 копеек, учащиеся Русско-Бектяшкинской школы собрали 101 рубль 51 копейку, дети из Новослободской школы — 129 рублей. Учащиеся Шиловской школы собрали больше всех — 225 рублей, ребята из Мордовинской начальной школы пожертвовали 57 рублей. А всего осенью 1941 года на строительство самолета «Юный пионер» из школ района поступило свыше 1500 рублей.

Ребята из детского дома совершили несколько побегов, пытались попасть на фронт, чтобы мстить немцам

за погибших родителей и родственников. Юных патриотов на Сызранском вокзале задержали и с милицией переправили в Сенгилей подрастать и учиться.

Вся страна жила ожиданием разгрома немецко-фашистских захватчиков. Люди делали все от них зависящее, чтобы приблизить эту победу. Но вместо радостных сообщений Совинформбюро передавало сводки, в которых говорилось о кровопролитных боях, о том, что наши войска вынуждены были вновь оставить город такой-то и такой-то. Да еще шли с фронта похоронки, а чаще — полная неизвестность. Ушел на фронт — и как в воду канул. И не приходило в голову, что с первых дней войны сотни тысяч отцов, мужей и братьев были захвачены немцами в плен и умирали в их лагерях. Иногда возвращались раненые.

В сентябре немецко-фашистские войска захватили Киев, форсировали Днепр, глубоко вклинились на территорию Левобережной Украины и вышли к Крымскому полуострову.

Через 18 дней после падения Киева на Московском направлении германское командование сосредоточило основные силы группы армий «Центр» — более 80 дивизий и второй воздушный флот (свыше тысячи самолетов). Здесь 30 сентября в третий раз с начала войны была прорвана советская стратегическая оборона. На севере танковым и моторизованным соединениям врага удалось ворваться в Калинин, на юге они овладели Орлом и продвигались к Туле.

В середине октября дивизии немецкой группы «Центр» окружили под Вязьмой значительную часть армий Западного, Резервного и Брянского фронтов. В немецкие «котлы» попало 7 из 15 полевых управлений армий, 64 из 95 дивизий, 11 из 13 танковых бригад и 50 из 62 артиллерийских полков Резерва Главного командования.

Огромную брешь на фронте закрыть было нечем: стратегические резервы уже были израсходованы для восстановления фронта на юго-западном направлении, а Можайская линия обороны носила почти символический характер. Создалась исключительно сложная обстановка. Москва оказалась под угрозой захвата немецко-фашистскими войсками. 15 октября по распоряжению ГКО из столицы началась эвакуация оборудования ряда промышленных предприятий. В Куйбышев были переведены дипломатический корпус, Наркомат обороны и другие правительственные учреждения. Однако Ставка Верховного Главнокомандования осталась на своем месте в Москве.



Ряд важнейших объектов и сооружений были подготовлены к уничтожению. В связи с этим 16 октября в столице возникла паника. Чтобы навести в городе порядок, 19 октября Государственный Комитет Обороны объявил в Москве и прилегающих к ней районах осадное положение.

К концу октября в результате ожесточенных боев советским войскам удалось остановить наступление противника западнее Москвы и в районе Тулы.

Ослабление немецкого натиска позволило Ставке Верховного Главнокомандования срочно перебросить на западное направление ряд сибирских дивизий, несколько соединений из Средней Азии, с Урала и из Поволжья. Был восстановлен Западный фронт под командованием Г. К. Жукова, создан новый — Калининский фронт под командованием И. С. Конева.

16 ноября началось второе германское наступление на Москву. За 20 суток немцам удалось оттеснить советские войска севернее столицы к каналу Москва—Волга, к Красной Поляне и Крюкову, южнее Москвы — к Кашире. Здесь их наступательный пыл угас: возможности были исчерпаны, резервы израсходованы, снабжение, несмотря на немецкую пунктуальность, ухудшилось, а столбик термометра по ночам опускался до 35 градусов.

В конце ноября, продолжая вести тяжелые оборонительные бои, советское командование приступило к непосредственной подготовке контрнаступления под Москвой.

Первыми, 6 декабря, нанесли сокрушительный удар армии левого крыла Калининского фронта. На следующий день в контрнаступление перешли основные силы Западного и армии правого крыла Юго-Западного фронтов. В результате ожесточенных боев была прорвана линия немецкой обороны на флангах северной и южной немецких группировок, создана угроза их окружения.[177] Противник начал отходить.

Вместе с миллионами бойцов и командиров, защищав-

ших Москву, а затем участвовавших в наступлении, развеявших миф о «непобедимости» немецко-фашистских войск были и сенгилеевцы. Их мало осталось, солдат первого года войны. От западных границ начал битву с врагами и здесь, в Подмосковье, впервые испытал торжество победы Александр Иванович Ургалкин из Елаура. Под Москвой начали свою фронтовую биографию командиры рот Николай Кузьмич Зарубин из Русской Бектяшки и Валентин Григорьевич Штыркин, будущий директор школы в поселке Силикатный. Вместе со студентами-однокурсниками участвовала в обороне столицы Татьяна Алексеевна Брехова из Сенгилея. Здесь же до последнего вздоха сражался с захватчиками Иван Данилин из поселка Утяшкино. Громил на подступах к Москве заклятых врагов сержант-артиллерист Александр Васильевич Краснов, тракторист из Каранино. В тяжелейших боях по прорыву обороны противника участвовал командир танкового взвода лейтенант Станислав Павлович Милевский и рядовой Алексей Кириллович Галанин из Сенгилея. Под Москвой начинал воевать старшина роты 136 сибирского полка Рассказчиков Степан Александрович из Новой Слободы. Подвозила на передовую боеприпасы Анастасия Маясова с цементного завода. Тяжелое увечье во время декабрьского наступления получил лейтенант Кущик Александр Арсентьевич, смертельно ранен был рядовой Скатков Константин Дмитриевич из Сенгилея. Не вернулись из боя в Подмосковье и десятки других сенгилеевцев.

Контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление войск Красной Армии, действовавших на центральном направлении. Преодолевая ожесточенное сопротивление немецко-фашистских захватчиков, советские войска продвинулись на 150—300 километров и подошли вплотную к Великим Лукам, Велижу, Белому, Ржеву, Гжатску, Вязьме.

Это было тяжелое наступление с колоссальными жертвами. По заведенной традиции, у нас не принято было публиковать данные о жертвах. И только в 1993 году кандидат исторических наук Борис Невзоров обнародовал цифру потерь Красной Армии в московских сражениях. По его данным, основанным на документах закрытых архивов, за период с 30 сентября 1941 по 20 апреля 1942 года, что



соответствует времени от начала московской оборонительной операции до конца Ржевско-Вяземской наступательной операции, в ходе которой было завершено освобождение Московской области, наши потери составили 1896400 человек, в том числе безвозвратные — 957953 человека.[177]

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, несмотря на великие жертвы, как бы вдохнул новые силы в советских людей. По стране прокатилась волна митингов. Прошли они и в Сенгилее. Люди радовались как дети этой первой серьезной победе в Великой Отечественной войне, заранее зная, что им предстоят еще тяжелые испытания, пока захватчики не покинут пределы нашей страны. На митингах молодые и старые клялись сделать все от них зависящее, чтобы защитники Отечества на фронте ни в чем не знали нужды.

К концу 1941 года в районе было собрано 2356 теплых вещей, 1170 овчин и кож, 2225 кг шерсти и 3032 метра тканей для пошива нижнего белья и теплой одежды. В мастерской Сенгилеевского детского дома под руководством мастериц А. И. Додоновой и Е. Д. Коровиной было организовано производство фуфаек. Их шили в свободное от работы время воспитательницы, уборщицы, поварихи и воспитанницы. Шили теплую одежду сенгилеевские домохозяйки Нестерова, Тюрина и другие. 50 пар стеганых вещей приготовили для фронтовиков швеи промкомбината. Все это делалось безвозмездно, от доброй души российских женщин.

Районная комиссия в течение января 1942 г. отправила на фронт в 13 приемов более 700 посылок. В них было упаковано 1219 пар валенок, 159 полушубков и тулупов, 693 фуфайки и меховые телогрейки, 495 шапок-ушанок и другие вещи. Жители Сенгилея приходили в райисполком и просили комиссию пристроить в посылку их подарки: домашнее печенье, баночки с медом, вяленую рыбу и т. д. Некоторые приносили письма для неизвестных им бойцов.

Зима для жителей района оказалась нелегкой. Более шестисот человек до второй половины марта продолжали работать по мобилизации на военно-полевом строительстве, примерно три сотни мобилизовали на строительство железной дороги Казань—Сталинград. Тяжело приходилось и

тем, кто трудился в колхозах. Людей не хватало. Мужчин в селах почти не осталось. С осени помещения животноводческих ферм отремонтировать удалось далеко не повсеместно. Проблемой стала подвозка кормов. Не благоприятствовала этому и погода. Зима стояла на редкость суровая. Лютые морозы перемежались метелями, и температура падала порой до 40—42° С. Поездка в луга за сеном превратилась в мучение. Женщины и подростки в правлении стали просить, чтобы с ними посылали кого-нибудь из старичков, опытных навивальщиков, чтобы возы не разваливались по дороге. Так и создавали у ферм запас кормов на весну.

Зимой в Сенгилее открылись курсы по подготовке трактористов. Организованы они были по инициативе жены командира-фронтовика Гусевой, эвакуированной в Сенгилей с Украины. Основной контингент курсантов — подростки 15—16 лет, домохозяйки, не обремененные семьями. По просьбе Гусевой занятия по материальной части трактора согласился безвозмездно вести И. Е. Краснов. Не было керосина для освещения школы, где проходили занятия, его инициативная женщина купила на свои деньги. Потребовались наглядные пособия, детали, некоторые части тракторов—поехала в Шиловскую МТС, привезла. Заодно договорилась о прохождении курсантами практики на базе МТС. А в самой машинно-тракторной станции своя беда — из-за недостатка запасных частей затянулся ремонт тракторов.

13 марта, впервые после начала войны, райком и райисполком созвали широкое совещание работников животноводческих ферм. На нем шел разговор о том, как дальше вести хозяйство. Продуктивность скота резко упала, но речь шла главным образом об использовании коров и бычков на полевых работах. И не случайно. Еще летом и осенью сорок первого из района на фронт было отправлено 36 тракторов, 27 автомашин, 409 лучших лошадей, 240 повозок и более трехсот комплектов сбруи. Осенью зяби почти не было поднято. А начало сева — не за горами.

Долго после доклада сидели в раздумье женщины. Предложить что-либо радикальное никто не мог. Правда, приглашенные цементники пообещали в своей литейке кое-что



изготовить для МТС, обещали помочь с обработкой некоторых деталей и рабочие судоремонтных мастерских. У животноводов мнение было такое: обучим бычков, семена на них будем возить, а коровы в упряжке почти все уже ходили. Бороновать на них можно.

* * *

Весна 42-го была поздняя и затяжная. Сев шел медленно. Не хватало лошадей, техники, опытных трактористов. Те же, что были наскоро подготовлены, могли работать, пока шел трактор. Заглох, и начиналась истерика — плакали, матерились, а сил завести машину, особенно после перетяжки, не хватало: заводную ручку повернуть не осилят. Мучаются, мучаются, да и пойдут в слезах к соседней машине подруг звать на помощь.

К началу весеннего сева в каранинском колхозе «Пятилетка» из мужчин остался один бригадир — Александр Алексеевич Севоднясев. Остальные — девчата. Старшей Екатерине Алексеевне Севоднясевой шел девятнадцатый год.

На тысячу гектаров пашни имелось два стареньких СТЗ и один «Универсал». Была еще тракторная сеялка, да сцеп из трех конных. Тогда и появился в бригаде второй мужчина — четырнадцатилетний Саша Севоднясев. Он и стал помощником бригадира. И так было почти в каждом селе, разве только техники поменьше. В годину трудных испытаний молодежь быстро взрослела, становилась деловой и серьезной.

Стремление людей как можно быстрее посеять зерновые было велико. Некоторым приходилось работать по две смены. А трактористка колхоза им. Калинина Анна Сергеевна Петрухина из-за болезни своей напарницы однажды проработала три смены подряд. Семена, воду, горючее в поле подвозили на коровах. Сев в тот год затянулся до 18 июня. Засеяли по району 88 процентов посевной площади.

Не сидели без дела и сенгилеевские старушки, женщины, школьники. Они, выстояв длинную очередь за пайкой хлеба по карточкам, вскапывали каждый свободный клочок земли, где это было возможно, и засевали тыквой, свеклой, сажали картофель. Чтобы не расходовать на семена пусть и мелкий, но целый картофель, садили его

заранее заготовленными верхушками клубней, почти кожурой.

А в это время по западной окраине района, неподалеку от старой узкоколейки дороги Ульяновск — 38 километр, на отрезке Сызрань—Киндяковка, велось строительство новой. В районе будущей станции Красный Гуляй (станции тогда еще не было, стоял один вагон) военные строители выравнивали площадь под аэродром, бетонировали взлетно-посадочную полосу, рулежные дорожки, сооружали дизельную электростанцию и другие объекты аэродромного хозяйства.

В июне в Сенгилей пароходом доставили воспитанников детского дома № 43, вывезенных из блокадного Ленинграда. Привезли их сюда истощенных до крайности — кожа да кости — без необходимых вещей. Даже смены белья не было. Местные жители организовали для них сбор мисок, тарелок, ложек, чайной посуды, а также чулок, носок, одежонки выросших из нее сыновей и дочерей.

Сенгилеевцы и жители соседних сел жертвовали для ленинградских сирот молоко, творог, яйца и другие продукты. У кого что было. Артель «Красный воин» выделила на матрацы и подушки 90 кг мочала. Коллектив Гипроречтранса отчислил в пользу воспитанников трехдневный заработок — 4800 рублей — для приобретения одежды и обуви.

Впрочем, в военные годы не было такого месяца, когда бы рабочие и служащие оставались в стороне от различных сборов: то в фонд обороны, то на подарки бойцам и командирам, то в помощь сиротам, не говоря уже о займах, выкупах билетов оборонной денежно-вещевой лотереи и т. д.

Так, в повседневных хлопотах и заботах, в ожидании весточки от родных и близких и шло время, а на фронтах продолжались кровопролитные бои.

* * *

На участке Воронеж — Белая Калитва противник сосредоточил огромнейшие силы. Здесь находилась группа армий «Юг», которая через некоторое время была разделена на две группы. Одна из них по междуречью Волги и Дона взяла направление на Сталинград, вторая действовала южнее. Она спустилась в низовья Дона, ворвалась на Кубань и Северный Кавказ, захватив многие жизненно-важные промышленные центры, и продолжала наступление к нефтяным источникам Кавказа.

12 июля Ставка Верховного Главнокомандования образовала Сталинградский фронт. 17 июля с боев на реке Чир начала свой отсчет Сталинградская оборонительная операция. По степи немцы не смогли прорваться к южной части города. Советские воины, защищая внешний обвод Сталинграда, дрались отважно. Ни бомбардировки, ни плотный артиллерийский и минометный огонь не могли вынудить их оставить оборонительные рубежи. И только сосредоточив в излучине Дона огромнейшие силы, немецко-фашистским войскам 23 августа после страшного боя в районе хутора Вертячий удалось прорвать нашу оборону. Их танковые части вышли в районе тракторного завода к северной окраине Сталинграда. До волжского берега оставалось менее трех километров. Но тут перед ними насмерть стали воины 62 армии генерала-майора Чуйкова.

Сто дней и ночей длилась эта беспримерная битва. Город превратился в руины — в сплошное поле боя, в единую траншею длиной около 60 километров. Был в истории этой войны и такой трагический момент, когда глубина обороны советских войск сократилась до нескольких сотен метров. И на этих считанных метрах на участке заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады» насмерть стояли воины 45 дивизии и не позволили немецко-фашистским захватчикам сделать больше ни одного шага вперед. Кстати, эта дивизия была сформирована в Ульяновске и за свой подвиг на земле сталинградской 1 марта 1943 года была преобразована в 74-ю гвардейскую. Там же, в Сталинграде, наряду с другими, доблестью и славой покрыли себя воины 24 Самаро-Ульяновской железной, а также первой и 47 гвардейских стрелковых дивизий, тоже сформированных на территории нашей области. Все воинские части, участвовавшие в обороне города, перечислить невозможно, да я и не ставил перед собой такую задачу. Труднейшее испытание на стойкость и верность Родине вынес весь советский народ. Вряд ли в нашем отечестве найдется такой населенный пункт, в котором не было бы хоть одного человека, не участвовавшего в битве на Волге. Сталинград защищала вся страна. Твердыня

на Волге оттягивала на себя вражеские силы и с други направлений.

Стремясь обезопасить фланги и тыл своей кавказско группировки, высшее германское командование вынуж дено было перебросить под Сталинград четвертую танко вую, третью и четвертую румынские и восьмую итальян скую армии, значительно усилив тем самым это направ ление и ослабив кавказскую группировку, которая, пос ле занятия Нальчика, вынуждена была прекратить дальней шее наступление.

Положение в Сталинграде осложнилось. И все-таки за щитники города продолжали удерживать свои позиции Вместо павших приходили новые и выполняли свой дол до конца.

Молодой рабочий Василий Васильевич Глазков на пе редовую пришел прямо с рабочего места и стал пулемет чиком. Завод «Баррикады» — чуть пониже тракторного Там и пришлось участвовать в уличных боях. Вскоре Глазков,ставший командиром отделения автоматчиков, по лучает одно за другим два ранения, но остается в строю и даже отправляется с бойцами в разведку. В ту ночь он и получил третье роковое ранение. В сознание пришел за Волгой на операционном столе в Красном Куте Сара товской области. Год с лишним продержали его в раз личных госпиталях. После войны жил в Сенгилее, рабо тал токарем в лесокомбинате.

Там же в районе тракторного завода в составе бригады морской пехоты отстаивал сталинградскую землю (Алек сандр Иванович Дьяконов, пока не остался без руки. В послевоенные годы работал на Сенгилеевском цементном заводе машинистом вращающейся печи. Здесь к фронто вым наградам на его груди прибавился орден Ленина.

В тяжелых оборонительных боях от Воронежа до Ста линграда преодолел путь кладовщик Сенгилеевского лес промхоза, а на фронте помощник командира стрелкового взвода П. Сидоров.

Через Сталинград пролегал ратный путь и слесаря Сен гилеевской конторы коммунальных предприятий П. Евдоки мова.

Судовой механик А. В. Мартынов из Екатериновки работал на пароходе «Герцен». В тот июльский день он



Волжско-Камской линии, груженный боеприпасами, ос тался без механика. Предложил свои услуги. И с тех пор до самого ледостава у Мартынова был один маршрут — в Сталинград доставлял снаряды, а из Сталинграда до Сызрани — раненых. Под артиллерийским огнем, под бомбовыми ударами он не покидал своего поста у машин «Большевика». После войны более 20 лет Александр Васильевич работал на водном транспорте. За самоотверженный труд в апреле 1964 года награжден орденом Ленина.

Что для наших людей в то время означал Сталинград, красноречиво свидетельствуют письма. Вот одно из них, полученное жителем Сенгилея К. И. Репиным.

«Фронт. 8 октября 1942 года.

Здравствуй, Костя! Вчера получил от тебя письмо, за которое шлю большую благодарность. Если бы ты знал, как на фронте читаются ваши письма. Мы пьем из них каждую букву, не то что слово... Ты пишешь, что вы в Сенгилее много делаете, чтобы помочь фронту. Мы ощущаем эту помощь на деле. Я получил письма от Тони Пахомовой и нашей Нины. Они тоже пишут, что помогают убирать урожай сенгилеевскому колхозу...

Теперь по поводу сообщения в «Красной звезде», о котором ты пишешь. В июле 42-го мне выпала честь быть участником одной из серьезных операций. В этом наступательном бою роте очень мешал крупнокалиберный пулемет, который выпускал по нас очередь за очередью. Мне удалось довольно близко подползти к этому гадкому гнезду и двумя гранатами поднять в воздух и вражеский пулемет и находившихся около него фрицев. Это позволило свободнее действовать товарищам и успешно выполнить поставленную задачу.

Вот кратко за что меня 31 августа наградили. 26 сентября получая медаль «За отвагу», я сказал командованию, что в ответ на эту дорогую для меня награду еще крепче буду бить фашистских гадов, не остановлюсь на достигнутом.

С. Ф. Пузаков. Полевая почта 1657».

В октябре напряжение на сталинградском фронте достигло предела. Гитлеровская пропагандистская машина

объявила о его падении в ближайшие 5—7 дней. В немец-
ком генштабе на оперативных картах уже были вычерчены
стрелы в направлении Саратова, Сызрани, Куйбышева. А
Сталинград сражался. В решающий бой готова была
вступить вся страна. В населенных пунктах Нижней и Сред-
ней Волги создавались группы самозащиты. Были обра-
зованы они и в Сенгилее. На заседании райисполкома
отмечалось, что особенно активно работают группы по де-
сятидворкам на Мордовинской улице. Там под руковод-
ством Войтенко, Дубровского, Баукина, Шайкина и Кузь-
мина были выкопаны и обустроены щели для укрытия насе-
ления на случай бомбежки.

С 10 октября в районе был введен режим светомаски-
ровки. Организовано дежурство населения.

Люди знали, какие тяжелые бои идут в Сталинграде,
и делали все от них зависящее, чтобы облегчить жизнь
защитников Родины. Все лето не прекращался сбор средств
в фонд обороны. Собирали и отправляли с попутными
плавсредствами продукты питания. С конца сентября на-
чался сбор среди населения теплых вещей и их пошив в
местных мастерских. Напряжение на фронте чувствовалось
и потому, что назначенная на 20 октября районная пар-
тийная конференция была отменена до особого распоряже-
ния.

А тем временем Верховное командование за счет эконо-
мии сил на других участках советско-германского фрон-
та в короткий срок и очень скрытно сумело сосредоточить
на подступах к Сталинграду значительные силы, огневые
средства, и 19 ноября Советская Армия с северо-запада и
с юга перешла в контрнаступление. Развивая успех, со-
ветские войска 23 ноября в районе пос. Советский соеди-
нились с войсками Сталинградского фронта, завершив тем
самым окружение крупной группировки противника в
составе 22 дивизий общей численностью 330 тысяч человек
с большим количеством техники и вооружения. К началу
декабря был не только образован прочный внешний фронт
окружения, но взято в плен и разгромлено семь дивизий.

Вместе с сотнями тысяч бойцов и командиров в окру-
жении, а затем и ликвидации немецко-фашистской груп-



пировки участвовало и много сенгилеевцев. Значительной
части из них не суждено было вернуться в родные села.
Немало и таких, о подвигах которых мы до сих пор не зна-
ем, ибо за полвека с лишком семейные архивы, среди ко-
торых были и бесценные письма, не сохранились. А те,
что уцелели, еще ждут своих публикаций. Вот одна из та-
ких фронтовых весточек, любезно переданная мне Г. Я. Анти-
повым. Пришла она в село Артюшкино.

«Здравствуйте, уважаемые Антонина Ивановна и Елена
Ивановна! Пишет Вам однополчанин вашего брата Анти-
пова Александра Ивановича. Я служил с вашим братом
в восьмом отдельном мотоциклетном полку пятой танковой
армии. Александр служил во второй роте автоматчиков.
Он был младшим сержантом и командовал отделением. 19
ноября 1942 г. (в первый день наступления—В. Р.) наш
полк из станции Усть-Хоперской пошел в бой. Мы вошли
немцам в тыл. Прошли по их тылам почти 250 километров.
Вторая рота под командованием капитана Евгения Янков-
ского пошла на хутор Нижняя Осиповка (или Осиновка. На-
писано неразборчиво — В. Р.) Суровинского района Ста-
линградской области. Здесь разгромила штаб немецкого
полка, подорвала железнодорожный мост, а затем двину-
лась на хутор Дубовой Обливского района Ростовской об-
ласти. Немцы бросили на нас авиацию. Но несмотря на
бомбежку, пулеметный и автоматный огонь, рота уничто-
жила не менее сотни фашистов и склад, захватила штаб-
ную машину с немецкими офицерами, но потеряла два
экипажа, в том числе и Александра. Там же погиб и
друг Александра — Нуруллин Исхак Нуруллович из города
Чистополя Татарской АССР. Похоронены оба в хуторе Ду-
бовом.

Кузнецов Геннадий Романович».

Одним из участников сталинградской битвы был и
танкист Михаил Капралов из Русской Бектяшки. На своем
Т-34 ему удалось сбросить захватчиков с очень важной
высотки и обеспечить успех операции остальным. За этот бой
Михаил был награжден орденом Красной Звезды.

Первый бой на земле сталинградской танкист С. П.
Милевский принял под хутором Вертячим. Последний —
в сорок втором, когда противник неподалеку от ст. Котлу-

бань пытался прорвать кольцо окружения. Поставленную задачу выполнил. Был награжден вторым орденом Красной Звезды, но из-за тяжелого ранения вернуться в строй уже не смог. Занимался подготовкой молодых танкистов. После войны работал в Сенгилее.

В бой рвались все, кто мог. Добились отправки под Сталинград полным составом духового оркестра воспитанники детского дома, 15—16 летние юноши Владимир и Борис Даций, Гена Шатилов, Саша Иванов и другие. На фронт попасть им помогла резолюция какого-то большого начальника.

О подвиге капитана-артиллериста Филиппа Кузьмича Кирюхина 14 января 1943 года в бою за овладение высотой 119,7 в Сталинграде поведал в армейской газете писатель Николай Задонский. Вырезка из нее до семидесятых годов хранилась у матери Кирюхина, Прасковьи Ильиничны, в Сенгилее.

На сталинградское направление майор Павел Макарович Степанов получил назначение после выхода из госпиталя в мае 1942. Ему было поручено сформировать здесь 214 отдельный батальон танков КВ, который позднее вошел в состав 65-й танковой бригады. В бою у деревни Камышеватое 214 батальон завязал бой с немецкими танками. Силы были неравные. Командирская машина оказалась подбитой. Майор Степанов из пылающего танка выбирался последним: считал необходимым в первую очередь спасти экипаж. Едва затянулись страшные ожоги Степанов снова в бою. И снова тяжелейшее ранение. После войны жил в Сенгилее. В течение почти сорока лет пытался лечиться в госпиталях Москвы, Ленинграда, Ульяновска и других городов. Медицина оказалась бессильна. Раны не зажили до самой смерти.

Стрелковым полком во время сталинградской битвы командовал Алексей Петрович Дмитриев, уроженец села Каранино Сенгилеевского района, будущий Герой Советского Союза. За грамотное управление боем, инициативу, личную храбрость и мужество был награжден орденом Красного Знамени.

При ликвидации попытки освободить окруженную под Сталинградом группировку силами войск под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна, наступавших из района Котельниково на Сталинград, участвовал минометчик Петр Александрович Зотин. Был ранен в руку, в голову, но взвод не оставил, и лишь 28 декабря после третьего ранения в обе ноги был госпитализирован. Живет в Сенгилее.



Война — это чудовищная несправедливость. В последний день ликвидации в Сталинграде группировки Паулюса погиб выпускник Сегилеевской средней школы Женя Тимофеев. Это всего лишь несколько известных мне фамилий жителей района, а всего по неполным данным, которые удалось собрать, в защите Сталинграда и разгроме там вражеских войск только из Сенгилея и окрестных сел участвовало не менее 150 человек. Большинство из них уже никогда не вернется обратно.

Весть о крупной победе над немецко-фашистскими войсками под Сталинградом была встречена ликованием. На предприятиях, в совхозе и колхозах проходили многолюдные митинги. Состоялись они во всех населенных пунктах нашего района. На них люди клялись, что не пожалеют сил для того, чтобы обеспечить фронт всем необходимым, «проявят максимум заботы о дорогих бойцах и командирах».

9 января 1943 года штаб МПВО отменил в Сенгилее режим светомаскировки. А радио приносило все новые приятные сообщения.

С 10 января войска Донского фронта приступили к ликвидации окруженной немецкой группировки. Она была разгромлена в первых числах февраля 43-го.

Ободренные успешным наступлением наших войск на фронте, жители района постарались, чтобы защитники Родины встретили 25-ю годовщину Советской Армии с хорошим настроением. Районная комиссия отправила на фронт 118 посылок с подарками общим весом 4623 килограмма, в них были снедь, фруктовое вино, теплые вещи, махорка и другие гостинцы.

О том, какое это впечатление производило на фронте, свидетельствуют многочисленные письма. Кстати, 7 января 1943 года СНК СССР принял постановление «О бес-

платной отправке писем военнослужащим и в их адре[illegible] Это способствовало резкому увеличению переписки. [illegible]что, например, писала старший лейтенант медицин[illegible] службы Берлова: «Дорогим друзьям тыла — боевой п[illegible]вет. Я и мои товарищи, медицинские работники, благо[illegible]рим вас за присланные подарки. Теплые фуфайки, с[illegible]тые в мастерских нашего промкомбината, особенно до[illegible]ги мне. Мои товарищи, хотя и не знают вас, не зна[illegible] нашего городка, но тоже рады, что люди заботятся о фр[illegible]товиках. Простые слова ваших писем, вложенные в ка[illegible]маны фуфаек, воодушевляют и согревают нас. Клянем[illegible] вам, что мы, медработники, приложим все свои силы [illegible] будем чутко, ласково заботиться о здоровье дорогих [illegible]ших бойцов и командиров, пострадавших на поле боя. [illegible]дем работать рука об руку с вами и добьемся победы на[illegible] врагом.

Военфельдшер Берлова».

Впрочем, на фронте из женщин были не только ме[illegible]цинские работники. В конце 1942 г. — в начале 43-го [illegible] района было отправлено не менее 130 девушек и безд[illegible]ных женщин. Одни уходили добровольно, другие по мо[illegible]лизации. В армии они становились работницами по[illegible]вых почт, телеграфистками, снайперами, прожектори[illegible]ками, шоферами. Осваивали и иные специальности. Ср[illegible]ди отправленных были М. П. Дерова, В. С. Ариф[illegible] А. И. Исаева, В. С. Иванова, А. И. Ботлова (Корнило[illegible]) Н. В. Мыльникова, А. Н. Странина, А. Ф. Штырло[illegible] Т. Д. Каныгина и другие.

Следует также отметить еще одно серьезное событ[illegible] но уже не связанное с Отечественной войной. Ука[illegible] Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 19[illegible] года была образована Ульяновская область.

И так уже совпало, что после этого здесь впервые [illegible]явились военные в погонах. Погоны, как известно, б[illegible] введены Указом Президиума Верховного Совета СССР [illegible] октябре 1942 года, но до наших мест новые знаки ра[illegible]чия дошли только в январе 1943 г. в связи с размещен[illegible]ем здесь Второго Орджоникидзенского пехотного учи[illegible]ща. Начальником его был полковник Матвеев. Из офи[illegible]ров старожилы Сенгилея еще помнят старших лейтен[illegible]



тов Шаповалова, Вербина, Пилипенко, капитана Георгия Гололобова, лейтенанта Подскопаева. Среди местных ребят недостатка в курсантах не было. Из сенгилеевских здесь учились Иван Киселев, Петр Леманов, Виктор Гришин, из Вырыстайкина — Иван Краснов, Николай Афанасьев, Георгий Сорокин, из Р. Бектяшки — Леонид Хазов. Были и присланные из других мест. В основном все 1925 года рождения. В июле училище закрыли, курсантов выпустили сержантами. После небольшой переподготовки в Сызрани и Подмосковье почти все они вошли в состав 300-го воздушно-десантного полка 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и частично получили назначения в 99-ю десантную дивизию пулеметчиками. Кстати, в военные годы на территории района некоторое время проходила подготовку учебная рота понтонеров. Условия их подготовки на берегах Волги были идеальные.

В первых числах февраля в Сталинграде была полностью завершена ликвидация окруженных войск. Контрнаступления под Сталинградом переросло в общее наступление Советской Армии от Ленинграда до Азовского моря. За четыре месяца и 20 дней наши войска в труднейших условиях зимы на некоторых участках продвинулись на запад на 600—700 километров. Газеты Великобритании и Америки трубили о загадочной мощи русских, называли это чудом XX века. А чудо было простое — единство фронта и тыла, единство всего советского народа, стремление отдать все, но разгромить ненавистного врага.

На состоявшейся 5 марта XII районной партийной конференции в центре внимания стояли вопросы усиления помощи фронту, борьбу за урожай, за сохранение поголовья скота и повышение его продуктивности. Особенно остро был поставлен вопрос о подготовке к весеннему севу. И были основания для этого.

По Бектяшкинской МТС из-за недостатка запасных частей было отремонтировано только 27 тракторов — одна треть всех имевшихся. Не лучше обстояли дела и в Шиловской МТС.

20 марта 1943 года секретарь Ульяновского обкома ВКП (б) Терентьев и председатель облисполкома Киселев отправили в Кремль телеграмму: «...Желая всеми силами помочь Красной Армии разгромить немецко-фашистских

захватчиков, трудящиеся Ульяновской области внесли к ранее сданным в госбанк 39 млн. 969 тыс. рублей допол нительно из своих личных сбережений на танковую колон ну и эскадрилью самолетов 13140750 рублей, собранных с момента образования новой области, носящей имя вели кого Ленина. Просим на собранные деньги построить тан ковую колонну «Ульяновский колхозник» и эскадрилью «Родина Ильича». Сбор средств продолжается...».[178]

Ответная телеграмма с благодарностью И. В. Сталина и Красной Армии поступила в Ульяновск 25 марта, по по воду чего в тот же день прошли митинги, на которых вно сились дополнительные средства и брались повышенные обязательства. Вклад тружеников нашего района в общую сумму составлял 1 855 тысяч рублей.[179]

27 апреля телеграмму от Верховного главнокомандую щего получил и директор Цементнозаводской средней школы. В ней говорилось: «Передайте учащимся Сенгиле евской заводской средней школы, собравшим на строите льство танковой колонны 2016, на танк «Пионер» 1634 и на подарки Красной Армии 15 23 рубля, мои пожелания им здоровья, успехов в учебе и общественной работе. И. Сталин».

Вдоволь нааплодировавшись после объявления теле граммы на школьной линейке, дети словно повзрослели. Они чувствовали себя причастными к большому и важно му делу. Теперь о них даже сам товарищ Сталин знает. Огорчало только одно — очень хотелось есть, но основной продукт питания в весенне-летнее время — щавель — еще не взошел и взойдет не скоро.

А в Сенгилеевском детском доме вечером 27 апреля состоялся концерт фортепианной музыки. Афиши изве щали, что в нем принимают участие профессор Ленин градской консерватории Александра Игнатьевна Мурина —Марковская, артисты Ленинградского Мариинского те атра и воспитанники детского дома. Цена билета для взро слых 50 копеек, для детей — 10 копеек. Весь сбор посту пит в фонд обороны. Для некоторых воспитанников это был последний концерт в Сенгилее, так как им уже объя вили, что в мае, кому исполниться 14 лет, поедут в Улья новск сначала учиться, а затем и работать на оборонном заводе.



* * *

После разгрома гитлеровцев под Сталинградом советские войска в январе 1943 года прорвали блокаду Ленинграда, что позволило установить железнодорожное сообщение по южному берегу Ладожского озера. Полностью освободили территории Воронежской, Сталинградской областей, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской и Калмыцкой АССР, Ставропольского и Краснодарского краев, Черкесской, Карачаевской и Адыгейской автономных областей. Были освобождены почти полностью Ростовская, Харьковская и Курская области. Войсками Северо-Западного фронта на ряде участков удалось прорвать сильно укрепленную полосу 16-й немецкой армии и освободить Демянск, Лычково, Залучье.

Зимнее наступление Красной Армии закончилось в конце марта. Немецко-фашистские войска, отброшенные на запад, перешли к обороне на линии Мценск, Малоархангельск, Севск, Рыльск, Сумы, Белгород, реке Северный Донец. В районе Курска линия фронта образовала большой выступ, обращенный к западу. Он был занят советскими войсками.

Шла большая работа в тылу. Нужно было подготовить технику и семена к весеннему севу, по возможности не допустить снижения поголовья скота и его продуктивности. Обеспечить нормальную работу фабрик, заводов, особенно работавших на оборону, не дать остановиться предприятиям местной промышленности. Наконец, нужно было готовить кадры для армии, организовать людей в единый целеустремленный коллектив, озадачить их на достижение главной цели — победы над немецкими захватчиками.

В Сенгилее на состоявшейся 5 марта XII районной партконференции в центре внимания стояли вопросы усиления помощи фронту. Особенно остро был поставлен вопрос о подготовке к весеннему севу.

Из-за отсутствия запасных частей график ремонта до предела изношенного тракторного парка срывался, машинотракторные мастерские более-менее сносно были оснащены только в Русской Бектяшке. Здесь и руководство было поинициативнее.

Шиловская МТМ держалась только на энтузиазме рабочих, Они ухитрялись в кустарных условиях то изго-

тавливать радиаторные трубки для СТЗ-НАТИ, то роли‑ ки подшипников реставрировали, не имея сварочного аппа‑ рата. Ездили в судоремонтные мастерские, уговарива‑ ли знакомых рабочих, а те не в ущерб оборонным заказам все-таки помогали. Иногда выручали литейщики с цементно‑ го завода. Особенно проявляли инициативу токарь Ф. Го‑ рожанин, секретарь комсомольской организации медник Алеша Быстрицкий, тракторист К. Сергеев, порой сутка‑ ми не покидавшие рабочие места. Не было взаимопонима‑ ния лишь между директорами МТС. Например, расточат по просьбе шиловцев гильзы в Бектяшке, а директор при‑ казывает: не отдавать заказ до тех пор, пока не сделают ту или иную работу для них. А шиловским делать не на чем: станков нет. Заместители директоров МТС по полит‑ части шли в райком жаловаться. В райкоме же был в то время один единственный прием партийно-воспитательной работы — обязать, потребовать, наказать, отдать под суд. Особенно это стало процветать после XII партконферен‑ ции, когда первым секретарем стал Б. А. Горелик, вто‑ рым Савинов А. Н. Кроме них в состав бюро входили пред. райисполкома И. А. Митин, агроном П. А. Гранкин, прокурор М. А. Николаев, директор цементного завода Я. В. Мурзинов. Секретарь райкома по кадрам Е. М. Кра‑ снова в хозяйственные дела предпочитала не вмешиваться.

Деятельность свою Горелик начал круто. За апрель-июнь 1943 по его инициативе было снято с работы 6 пред‑ седателей колхозов и еще четверо отданы под суд, глав‑ ным образом за то, что семян в колхозах имелось лишь на половину посевной площади. И только смородинский «Койт» имел их в полной потребности.

Недостаток семенного материала было решено попол‑ нить за счет личных запасов колхозников.

21 марта состоялось общее собрание в сенгилеевском колхозе «Новый путь». Разговор начала парторг Анна Степановна Судакова.

— Мой муж, Алексей Иванович, — сказала она, — пи‑ шет мне с фронта: «Прилагайте все силы к тому, чтобы колхоз посеял как можно больше». А у нас в колхозе не хва‑ тает семян. Поэтому на пополнение семенного фонда я вношу 4 пуда пшеницы и 3 пуда картофеля.

Вслед за ней выступила жена фронтовика Анастасия Фе‑



доровна Рублева. Все знали, что у нее пятеро малолетних детей и она с ними переживает великие трудности, но в колхозный семенной фонд она пожертвовала три пуда пше‑ ницы и три пуда картофеля.

Колхозник Михаил Григорьевич Радаев заявил, что он почти весь год выполнял оборонные работы и в колхозе не трудился,но оказать помощь в трудный момент считает своей обязанностью и вносит в семенной фонд 6 пудов зерна.

По центнеру пшеницы внесли председатель колхоза Галандин и агроном Гладков. Остальные жертвовали кто пуд, кто полпуда.

23 марта состоялось совещание актива Алешкинского сельского Совета. Отец четырех сыновей-фронтовиков 60-летний Федор Ефимович Жегалин внес в семенной фонд 32 кг зерна, 25 кг семян конопли и 110 кг картофеля. Кол‑ хозник коммунист Н. И. Княгинин пожертвовал 50 кг пше‑ ницы и 50 кг картофеля. Многие жители вносили по 5—8 кг пшеницы; больше не было.

В шиловском колхозе «Новая жизнь» собрали 15 цент‑ неров зерна. Из них 32 кг внес престарелый Яков Ефимо‑ вич Дурнов, 15 килограммов — председатель сельского Со‑ вета Емельянов, 16 кг — Екатерина Агуреева и т. д. Учи‑ тель С. П. Иконников, пожертовав 13 кг овса и 17 кг картофеля, долго извинялся на собрании, что не в состоя‑ нии внести больше, т. к. пуд пшеницы на рынке стоит от 2,5 до 3 тысяч рублей, а его учительская зарплата только 200 рублей в месяц, и он уже давно ничего не покупает.

В бекетовском колхозе «Большевик» Пелагея Гаврили‑ на пожертвовала на семена 50 кг пшеницы, Петр Пан‑ телеевич Федин — 20 кг зерна и 32 кг проса, М. Н. Федо‑ това — 20 кг зерна. И так каждый, к кому обращались, жертвовал для колхоза от 20 до 70 кг семян.

Люди знали, что им вместе с детьми придется питать‑ ся одной картошкой, и все-таки, сознавая свою ответствен‑ ность за судьбу будущего урожая, за обеспечение фронта хлебом, а значит и за разгром врага, отдавали последнее. Вот это и было одной из загадок таинственного русского характера, которую не поняли тогда, да не могут понять и теперь некоторые политиканы.

Естественно, полностью восполнить недостаток семян

не удалось, но теперь семенной фонд увеличился почти на 12 процентов. Сложно было с техникой. Несмотря на обилие выговоров, свалившихся на директоров МТС, по бектяшкинскому кусту из 48 тракторов удалось подготовить только 20, в шиловском — из 51 на поля вышли лишь 19. Выручали старые кадры. Инвалидом вернулся с фронта мордовинский житель П. И. Кошелев. Каким-то образом с помощью жены ухитрился отремонтировать трактор ЧТЗ, а затем и комбайн. Правда, помогали ему и в МТС. Работал с ранней весны до осени. И как работал!

В колхозе «Новый путь» сев шел медленно. За 11 календарных дней было засеяно всего 57 гектаров. Первым в районе 25 мая сев закончил головкинский колхоз «Рассвет». Его председатель Степан Яковлевич Ростов, не особенно надеясь на МТС, сделал ставку на живое тягло. Трактором в этом хозяйстве было вспахано, посеяно и забороновано 147 га, а на лошадях, коровах и бычках — 306.

К 15 июня в целом по району план весенне-полевых работ был завершен. Зернобобовых и крупяных культур из 16020 га посеяно 14649, технических — из 1700 посеяно 1062, картофель из 1000 посажен на 453 гектарах. Овоще-бахчевые заняли 349 га из 520 по плану. Больше семян не было. Сев можно было бы закончить и раньше, но в мае стали наблюдаться странные заболевания людей. Вызванная «на ковер» главный врач больницы Азарова объяснила это так: люди голодают и вынуждены употреблять в пищу перезимовавшие в поле кисти проса. Вот причины токсической ангины.

В 1943-м значительно расширились площади под подсобные хозяйства предприятий и учреждений. На цементном заводе вместо 12 га под картофель и овощи отвели 64. Подсобное хозяйство стало занимать 20 гектаров, в больнице — 10. На заводе облпищепрома — 91 га. А всего сенгилеевские предприятия и учреждения вспахали и засеяли 378 гектаров.

* * *

На сенгилеевском пункте военного всеобуча продолжались занятия по подготовке снайперов. Образцовым считался взвод младшего лейтенанта Васютинского. Его



курсанты лучше других изучили боевой устав пехоты, хорошо освоили материальную часть винтовки, лучше других поражали цели. Особым прилежанием к занятиям отличались Лапушкина, Архипова, Морунова, Пискунова, Седенкова — всех не перечислишь.

На территории района действовал не только пункт всеобуча. Здесь проходила подготовку еще одна рота понтонеров. Кстати, командиром одного из взводов был прибывший после тяжелого ранения под Сталинградом Иван Сергеевич Куличков.

Вскоре подразделению понтонеров стало известно, что ребята старших групп из детского дома ушли работать на оборонные заводы, а вместо них детдом пополнился малышами. Личный состав роты взял над ними шефство. Они помогли скосить луга, сметали в стога сено, заготовили дрова. Не раз понтонеры приглашали воспитанников к себе в гости, катали их на катерах по Волге, показывали, как в связи с предстоящими наступательными боями будут наводить понтонные переправы на реках. Дети с удовольствием участвовали в их концертах художественной самодеятельности.

* * *

А в районе Курского выступа со дня на день назревали бои. Немецкое командование сосредоточило здесь более 3000 танков, около 7000 орудий, 3000 минометов и около 2000 самолетов. Соответствующие резервы подтянуло и советское командование. Кроме того, советские войска с апреля занимались укреплением своих позиций. За первой линией укреплений возводилась вторая, за второй—третья. Завязывались воздушные бои с асами немецких воздушных сил «Рихтгофен».

5 июня в 5.30 противник обрушил ураганный огонь своих батарей на передний край обороны советских войск. Наступление велось со стороны Орла и Белгорода. Немцы ставили задачу — нанести поражение советской армии в районе Курска и открыть себе дорогу на Москву. В результате недельного наступления ценой огромных потерь фашистам на Орловско-Курском направлении удалось продвинуться на 6—8 километров, а на Белгородско-Курском — до 30—35 км.[183]

С тревогой и надеждой жители района следили за событиями на фронте. Каждый рабочий день в поле или на производстве начинался с информации, переданной утром по радио. С успокоительными информациями обычно выступали учителя, с тревожными — работники райкома. Немецкое наступление захлебывалось. Потеряв надежду прорваться к Курску на основном направлении, немецкое командование, стянув отборные танковые части, предприняло обходной маневр через станцию Прохоровка. Утром 12 июля на поле под Прохоровкой завязалось невиданное в истории Отечественной войны встречное танковое сражение. С той и другой стороны в нем участвовало более чем по две тысячи танков.

В тот же день перешли в наступление ударные группировки Брянского и Западного фронтов советских войск. Измотав и раздавив на Курской дуге немецкие силы, советские воины освободили Орел и Белгород. В тот летний вечер впервые в честь войск, участвовавших в Белгородской операции, прозвучали в Москве 12 артиллерийских залпов из 124 орудий.

Контрнаступление Красной Армии, начавшееся под Курском, переросло в общее наступление. В августе—сентябре была успешно проведена Смоленская операция. Войска Западного и Южного фронтов, разгромив крупную группировку немецко-фашистских войск, освободили Донбасс, овладели Таганрогом. Советская армия нанесла поражение оккупантам в левобережной Украине и отбросила их за Днепр, освободила Киев и продолжала продвигаться на запад. А в тылу врага разрасталось и крепло партизанское движение.

Много наших земляков полегло в летних боях 1943 года, навеки прославив себя ратными подвигами. Не меньше с победой вернулось к родным очагам, а многим еще предстоял трудный путь до Берлина.

С первого дня боев на Курской дуге и до последнего участвовал в них Александр Иванович Рублев из Новой Слободы.

В составе второго танкового корпуса воевал под Прохоровкой и соседним с ней Уразово, а затем участвовал в освобождении Киева Иван Игнатович Волков из Кроткова.



Командиром взвода под Курском начинал свою военную биографию сварщик цементного завода Алексей Иванович Дубровин. Отличился, был замечен командованием как смелый и инициативный командир. К концу 1943 он уже командовал ротой.

За отвагу и мужество, проявленные в боях под Харьковом. посмертно награжден орденом Красной Звезды Алексей Лазарев из Сенгилея.

Внес свой вклад в освобождение городков Трубачевск, Стародуб, десятков других населенных пунктов и областного центра Орла тушнинский тракторист — в боях минер и пулеметчик — Иван Павлович Комаров.

Досыта и даже больше хлебнул лиха сенгилеевец Иван Иванович Семьянов. Еще под Вязьмой ему пришлось пережить семичасовую бомбежку, стершую вокруг все живое. Лесами и болотами выходил из окружения под Великими Луками, прошел немыслимый ад сражения под Курском. И так до конца войны. Награжден тремя боевыми орденами.

Его младший брат Николай Иванович Семьянов служил в составе гвардейского полка на легендарных тогда «Катюшах». Был ранен под Изюмом, наскоро подлечился, участвовал в боях за Киев.

Около села Гребенки Кочарлыкского района Киевской области командир полка А. П. Дмитриев одним из первых со своим личным составом форсировал Днепр, занял плацдарм и развернул наступление. За дерзкую и успешную военную операцию Алексей Петрович Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1943 года был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Свой первый бой житель с. Артюшкино Василий Павлович Ефремов принял под поселком Успенское Курской области, там же получил и ранение.

Во время боев за станцию Мга под Ленинградом остался без обеих ног Николай Александрович Коньков. После демобилизации почти до 70 лет работал на Кучуровском щебеночном заводе.

Кто-то подсчитал, что 60—65 процентов раненых во
время войны возвращались в строй только благодаря сво
евременно оказанной медицинской помощи. Десяткам ра
неных оказала первую помощь и десятки вынесла с поля
боя санинструктор санитарного взвода Антонина Михайлов
на Кувшинова из Сенгилея. При освобождении Брянска
была ранена, а как только затянулись раны, продолжила
свою благородную работу в составе войск второго Белорус
ского фронта.

На Курской дуге вместе со своим взводом вел бой лей
тенант Александр Михайлович Матяшин из Кроткова. Здесь
же и был тяжело ранен.

Дивизионная газета «Атака» во время боев на правом
берегу Днепра в одном из октябрьских номеров писала
«Санинструктор Аня Плеханова самоотверженно действова
ла на поле боя, оказывая помощь раненым. Получив два
ранения, не покинула боевого поста. В тот день 4 октябр
она вынесла с поля боя девять раненых и многих способ
ных двигаться перевязала. Под конец боя была контуже
на...». 14 октября она писала Прасковье Николаевне Бе
няковой в село Бекетовка нашего района: «Тетя Паша
Моя контузия проходит. Теперь слышу хорошо и гово
рить лучше стала, но раны еще не зажили. В скором бу
дущем снова пойду защищать Родину. Буду мстить немец
ким захватчикам за брата Сему». Это письмо было послед
нее. Известно, что Аня вернулась в часть и вскоре был
смертельно ранена.

Как известно, немалую роль в освобождении земли
русской, особенно в 1942—43 г.г., сыграли партизаны. И
нашего района в партизанских отрядах воевали не мене
10 человек. В их числе Антонина Федоровна Басманова и
Тушны. Ушла она в партизанский отряд по комсомольско
му призыву. Прошла соответствующую подготовку и
была переправлена в партизанский отряд им. Гастелло. К
осени 1943 года на счету ее группы были два эшелона
военными грузами, пущенные под откос. Зимой 1943 вме
те с мужем комиссаром отряда Юрием Ярошенко прие
жала на родину. Выступала в Сенгилеевском Доме культуры
перед молодежью.



Всех участников боев 1943 года, к сожалению, перечис
лить невозможно, да за давностью времени и послевоен
ными событиями безвозвратно утеряны многие бесценные
документы военных лет — письма с фронта, свидетельства
очевидцев.

А пока на фронтах Великой Отечественной войны шло
достаточно успешное наступление наших войск, жители
Сенгилея и окрестных сел жили заботами об урожае. На
уборке его были заняты не только колхозники, рабочие и
служащие, но и 1418 школьников. Особенно хорошо ла
дилось дело в смородинском колхозе «Койт». Там без
дела не оставалось ни одного человека. На одно из ком
сомольских собраний пришел председатель колхоза Сут
тер. Он рассказал о том, что виды на урожай не очень
хороши, нужно убрать все, что уродила земля. Пореко
мендовал сельским ребятам сделать полсотни маленьких
грабель. Через день пригласил в правление всех учеников
местной школы, вручил каждому грабельки, мешки для
колосков и сказал: тот, кто будет каждый день набирать
по мешку колосков, правлением станет зачисляться в удар
ники и в конце уборки получит премию. Назначил стар
ших, ответственных за подвозку мешков из поля на ток. Ре
бятня старалась, все работали по четыре часа в день. По
терь зерна на полях в этом хозяйстве не было. Не могу
утверждать: по этой ли причине, потому ли, что поля были
хорошо обработаны, а скорее всего сказалось и то, и дру
гое, но это был единственный в районе колхоз, который со
брал с каждого гектара без малого по десять центнеров.
«Койт» полностью россчитался с государством по хлебо
поставкам, засыпал семена, выдал колхозникам по два
килограмма зерна на каждый заработанный трудодень и по
500 граммов овощей.

В других хозяйствах урожай оказался скромнее. В
тиранинском колхозе «Пятилетка», в новослободском «Тру
де», в лапшанском им. Кирова, в головкинском «Рассвете»,
в «Ударнике» (Каменный брод) собирали от 6 до 9 центне
ров, а в сенгилеевском «Новом пути», бектяшкинском
«Луче социализма», елаурских, тушнинских и других колхо
зах лишь от 1,8 до 4 центнеров. Собственно, на иное и

нечего было рассчитывать: большинство хозяйств сеяли по весновспашке, некондиционными семенами.

Аналогичное положение могло сложиться и в следующем году: по району на 15 октября 1943 года зяби было поднято всего 12 процентов, в большинстве хозяйств не полностью посеяны озимые.

Значительно лучше обстояли дела в промышленных предприятиях района. Здесь большинство коллективов успешно выполняли планы и даже проявляли кое-какую собственную инициативу. Так завод облпищепрома нашел возможность удовлетворить собственные потребности в хозяйственном мыле. Эксперимент удался. Решили наладить выпуск мыла из давальческого сырья и для населения.

В августе 1943 года на улицах Сенгилея появились пространные объявления: «Плодокомбинат для изготовления мыла принимает от населения и организаций жиры и золу на следующих условиях: сало всяких животных по государственной цене. Кроме того за каждые сданные 600 гр. жиров выдает 1 кг мыла; за 20 килограммов сухой просеяной золы (древесной, подсолнечной, соломенной из разных бурьянов) продается один килограмм мыла. Прием жиров и золы производится в р. п. Сенгилей на заводе облпищепрома».

Кстати, о названии этого предприятия. В разное время оно называлось то плодосушильным заводом, то плодокомбинатом, то заводом облпищепрома. Переименования следовали столь часто, что не только население, но и контора завода называла его то по-старому, то по-новому.

С осени 1942 года завод облпищепрома начал строить новый консервный цех. Строительство велось собственными силами. Всех, кто занимался его сооружением, назвать, конечно, невозможно. Но судя по документам, больше других над его возведением, установкой и отладкой оборудования трудились, очевидно, Маркелов, Нуждин, Носов, Семьянов, Голубева, Каледина и другие работники.

Предназначался он для выпуска мясо-бобовых консервов. Первая партия их была изготовлена в августе 1943 г. После государственной экспертизы цеху установили план — 2 миллиона банок в год, выдали наряд на тару, упаковочный материал, основные компоненты. Мясо-бобовые консервы поставлялись для армии.



Кроме обычной продукции, заводу впервые включили в план переработки 240 тонн дикорастущего сырья, однако заготовить его удалось только 56 тонн. Возникли сложности с подвозкой топлива. Правда, на заводе имелось 13 лошадей, но работали они, в основном, на подсобном хозяйстве, которое директор предприятия Семенихин в 1942—43 г.г. расширил до 91 гектара.

Как всегда хорошо шли дела на судоремонтном заводе. Наркомат речного флота СССР каждый квартал поощрял лучших производственников. На этот раз персональные наркомовские премии в размере месячного оклада получили котельщик А. И. Башарин, токари В. З. Молоков, и В.С. Шубин, столяр А. Ф. Рубинчин, слесари Н. Ф. Барабошин и Н. Г. Захаров.

Коллектив лесхоза, как обычно, занимался уходом за лесопосадками, изготовлением полозьев, дуг, колес. В 1943 году здесь появился спеццех, в котором выпускали ружейные болванки, иначе говоря, заготовки для винтовочных прикладов. Требовалось их много и очень хорошего качества. Время от времени к их выпуску подключался промкомбинат. Вполне удовлетворительно работали сенгилеевские промартели.

Во время летне-осеннего наступления Красной Армии, линия фронта была отодвинута от Москвы на 900—1300 километров. Эвакуированному населению и некоторым организациям по их просьбам начали выдавать пропуска в столицу. Получил такое разрешение от Наркомата речного флота и эвакуированный в 1941 году в Сенгилей институт «Гипроречтранс». Пока утрясали вопрос с документами, особенно с пропусками, без которых тогда невозможно было попасть ни в один поезд и ни на один пароход, облисполком сделал местным властям заманчивое предложение — разместить в освобождающемся здании «Гипроречтранса» Ульяновское русское педагогическое училище, находившееся в селе Крестовые Городищи.

Оказался он там при следующих обстоятельствах. С началом Великой Отечественной войны по распоряжению Государственного Комитета Обороны лучшие здания Ульяновска, как и других городов, передавались в ведение Наркомата обороны, Наркомздрава и других правительственных ведомств. Так лишился родного гнезда Ульяновский

библиотечный техникум, а его учащиеся на правах библиотечного отделения были переданы в Ульяновское русское педагогическое училище.

Вскоре, чтобы освободить еще одно здание под госпиталь, педучилище перевели в Крестовые Городищи Чердаклинского района. Село хорошее, расположено на берегу Волги неподалеку от города, утопает в садах. Однако базы для занятий в нем не было. И все же педучилище с переданным ему библиотечным отделением работало здесь в полную силу два года. За предложение облисполкома сенгилеевские власти ухватились, что называется, обеими руками. Тем более, что им было сказано, что педучилище будет переименовано из Ульяновского в Сенгилеевское.

Когда же в облисполкоме окончательно и официально решили вопрос о переводе училища в Сенгилей, в конце сентября 1943 года в «Ульяновской правде» и местной газете «Сталинский организатор» появились вот такие объявления: «Сенгилеевское педагогическое училище объявляет набор учащихся в первые, вторые и третьи классы школьного и библиотечного отделений. Библиотечное отделение готовит инспекторов политпросветработы районных отделов народного образования и заведующих районными библиотеками. Принимаются лица, окончившие 7 классов средней школы. Вступительные экзамены по русскому языку и арифметике с 29 сентября в селе Крестовые Городищи. Документы и заявления принимаются в Сенгилеевском РОНО.

**Дирекция».**

В сентябре вышло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от оккупации». Встречено оно было не с былым восторгом, но с пониманием его важности. Постановление обсуждалось на общих собраниях во всех колхозах, организациях и предприятиях. Первым на это постановление отозвался коллектив сенгилеевской промартели «Кирпичник». Ее председатель Долников предложил помочь Сталинграду строительными материалами. Через несколько дней городу



герою было отправлено пароходом 30 тысяч штук кирпича. Мало, конечно, но сгодится.

Вторыми решили взять шефство над одним из колхозов Курской области смородинские колхозники колхоза «Койт». Адрес его секретарю парторганизации Губановой дали в райкоме. После этого в колхоз «Красный строитель» Белгородского района Курской области 9 сентября было отправлено письмо. В нем говорилось, что смородинские колхозники берут над ними шефство, выделяют 300 пудов семенного зерна, 15 голов крупного рогатого скота, кое-что из строительного инструмента и сельскохозяйственного инвентаря. Граждане с. Смородино также заверяли, что их шефство — не кратковременная кампания, а будет продолжаться до полного восстановления хозяйства и призывали все колхозы района не остаться равнодушными к беде, постигшей их братьев и сестер в селе Ближняя Игуменка Белгородского района от фашистской оккупации. Письмо подписали: председатель колхоза «Койт» Суттер, председатель сельского Совета Губанова, бригадир Пульвер и колхозник Михалев.

Ответа не было долго. Наконец, в начале ноября, перед праздником в правление «Койта» пришло письмо. Послушать, что пишут подшефные, собралось все село. В ответе говорилось: «Дорогие товарищи! Наше село Ближняя Игуменка до войны жило зажиточно. У каждого колхозника была светлая, чистая и просторная хата. Каждый держал корову, овец, свинью, кур. В селе жило 330 семей. Были у нас школа, клуб, изба-читальня, пасека, сады, колхозная автомашина. Люди работали дружно и споро.

Война оборвала нашу счастливую жизнь. 16 месяцев висела над селом черная туча фашизма. За это время из колхозной семьи немцы расстреляли 12 человек, угнали в Германию на каторжные работы 13 человек. Все мы лишились крова и имущества, нажитого в светлые дни колхозной жизни. Трудно перечислить все ужасы, принесенные войной. Теперь мы снова в великой дружной семье советского народа.

Сегодняшний день для нас счастливый. Радостно чувствовать, что где-то далеко, где не ступала нога фашиста, о нас заботятся, стараются помочь стать на ноги, наладить нашу жизнь.

Сегодня мы всем колхозом читаем ваше письмо и в ответ на вашу заботу и поддержку обязуемся честно трудиться над восстановлением нашего хозяйства, закончить вспашку зяби, построить 120 хат для колхозников и теплые животноводческие помещения для скота».

Почти одновременно пришло письмо и секретарю Сенгилеевского райкома Горелику. В нем Белгородский РК ВКП (б) выражал сердечную благодарность за то, что колхоз «Койт» взял шефство над колхозом «Красный строитель» Белгородского района и уже оказал ему посильную помощь. Далее в письме рассказывалось, что в Белгородском районе Курской области оккупанты сожгли 32 населенных пункта, что 7000 семей из 11840 остались без крова. Уничтожены все школы, больницы, клубы, конные дворы, коровники, разорены две машинно - тракторные станции, немцы вывезли или уничтожили все тракторы, плуги, сеялки, бороны и т. д.

Колхозники, рабочие, интеллигенция буквально ограблены — оставлены разутыми и раздетыми дети и взрослое население. До оккупации в районе было 15000 коров, сейчас осталось лишь 1328. В колхозах сейчас насчитывается 71 лошадь, из них около полусотни раненых, 180 овец и коз, 62 курицы. «...Вам известно, что территория Белгородского района в дни июльского наступления была ареной кровавых сражений. На нашей земле нашли себе могилу отборные дивизии оккупантов. Сообщаю кратко об этом потому, что, может быть Вам придется проводить собрание с колхозниками колхоза «Койт». Прошу пересказать им изложенное в письме и передать искреннюю благодарность за оказанную помощь».

Письма белгородских и смородинских колхозников, а также Белгородского райкома, 13 ноября были опубликованы в районной газете. Все это вызвало активный отклик в других населенных пунктах. Так, колхоз им. Кирова выделил колхозу «Красный строитель» 300 пудов семенного картофеля, три телки, 5 овец, двухлемешный плуг, 8 полотен борон. «Кроме того, — сообщали они в Ближнюю Игуменку, — каждая семья дарит вам по 50 килограммов семенного картофеля, организуем сбор строительных инструментов». Письмо подписали: председатель колхоза им. Кирова Алази, бригадир Эльфрида Немме, зав. фермой Амер. Никольский колхоз им. Кагановича выделил белгородцам 2 телки и одну свинью, тушнинский колхоз им. 50-летия т. Сталина пожертвовал ближне-игуменским колхозникам 8 голов крупного рогатого скота, 14 овец, 30 кур. Кротковские колхозы отправили пострадавшим от оккупации 5 плугов, столько же конных сеялок и борон. Рабочие плодокомбината собирали строительный инструмент. Комплектовал колхозный медпункт коллектив районной больницы. Школьники дарили учебники, тетрадные листы, карандаши, ручки, детские игрушки.

А всего в 1943—44 годах на белгородчину было отправлено 396 голов молодняка крупного рогатого скота, 745 овец, 120 поросят, 400 кур, 70 пчелосемей. Что же касается колхоза «Койт», то он оказывал своим подшефным помощь до конца 1945 года и вел с ними постоянную переписку.

В середине шестидесятых годов белгородские журналисты вспомнили о бескорыстной помощи колхоза «Койт» и очень тепло рассказали о ней в областной газете. Однако колхоза «Койт» к тому времени уже не было. По решению наших районных властей село Смородино стало бригадой артюшкинского колхоза «Мировой Октябрь», а затем и совхоза.

Их попытки найти непосредственных участников добрых дел эстонского села, чтобы пригласить их в гости, посмотреть каким стало их подшефное хозяйство, успехом не увенчались.

Ноябрь в Сенгилее ознаменовался торжествами не только по поводу революционного праздника, но своего собственного: Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 ноября 1943 года Сенгилей был возведен в ранг города районного подчинения. В связи с этим в местном Доме культуры состоялось торжественное собрание и большой концерт.

## 1944 ГОД

К началу сорок четвертого года советско-германский фронт проходил по реке Свирь, озеру Ильмень, западнее Великих Лук, восточнее Витебска, западнее Гомеля, через

Житомир, Запорожье и у Херсона подходил к Черному морю.

Зимнее наступление началось 14 января. Войска Ленинградского фронта, прорвав укрепления противника, овладели городами Царское Село и Павловск (Слуцк). 19 января они заняли Лигово. Войска, наступавшие от Пулковских высот, соединились с силами, продвигавшимися из района Ораниенбаума, перерезали железную дорогу Гатчина — Нарва.

Действия войск Ленинградского фронта были грамотны и напористы. 26 января они штурмом овладели Гатчиной, а на следующий день заняли Волосово и Тосно. Прославленный Волховский фронт освободил от немецко-фашистских войск город Любань и железнодорожный узел Чудово.

Первого февраля войска Ленинградского фронта, развивая дальнейшее наступление, форсировали реку Луга и в результате обходного маневра вышибли противника из города Кингисепп.

Развивалось наступление и в Белоруссии. К концу февраля были почти полностью освобождены Гомельская, Полесская, ряд районов Могилевской и Витебской областей.

Одновременно в ходе зимнего наступления Красная Армия разгромила мощную оборону на всем протяжении Днепра — от Жлобина до Херсона, одержала крупные победы на Правобережной Украине, завершила освобождение Киевской, Днепропетровской, Запорожской и Житомирской областей, а в районе Корсунь-Шевченковский наши войска окружили и уничтожили 10 немецких дивизий и мотомеханизированную бригаду. В марте—апреле Советская Армия во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией освободила Одессу и Крым.

В те трудные годы у каждого региона, каждого человека были свои четко очерченные задачи. Поволжье, например, готовилось к весенне-полевым работам или, как говорили тогда, — к битве за урожай. В Бектяшкинской МТС в февральские дни коллективы тракторных бригад Павла Ивановича Слугина, Василия Ильича Исаева, Серафима Корнилаевича Семина и Петра Ивановича Фролова заканчивали ремонт тракторов и прицепного инвентаря.



Дирекция МТС и политотдел поздравляли с трудовыми успехами токарей — Ивана Федоровича Барыкина, Ивана Дмитриевича Первова, Сергея Александровича Гусева, слесаря-медника Людмилу Васильевну Корчашкину и других славных тружеников, за счет усилий которых готовился тракторный парк к полевым работам.

В Шиловской МТС работали, в основном, женщины. Здесь за хорошее качество ремонта была занесена на Доску почета тракторная бригада Поли Ананичевой. Приказом директора объявлена благодарность за хорошую работу на ремонте Клаве Подмарьковой, Евгении Зотовой, Поле Мусатовой, Насте Ананичевой и Евгении Логиновой.

В Сенгилее в феврале проходила XIII районная партийная конференция. Тогда это считалось событием первостепенной важности. Проводилась она, как обычно, с помпой — избранием почетного президиума в составе членов Политбюро «во главе с организатором и вдохновителем всех наших побед товарищем Сталиным», сопровождалась многочисленными патриотическими речами и выступлениями, принятием социалистических обязательств, верноподданическим письмом Иосифу Виссарионовичу, многостраничным постановлением и бурными аплодисментами, а заканчивалась обязательно пением «Интернационала».

Работа райкома на конференции была признана неудовлетворительной потому, что, наряду с успехами отдельных колхозов и промышленных предприятий, районная партийная организация в целом не справилась с поставленными перед ней задачами по выполнению обязательств перед государством по производству и поставкам сельскохозяйственных продуктов, по дальнейшему развитию общественного животноводства и по выпуску промышленной продукции.

28 февраля на организационном пленуме райкома первым секретарем избрали Михаила Михайловича Правикова, вторым — Александра Андреевича Борисова и секретарем по кадрам — Александра Евстихеевича Балабанова. Они же вошли и в состав бюро. В состав этого же органа были избраны пред. райисполкома Е. М. Панов, зав. отделом пропаганды райкома Р. П. Миронова, директор цементного завода Я. В. Мурзинов и заведующий районным земельным отделом В. М. Крылов.

Для жителей района зима с 1943 на 1944 год была необычайно трудной. Не получив ничего на трудодни и съев старые запасы, некоторые семьи просто голодали. В редком доме тогда не было ручной жестяной мельницы. На ней мололи все — от высушеной картофельной шелухи, пригоршни отходов до раздобытой вязанки соломы. Принесенную солому пермолачивали, а из добытых таким образом зернышек для детей варили военное фирменное блюдо — затируху. Взрослые довольствовались отходами, в состав которых, в основном, входила лебеда.

Были случаи, когда доведенные до отчаяния люди брали топор, салазки и поздно ночью, чтобы никого не встретить, ходили в поле, где сваливали павших от бескормицы лошадей. Отрубали кусок конины и везли домой варить жиденький супчик. Но от людей на деревне не спрячешься и ничего не скроешь. В таких случаях женщины-соседки шли в правление и вели с председателем разговор с глазу на глаз: женщины знали о чем и как говорить. Председатель в этих случаях, какой бы он ни был прижимистый, сдавался и выписывал страдальцу несколько килограммов фуражной муки из отходов.

К счастью, заболеваний от употребления в пищу различных суррогатов и даже павших лошадей в районе не было. Больше людей погибало от дурной погоды, особенно в марте, когда при сильном морозе вдруг начинал крупными хлопьями валить снег, а минут через 10—15 разражалась необыкновенной силы пурга. Она и уносила десятки жизней путников, поехавших в лес за дровами или в луга за сеном для колхозного скота.

* * *

Весна в сорок четвертом выдалась затяжной и холодной. Первые подвижки льда на Волге начались в середине апреля. Сенгилеевский колхоз «Новый путь» выехал в поле только 23 апреля.

В тот же день/в городском военно-учебном пункте проходили зачетные испытания снайперов. Едва успел мл. лейтенант Денисов доложить начальнику пункта итоги стрельб, как появился посыльный. По военному доложил: «Товарищ старший лейтенант! Вам срочная телефонограмма из райкома», — и, козырнув, подал листок бумаги. В



нем было написано: «Начальнику городского военно-учебного пункта ст. лейтенанту тов. Самойлову.

Обязываю вас завтра к 6 часам утра прибыть в райисполком со всем личным составом.

Секретарь РК ВКП(б) М. Правиков».

Наутро с восходом солнца около райисполкома собралось человек около двухсот. Были работники райвоенкомата, милиции, рабочие местных предприятий, учащиеся старших классов, незнакомые военные — одни с винтовками, другие с автоматами, но большинство никакого оружия не имело. Курсанты военно-учебного пункта, уже приготовившиеся к самому нелюбимому делу — погрузке дров для КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть Ульяновского гарнизона), быстро сообразили, что на этот раз пахнет не дровами, а чем-то более серьезным.

Собравшихся поделили на группы по 15—20 человек, назначили старших. Пожилой военный без знаков различия инструктаж начал с того, что сообщил: «На днях ночью в лесной массив юго-западнее Сенгилея был выброшен немецкий десант. Четверо из выброшенных диверсантов задержаны. У них изъято значительное количество оружия, боеприпасов и взрывчатки».

«Поэтому, — продолжил военный, — перед нами стоит задача тщательно прочесать лес. Быть предельно внимательными и осторожными. Руками ничего не трогать, но обращать на все, что покажется подозрительным, — будь то окурок или клочок бумаги, кострище или след сапога, куча хвороста или бугорок земли. Обо всем немедленно докладывать старшему группы. Еще раз предупреждаю: будьте осторожны. Не исключено, что задержана лишь часть диверсионной группы. Остальные могли затаиться где-то в лесу».

Группа поиска, добравшись до леса, растянулась в длинную цепь. Шли так, чтобы не терять друг друга из виду.

Примерно через час с небольшим группа школьников обнаружила на краю поляны зацепившийся за ветки одинокой сосны парашют, а рядом в кустарнике — ящик серо-зеленого цвета. Были и другие находки, не относящиеся к пребыванию в лесу посторонних людей.

Группа «Курт», сброшенная в 12 километрах от Сенгилея, была всего лишь одним из звеньев задуманной немцами операции «Волжский вал».

Советская армия неудержимо продвигалась вперед. На юго-западе наши войска уже вышли на государственную границу. Вступили в пределы Румынии. Советская Армия вела подготовку к полному освобождению Молдавии, Белоруссии. Но фашистский зверь все еще огрызался, цепляясь за каждый рубеж, стремился пакостить как только мог. Фашисты, надеясь на новое фантастической силы оружие, обещанное им Гитлером, пока еще не отказывались от своих замыслов, если не поработить нашу страну, то хотя бы сохранить завоеванное. Считали, что для этого все средства хороши.

Диверсионная группа «Курт» была сформирована из советских военнопленных, находившихся в немецких концентрационных и пересыльных лагерях. Голодные, измотанные побоями охранников и тяжелейшей работой на погрузке и разгрузке вагонов со строительными материалами, военнопленные быстро превращались в живые скелеты, и их с каждым днем становилось все меньше. Выживали самые крепкие. Вот с ними и начинали работу гитлеровские вербовщики. Был среди них и ульяновский шофер. Он, будучи контуженным, попал в плен в Крыму. Издевательства немецких охранников наводили на него ужас, а расправы немцев все ужесточались. За малейшую оплошность или нерасторопность они расстреливали каждого десятого, каждого пятого и даже каждого третьего. Чтобы избежать расправ, он старался подниматься первым, когда гнали на работу. Трудился насколько мог старательно. Вытягивался по стойке «смирно», когда к нему обращался капо или кто-то из охранников. Чтобы выжить, начал осваивать немецкий язык.

Кончилось это тем, что его сначала стали выделять среди других, подкармливать и склонять к предательству. Затем была разведшкола. В ней обучали топографии, подрывному делу, правилам поведения в тылу «врага», сбору сведений об экономическом положении и политических настроениях населения определенных районов. Учили пользоваться личными документами, изучали правила их оформления.



Первоначально группу «Курт» предполагалось выбросить в Жигулях, но когда в разведцентре состоялось что-то вроде экзамена, шофер рискнул заявить, что район Жигулевских гор представляет смутно и высказал пожелание, что значительно лучшим местом выброски десанта будет территория южнее Ульяновска, в районе Сенгилея, где также имеются значительные массивы леса, есть и небольшие горы, и что до войны он часто ездил на Сенгилеевский цементный завод, приходилось ему в тех краях перевозить и «левые» грузы. В этом районе он может легко ориентироваться на местности даже без карты.

Через некоторое время стало известно, что его соображения приняты. Задание диверсионной группе теперь выглядело так: после приземления в сенгилеевском лесном массиве группе предстояло выбрать там укромное местечко, выкопать землянку, хорошо замаскироваться и какое-то время вести работу оттуда. Запасов продовольствия им дали на три месяца.

Затем следовало обосноваться в районе между г. Ульяновском и станцией Бугульма. Собрать сведения об экономическом и политическом положении данного района, установить, где находятся лагеря военнопленных немцев, выяснить, какие новые заводы построены вдоль железной дороги Ульяновск—Бугульма, совершать диверсионные акты на железнодорожном и водном транспорте. Выявлять склады, базы горючего, вооружения и уничтожать их. Взорвать мост через Черемшан около Мелекесса.

Организовать боевые группы из дезертиров и иных антисоветских элементов для активной борьбы с Советской властью. Вести среди местного населения пораженческую агитацию, распространять фашистскую литературу, листовки.

В числе заданий было и такое: подготовить посадочные площадки для посадки немецких самолетов на суше или водном пространстве. Выкрасть ответственного военного или партийного работника и переправить его самолетом в Германию.

«У диверсантов имелось более 200000 рублей денег, три автомата, один карабин, три пистолета «Модуль»,

два револьвера системы «Наган», охотничье ружье, ракетница, значительное количество боеприпасов и взрывчатки, две портативные радиостанции, множество документов, чистых бланков со штампами и печатями. Кроме гражданской одежды имелось военное обмундирование со знаками различия от лейтенанта до капитана».[186]

Впервые об истории с десантом мне пришлось услышать летом 1945 года. Поведал мне об этом знакомый сотрудник Сенгилеевского РО НКВД. Его рассказ точь-в-точь повторяет то, о чем в 1974 году напишет К. П. Гайдашенко в документальной повести «Ступени падения», за исключением некоторых эпизодов. А началось все с того, что за пару дней до прочесывания лесного массива начальник Сенгилеевского РО НКВД С. Г. Рыжов получил шифротелеграмму. Отдал нужные распоряжения сотрудникам: какие лесные кордоны взять под особый контроль, кому с кем связаться из лесников. После чего приказал дежурному: «До приезда руководства из Ульяновска ко мне никого не пускать», — и уединился в своем кабинете. Незаметно наступило обеденное время. В отделении НКВД все разошлись. В это время и появились в райотделе два лейтенанта. Честь по чести поприветствовали дежурного и попросили доложить начальнику, что прибыли по очень важному делу. Получив ответ, что начальник занят и принять их вряд ли сможет, «лейтенанты» присели на скамейку. Прошло еще минут 10—15. Нервничавшие «лейтенанты» подошли к дежурному, угостили папиросами, более настойчиво попросили вторично доложить начальнику о них и попросили передать, что прибыли по делу большой государственной важности, которое не терпит отлагательств. Ответ получили тот же, но в более грубой форме. После этого, по словам рассказчика, дежурный не успел и пикнуть, как оказался обезоружен, связан и с кляпом во рту, а приезжие военные вошли в кабинет к Рыжову.

Обезумевший от неожиданного вторжения незнакомцев и особенно от сказанного ими: «Мы немецкие диверсанты. Вот наше оружие. Подробнее поговорим после. В лесу находятся еще два наших сообщника, их надо незамедлительно изолировать пока не ушли», Рыжов сгреб в ящик письменного стола разложенные на столе бумаги, побросал туда же пять стволов оружия и с кем-то связался по телефону.

В тот же день сотрудниками госбезопасности, подъехавшими из Ульяновска, и силами местной милиции удалось задержать и оставшихся в лесу двух диверсантов из группы «Курт».

Поскольку день был уже на исходе, проверять названные диверсантами тайники со спрятанным грузом, не стали. Сдавшихся добровольно и задержанных в лесу диверсантов тут же увезли в Ульяновск, а по договоренности с Правиковым на утро следующего дня был объявлен сбор для прочесывания лесного массива.

Вот такая, по словам моего знакомого, приключилась история с сенгилеевскими диверсантами. Кстати, этот вариант задержания я слышал еще от одного ответственного работника милиции,но уже в 1960 году.

Надеюсь, что пересказывая это неординарное происшествие более чем пятидесятилетней давности, я не разгласил тайн и методов работы органов государственной безопасности и не бросил тень на них самих: они с риском для собственной жизни сделали все, что могли, а возможно и больше. Простые же люди в Сенгилее и районе жили в это время как обычно. Многие даже не подозревали о случившемся.

* * *

4 мая 1944 года по радио объявили о выпуске третьего Государственного Военного займа. Подписка на него с помощью агитаторов, уполномоченных райкома и райисполкома шла достаточно активно. Каждому району и населенному пункту был установлен соответствующий план Сенгилеевский район по нашей области занимал второе место (104 проц.), после Инзенского. В районе первенство по подписке держал тушнинский колхоз им. 50-летия т. Сталина главным образом благодаря Василию Николаевичу Жаркову, который подписался на 50 тысяч рублей и всю сумму внес наличными.[187]

Это был не единичный случай столь щедрой подписки. В Шиловке Петр Константинович Мусатов, отец пяти сы-

новей-фронтовиков, четверо из которых погибли на фрон-те, оформил подписку на 10 тысяч рублей. Подобных по-жертвований от жителей района было немало. Люди гордились тем, что они, хотя и не на фронте, но вносят свой посильный вклад в победу над ненавистным врагом.

* * *

В июне Всесоюзное радио сообщило, что военно-морс-кие силы союзников под командованием генерала Дуайта Эйзенхауера при поддержке крупных военно-воздушных сил начали высадку союзных армий на северном побе-режье Франции, что к ним непрерывно прибывают под-крепления. Многие из сенгилеевцев по-своему расценили эту акцию: три года собирались открывать второй фронт, а когда наши войска погнали немцев, союзники испугались, как бы завоеванное чужой кровью не упустить.

Измученные работой женщины, чьи мужья погибли на фронте, отчаянно матеря хитрых, корыстных союзников и местные власти, придумавшие заготовку веточного кор-ма, тогда как прекрасные травы на заливных лугах оста-вались не скошенными, нехотя шли рубить ветки.

* * *

Местное руководство ломало головы над проблемой где в Сенгилее открыть спичечную фабрику. Оборудова-ние для нее наркоматом было заказано, а подходящего помещения в городке не находилось.

Значительно продуктивнее работала творческая мысль у главного инженера плодокомбината Кохана. Без каких либо указаний сверху и дополнительного расширения производственных площадей он организовал из отходов винного производства изготовление начинки для карамели. По оценкам специалистов и отзывам местных жителей, по-лучилась она очень хорошего качества.

* * *

Пока труженики района занимались своими обычными делами, на фронте шли напряженные бои. Советские войска, развернув наступление от Копорского залива до Новосокольников, полностью освободили от блокады Ле-нинград, очистили от вражеских войск всю Ленинградскую область и часть Эстонии.



Войска четырех Украинских фронтов провели ряд ус-пешных операций на Правобережной Украине. Севернее Каменец-Подольска были окружены 15 дивизий немецко-фашистских войск. Но полностью уничтожить эту группи-ровку не удалось. Нанеся поражение противнику в пред-горьях Карпат, Советская Армия вышла на государствен-ную границу с Чехословакией. Войска 2-го Украинского фронта форсировали реку Прут и перенесли боевые действия на территорию Румынии. Бои шли главным образом на территории Правобережной Украины, на пространстве, как говорилось в одном из приказов Верховного Главнокоманду-ющего, 1400 километров по фронту и до 500 километров в глубину.

Летнее наступление Советской Армии началось и в Карелии. В июне-июле 1944 года была успешно проведена дерзкая Выборгская и Свирско-Петрозаводская наступатель-ная операция левого крыла Карельского фронта.

В ней участвовало много бывших курсантов Второго Орджоникидзенского пехотного училища, которое, как уже говорилось, одно время находилось в Сенгилее, затем было расформировано. Курсанты, получив в нем хорошую подготовку, были переведены рядовыми, сержантами и старшинами в десантные войска. Так, например, трехсотый гвардейский воздушно-десантный полк 9-й воздушно-десант-ной дивизии целиком состоял из курсантов этого училища. Были они и в других частях дивизии.

Форсировать предстояло чрезвычайно холодную и бы-струю Свирь. Для этого отбирали волгарей. Были среди них Валентин Сергеевич Буйлин, Виктор Михайлович Гри-шин, Петр Никифорович Леманов и десятки других парней из Сенгилея, Александр Васильевич Скрябин из Р. Бек-ташки, Иван Павлович Карпов и Александр Викторович Дол-ников из Тушны и десятки из других сел района.

Многие из них, как Александр Степанович Ларехин из Каранина, Иван Васильевич Киселев из Сенгилея, Алексей Семенович Сухоруков из Вырыстайкино — всех не перечис-лишь, — за мужество и отвагу, проявленные в ходе этой наступательной операции, были награждены орденами Сла-вы III степени и боевыми медалями.

* * *

Одной из самых крупных наступательных операций 1944 года явилась Белорусская, осуществленная войсками I-го Прибалтийского и трех Белорусских фронтов. В июне войска этих четырех фронтов прорвали оборону противника на шести участках, окружили и уничтожили группировки противника в районе Витебска и Бобруйска, окружили вражескую группировку восточнее Минска.

22 июля войска I-го Белорусского фронта вступили на территорию Польши и изгнали противника из города Хелм, а через два дня очистили от немецко-фашистских войск Люблин.

Польское эмигрантское правительство, чтобы укрепить свои политические позиции, заигрывало с правительствами Англии и США, предлагая организовать политические акции в Польше вплоть до восстания в Варшаве, чтобы иметь основание претендовать на восточные земли.

Восстание в Варшаве началось 1 августа 1944 года, когда Советская Армия находилась еще далеко от польской столицы. Перед ней была Висла, на противоположном берегу которой гитлеровцы сосредоточили большие силы.

А лондонское эмигрантское правительство во главе с Миколайчиком, спровоцировав польских патриотов на преждевременное восстание, вместо помощи лишь требовало от Крайовой Рады Народовой предоставления польской эмиграции большинства руководящих постов в правительстве и введения фашистской конституции Пилсудского. Помощь оружием и боеприпасами восставшим оказывала только Советская Армия, сбрасывая оружие на парашютах в районы, занятые повстанцами.

Выход Советской Армии к Висле в какой-то степени облегчил положение восставших. 16 сентября на ее западный берег были переправлены некоторые части Войска Польского. Их поддерживали советская авиация и артиллерия. Они даже достигли предместий Варшавы, но не смогли расширить прибрежный плацдарм и соединиться с повстанцами. 23 сентября польские повстанцы вынуждены были оставить плацдарм. К тому же правительство



...иколайчика в это время приказало всем повстанцам сложить оружие и капитулировать перед немцами. Все, ...о выполнил это распоряжение, были истреблены немецко-...ашистскими войсками.

В августе и сентябре 1944 года советские войска осу-...ествили крупные наступательные операции против южно-...о крыла германских войск, которые привели к выходу из ...ашистского блока Румынии и Болгарии. В конце августа ...равительство Финляндии запросило согласие Советского ...равительства на переговоры о перемирии. 19 сентября в ...оскве был подписан такой документ. В том же сентяб-... советские войска полностью изгнали вражеские армии из ...стонии и Латвии, частично Литвы.

В сентябре—октябре 2-й, 3-й и 4-й Украинские фронты ...ли наступление в Лесистых Карпатах, заняли Дебрецен ... продвигались к Будапешту. В конце октября 1944 час-... 2-го Украинского фронта вышли к внешнему оборони-...льному обводу венгерской столицы. В последующих бо-... часть этих войск была отсечена от Будапешта, окружена ... излучине Дуная и к концу года уничтожена.

21 декабря в освобожденном Советской Армией городе ...бреcене открылось временное национальное собрание ...енгрии, которое сформировало Временное Национальное ...равительство и вывело страну из войны на стороне Гер-...ании, а в самом конце 1944 Венгрия объявила войну сво-...у бывшему сателлиту. По договору ее войска, насчи-...авшие 0,5 млн. человек, под командованием советских ...фицеров и генералов в течение 8 месяцев участвовали в ...их против немецко-фашистских войск на территории Вен-...ии, Югославии, Австрии и Чехословакии.

В боях на южном крыле советско-германского фронта ...ствовало немало солдат, сержантов и офицеров из на-...го района. Были среди них лейтенант Лобашов Евграф ...иколаевич, по специальности учитель, награжденный ор-...ном Отечественной войны II степени, Осипов Сергей Алек-...андрович, тоже учитель из Сенгилея, сержант Миронов ...ан Васильевич из поселка Меловой, лейтенант Лысенков ...тр Владимирович из Тушны, Василий Михайлович Бара-... из Бекетовки, капитан Каныгин Василий Андреевич из

Сенгилея, Николай Никифорович Афанасьев из Вырыстайкина и многие другие.

Сложили головы ради победы над силами зла в Венгрии новослободский колхозник Михаил Ксенофонтович Поясов, сенгилеевец Василий Алексеевич Десятников. Всех невозможно перечислить.

Осенью 1944 года в освобожденные районы Польши щедрым потоком из Советского Союза безвозмездно пошло продовольствие, медикаменты. Польская промышленность тех районов, из которых немецкие войска были выбиты почти полностью, работала на сырье и топливе, доставленными из СССР.

В октябре 1944 г. советские войска осуществили наступательную операцию в Заполярье. Там была разгромлена вражеская группировка в районе Петсамо (Печенга). 22 октября наши войска вышли на границу с Норвегией и вступили на ее территорию. В итоге Германия лишилась удобных баз и портов, а ее военно-морские силы вынуждены были покинуть Баренцево море.

Одним из участников этой операции являлся вырыстайкинский колхозник Алексей Семенович Сухоруков.



# СРАЖЕНИЯ НА ЗЕМЛЯХ ЕВРОПЫ

К моменту начала наступления Советской Армии в 1945 году территория Германии была еще почти не затронута военными действиями, и армия ее по-прежнему имела огромную численность. На высоком уровне находилось и военное производство. И все же фашистская Германия была сокрушена за четыре месяца.

Хотя на заключительном этапе в войне против Германии принимали участие войска Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии, основная и решающая роль в ее разгроме принадлежит Советскому Союзу. Именно он вынес на своих плечах тяжелейшие испытания истекших лет войны, он же довершил и разгром фашистского рейха.

Но еще до того, как начался упадок экономики Германии, труженики советского тыла одержали большую экономическую победу в своем единоборстве с экономикой фашистской Германии. Советское правительство в тяжкие годы войны организовало в больших масштабах новое промышленное строительство. За 1942—43 годы в народном хозяйстве советской страны были осуществлены капитальные работы на общую сумму порядка 79 миллиардов рублей.

Откуда в такое трудное время взялись эти миллиарды?

Естественно, значительная доля была вложена за счет средств государственного бюджета, но немалую роль сыграли и добровольные пожертвования граждан в фонд обороны страны, получены за счет распространения военных займов и различных целевых отчислений граждан. Вклад трудящихся нашего района в фонд обороны составил 3137 тысяч рублей. А главное — это самоотверженный труд советских людей, их бескорыстие, воля к победе и полная самоотдача.

Ценой невероятных усилий в восточных районах страны было построено заново 2256 промышленных предприятий,

введено в эксплуатацию 100 тысяч металлорежущих станков, 24 доменные печи, 128 мартенов. Широко развернулись работы по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецкой аккупации. Наряду с промышленностью восстанавливались транспорт и сельское хозяйство, что позволило снабдить наших воинов всем необходимым для победы над врагом.

Решающее наступление Советской Армии началось 12 января 1945 года. Оно развивалось путем осуществления ряда тесно связанных между собой операций крупного стратегического масштаба. Первой из них была Висло-Одерская операция.

Войска Первого Украинского фронта, начав наступление 12 января 1945 года, в первый же день взломали главную полосу неприятельской обороны. Через пару дней в наступление перешли войска Первого Белорусского фронта. Здесь за четыре дня фронт обороны был прорван в полосе около 600 километров, разгромлены основные силы группы армий «А», что создало условия для стремительного развития операции на большую глубину.

До конца жизни помнил Павел Михайлович Красильников из Сенгилея переправу через Вислу и захваченный плацдарм на ее правом берегу, который в ожесточенных боях вместе с однополчанами по 156-му Гвардейскому ордена Суворова артиллерийскому полку отстаивал от наседавшего противника.

Неподалеку от них в составе 14-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона вела смертный бой с фашистскими стервятниками волжанка из Сенгилея Анна Алексндровна Аристархова.

О том, насколько упорны и кровопролитны были бои на земле польской, каков был патриотизм советских воинов, свидетельствует генерал Боков Федор Ефимович:

«На пути от Вислы до Одера — семь рубежей вражеской обороны, — пишет он, — уже к 9.30 14 января 1945 года наши воины захватили вторую траншею на первой позиции и опорные пункты Грабув, Залесьны, Выборув, Грабув—Пилица, Подогродзе, Буды Августовске. В полосе 94-й гвардейской дивизии противник стал отходить на отсечную позицию по северо-западному берегу Пилицы. К 10



часам гвардейцы вышли к реке. Преследуя отходящего врага, воины 283 Гвардейского полка преодолели реку и закрепились юго-восточнее Пальчева». Далее он приводит рассказ начальника политотдела 26-го Гвардейского корпуса полковника Андреева Дмитрия Ивановича: «Когда седьмая рота вышла на лед Пилицы, противник открыл ураганный огонь. От разрыва мин и снарядов крошился лед, падали убитые и раненые. Рота залегла. Головы нельзя было поднять. И в этот момент именно члены партии увлекли за собой бойцов. Первым поднялся ротный Вербин и взводный Хабаров, а за ними коммунисты Майоров, Кременчуцкий, Виноградов и другие. Партийцы Сентюрин и Кудрявцев получили ранения, но не покинули поле боя. К двенадцати часам рота прорвалась на западный берег в районе излучины Затар и закрепилась на плацдарме. А затем отчаянный не на жизнь, а на смерть бой за удержание плацдарма...».

За храбрость и мужество, проявленные в этом бою, ст. лейтенант Вербин Николай Николаевич был удостоен звания Героя Советского Союза.[188]

Вместе с десятками тысяч солдат, сержантов и офицеров с боями пробивался к Одеру рабочий Кучуровского каменного карьера Михаил Николаевич Мигунов. Было ему в ту пору 19 лет. Он резал проволочные заграждения, рвал фашистские доты и дзоты, обезвреживал минные поля.

Рядовым поваром, а во время боя — подносчицей снарядов, прошла с наступавшими войсками Первого Украинского фронта польскую землю Валентина Викторовна Кульнина.

После ожесточенных боев 17 января были изгнаны из Варшавы немецко-фашистские захватчики. Польские солдаты, вступив на улицы родной столицы, плакали, глядя во что превратился один из красивейших городов Европы. Там, где когда-то находилась прямая, как стрела, блистающая шикарными витринами магазинов улица Маршаловская, дымились развалины, лежали груды битого кирпича, мимо которых проходили русские девушки-снайперы, в числе которых была и Васса Сергеевна Иванова из тихого приволжского городка. В середине января московское радио сообщило, что советские войска, развивая

наступление, заняли Краков, Лодзь, Кутно, Томашув, Ленгницу.

Вместе с десятками тысяч советских, польских, чехословацких воинов шли на запад к Одеру украинцы, русские, татары, чуваши. Выделялись своей колоритной внешностью грузины и армяне. Среди них обилием правительственных наград выделялся боец 385-й стрелковой дивизии Иван Иванович Семьянов из Сенгилея.

Бои за каждый населенный пункт шли отчаянные, жертвы были огромные. Так, в Белогарде, что в Каталинском воеводстве, в братской могиле враз пришлось схоронить 763-х советских солдат и сержантов. Среди них был и тридцатилетний Иван Павлович Гусев из Тушны. Благодарные поляки, жившие не богаче россиян, на собранные вскладчину средства поставили на этой могиле необычный памятник. Называется он «Разорванное сердце».

В Польше свято чтут память тех, кто освобождал или помогал освобождению их родины. В Пуцком повяте Гданьского воеводства высится скромный памятник с авиационной атрибутикой. Здесь, неподалеку от обрывистого мыса Розеве, менее чем за два месяца до конца войны оборвалась жизнь сенгилеевского летчика лейтенанта Носова Виктора Петровича и двух его боевых друзей из второй эскадрильи 51-го минно-торпедного полка. Их тяжелый бомбардировщик, будучи поврежден неприятельской артиллерией, пикировал на фашистский транспорт водоизмещением около 6000 тонн и потопил его.

В тесном взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта, в Западных Карпатах вели наступление войска 4-го Украинского фронта. К третьему февраля советские войска, преследуя отходящего противника и уничтожая выдвигавшиеся из глубины вражеские резервы, вышли широким фронтом к Одеру, с хода захватив на западном берегу реки ряд плацдармов. В результате этой операции было, в основном, завершено освобождение Польши и значительной части Чехословакии. На этом направлении громил со своим полком немецко-фашистских захватчиков уроженец села Каранино, Герой Советского Союза полковник Дмитриев Алексей Петрович. За успешные боевые действия и личную храбрость он был награжден орденом Красного Знамени и Чехословацким боевым орденом.



С упорными боями прошел юг Польши и северную часть Чехословакии сержант отдельной противотанковой бригады Николай Иревлин из Елаура.

На войне люди дорог не выбирают. Они идут туда, куда их посылает приказ. Василий Антонович Алякин, ныне проживающий в пос. Красный Гуляй, с боями прошел всю Польшу, принимал участие в освобождении узников гитлеровских концлагерей, в том числе и самого страшного из них — Аушвиц Биркенау.

* * *

С Висло-Одерской была тесно связана и одновременно с ней проводилась Восточно-Прусская операция. 13 февраля третий Белорусский фронт охватывающими ударами севернее Мазурских озер наступал на Кенигсберг, 2-й Белорусский наносил удар на Млаву, Эльбинг, Мариенбург. Отсекал Восточно-Прусскую группировку от остальных сил фашистской Германии, прижимал к морю и рассекал на три изолированные группировки — хейльсбергскую, кенигсбергскую и земландскую.

На подступах к Кенигсбергу за мужество и отвагу был отмечен орденом Славы III степени Николай Степанович Трупаков из Новой Слободы. Тут каждый дом был превращен в крепость, не говоря уже о самом Кенигсберге. Что он представлял из себя и каковы тут шли бои, свидетельствует один из участников сражения за эту крепость, учитель Елаурской средней школы Кузьма Андреевич Андреев: «...укрепления у немцев были очень мощные. Даже тяжелые авиационные бомбы оказывались бессильными против восьми метров земли и трех метров железобетона».

«Всего, если мне не изменяет память, — писал он, — крепость имела 14 фортов. Нам предстояло овладеть фортом «Луиза». Кроме вражеского огня путь пехоте преграждали четыре линии проволочных заграждений и четырехметровый канал, наполненный водой.

Понятно, что артиллерийским обстрелом форты разрушить было невозможно, коли их не брали даже авиационные бомбы. Поэтому единственной возможностью парализовать губительную мощь вражеских фортов оставался огонь артиллерии по амбразурам прямой наводкой.

Я — артиллерист, и хорошо знаю, что для этого рода

войск нет ничего опаснее, чем бой на прямой наводке. Скрытая за складками местности артиллерийская батарея представляет собой грозную и при этом трудно уязвимую силу. На прямой наводке она еще более грозна, т. к. почти не знает промахов. Но зато беззащитна от ответного огня.

Как уже было сказано, нашей целью был форт «Луиза». С наблюдательного пункта мы внимательно рассматривали этот форт. До него было километра два. Там находилась безоткатная пушка и крупнокалиберный пулемет. Я тогда командовал батареей. Командир полка дал нам задание самое трудное за всю войну — огнем с прямой наводки парализовать амбразуру.

В апреле на побережье Балтийского моря ночи уже светлые. Противнику было видно, как мы покатили пушки на открытую для огня позицию. Тянули их лошадиные упряжки. Огнем вражеского пулемета почти все лошади были перебиты. Но батарейцы под губительным огнем на своих руках продолжали выдвигать орудия вперед. До новой позиции еще оставалось метров 150. Смерть подстерегала нас даже не на каждом шагу, как принято выражаться, она была буквально повсюду. И все-таки наша батарея продолжала движение. Может быть только третья часть ее личного состава цели все-таки достигла. Часов в пять утра все наши 122 миллиметровые пушки прямой наводкой открыли огонь по указанной нам цели.

О результатах его я мог судить гораздо позднее. Разрушить многометровый железобетон мы не могли. Но, главное, наши снаряды не дали врагу возможности вести огонь по пехоте, а она минут через 40—50 после первых артиллерийских залпов дружно пошла на штурм неприступных укреплений.

В этом бою я получил тяжелое ранение и возвратился в строй только через четыре месяца, но еще был свидетелем, как утром 9 апреля над фортом «Луиза» немцы подняли белый флаг».[189]

Примеров смелости и самопожертвования наших солдат в то время можно приводить очень много.

Сенгилеевский фотограф Виктор Григорьевич Сурков, тогда двадцатилетний рядовой второй роты седьмого отдельного инженерно-саперного батальона «...с июля 1944 по январь 1945 года, — писал командир воинской части № 57813 майор Марченко, — своей отвагой воодушевлял бойцов на подвиги. На подступах к Инстенбургу (ныне город Черняховск) вызвался пойти в разведку и захватил «языка».

Знаток минного дела, он много раз уходил с товарищами делать проходы в минных полях. Когда готовился десант, рядовой Сурков добился разрешения участвовать в нем. В ожесточенном бою десант выполнил приказ командования. Тов. Сурков во время этого боя получил три ранения в грудь. За семь месяцев пребывания на фронте Виктор Григорьевич три раза был отмечен правительственными наградами — медалью «За отвагу», орденами Красной Звезды и Славы III степени».[190]

Участвовали в окружении и уничтожении Восточно-Прусской группировки немцев цемзаводчане Федор Иванович Антипов, Александр Николаевич Клопков, Александр Филиппович Майковский, Никита Иванович Аноненко, Юрий Борисович Чиликин, Алексей Федорович Симонов, Иван Михайлович Трошин, Николай Михайлович Лапин из Сенгилея, рабочий Кучуровского каменного карьера, кавалер ордена Славы III степени Александр Михайлович Манаковский и другие.

Не раз под Кенигсбергом ходил в атаки колхозник из Лапшанки Александр Эдуардович Юргенсон. На самых ответственных участках в полосе действия своей дивизии отличался смелостью и отвагой политработник майор Чистопольский Василий Яковлевич. От Польши до Пиллау пролегли военные дороги Павла Ильича Тарасова из Сенгилея.

Немалый вклад в дело разгрома немецко-фашистских войск в Прибалтике и Пруссии внес сенгилеевец генерал-майор танковых войск Куликов Петр Николаевич. Его часть почти без потерь, форсировав Неман, успешно пересекла границу с Восточной Пруссией и продолжала громить вражеские войска под Кенигсбергом и в районе крепости Пиллау. За боевые операции весны 1945 года П. Н. Куликов был награжден орденом Ленина.

Кенигсбергом, как известно, советские войска овладели 9 апреля, а 25-го изгнали противника из крепости Пил-

лау, полностью очистив северную часть полуострова, Центральная группа немецко-фашистских войск была разгромлена. Восточная Пруссия занята советскими войсками. Жертвы там тоже были огромные.

С 10 февраля на северном крыле советско-германского фронта войска первого и второго Белорусских фронтов начали Восточно-Померанскую операцию. В ней принимала участие и первая армия Войска Польского.

Задачей Восточно-Померанской операции являлось обеспечение правого крыла советских войск для наступления на Берлинском направлении. Здесь противник сосредоточил 42 своих дивизии, опиравшиеся на хорошо подготовленный оборонительный рубеж, проходящий от Вислы до Одера и Гдыньско-Данцигский укрепленный район.

Войска второго Белорусского фронта, стремительно продвигаясь вперед, заняли город Штольц — мощный опорный пункт обороны немцев в северной Померании и продвинулись к Данцигу и Гдыне. Войска первого Белорусского фронта в середине марта вышли на ближние подступы к городу Альтдам. После упорных боев штурмом овладели городом и крепостью Кюстрин — мощным опорным пунктом немцев на Одере, прикрывающим подступы к Берлину.

Советские войска, прорвав Померанский оборонительный «вал», 5 марта вышли на побережье Балтийского моря и овладели городом Кезлин, разрезав группу немецких армий «Висла» на две части. Наши войска 10 марта вышли на линию нижнего течения р. Одер. 28 марта заняли Гдыню, а 30-го Данциг.

Неподалеку от Штетина тяжелое ранение получил майор Хрипунов Александр Иванович. В Гданьске после ранения закончил свой боевой путь рядовой 5-й отдельной Гвардейской минометной бригады Иван Васильевич Герасимов, став инвалидом 2-й группы.

Александр Семенович Кукушкин из Сенгилея служил на флоте. После выхода наших частей на побережье Штеттинского залива служил на морском охотнике, сопровождал караваны судов, топил вражеские десантные баржи. В боях находился до тех пор, пока осколок вражеского снаряда не отсек ему руку.

В течение января, февраля и первой половины марта



тяжелые бои продолжались в Венгрии. Войска второго и третьего Украинских фронтов вели их в районе Будапешта, уничтожая окруженную группировку немецко-венгерских войск, численностью около полумиллиона человек. Особенно тяжелые бои шли при взятии завода авиамоторов «Мессершмидт», танкостроительного, нефтеперегонного и других. Немецкие и венгерские фашисты сопротивлялись отчаянно. Они бросили в бой шесть танковых дивизий и крупные силы пехоты. В результате наши войска вынуждены были оставить ряд пригородов венгерской столицы на южном берегу Дуная. Через несколько дней советские войска прорвали оборону в районе города Естергом и овладели рядом населенных пунктов. Напряженные бои по уничтожению будапештской группировки закончились в середине марта 1945 года разгромом фашистских войск в окрестностях венгерской столицы. Но на этом операция по освобождению Венгрии еще не была завершена.

Немецкое командование, сосредоточив в районе озера Балатон 11 танковых дивизий, переброшенных с западного фронта, начало новое наступление. Армия маршала Толбухина, перемолов их западнее Дуная, вышла на рубежи Австрии. 16 марта советские войска не только остановили противника, но и начали Венскую операцию. С 5 апреля развернулись бои на подступах к Вене, а 7 апреля кольцо вокруг нее замкнулось. Через Румынию, Венгрию и Австрию с родным механизированным корпусом пересек границу Германии Николай Никифорович Афанасьев. Там же прорывалась в Германию часть, в которой служил и Николай Иосифович Атнишкин из Елаура.

К началу Берлинской операции советские войска были сосредоточены на рубеже реки Одер.

# ПОБЕДА

Подготовка к Берлинской операции велась тщательно и продуманно. Прорабатывались различные варианты наступления, завозилось все самое необходимое. Железнодорожное полотно было перешито с европейской на российскую колею. Через всю Польшу двигалось множество эшелонов с артиллерийскими, минометными, танковыми и другими частями, боеприпасами. Внешне все это выглядело безобидно, на платформах — лес, сено, тюки соломы и другое. Но как только эшелон прибывал на станцию назначения, ночью тягачи, танки, орудия и другое направлялось на заранее подготовленные плацдармы на западном берегу Одера, там помещалось в укрытия, тщательно маскировалось, но так, чтобы в любую минуту можно было ввести в бой.

На всем протяжении Одера временных переправ было более сотни. По ночам солдаты, стараясь особенно не шуметь, кирками, лопатами, ломами долбили землю. Обустраивая плацдарм, строили блиндажи, землянки и другие укрытия. Готовили огневые площадки, склады, все это тщательно маскировали.

Район переправ прикрывался многослойным огнем зенитной артиллерии. Зениток здесь было не счесть. Кстати, один из зенитно-артиллерийских полков расквартированных на главном направлении в Кюстрине, был сформирован из девчат Куйбышевской области. Из Сенгилеевского района в нем служили Лидия Матяшина, Клавдия Кузнецова, Мария Афанасьева, Анна Стручина, Мария Безрукова, Клавдия Балахнева и их подруги.

Официально они были зачислены учиться на радиотелеграфисток, но в первую очередь пришлось им осваивать зенитную артиллерию. Из-за нехватки людей их вынуждены были ставить на охрану железнодорожных мостов и переправ, через которые почти непрерывно шли воинские эшелоны. Кюстрин в 1945 году бомбили нещадно: немцы, видимо, догадывались, что наступление начнется отсюда. Кюстрин от Берлина отделяли всего 60 километров. Поэтому зенитчицы боеприпасов не жалели — за восемь дней полк сбил 19 немецких самолетов.

Чтобы надежнее защитить охраняемые переправы, командование распорядилось в дневное время организовать



над ними постоянное барражирование истребителей. И все-таки враг неистовствовал. Кроме массированных ударов бомбардировочной авиации, для уничтожения мостов фашистские войска применяли самолеты-снаряды, плавучие мины. Но переправы продолжали существовать. Разрушения быстро восстанавливали. В районе Кюстрина особенно мастерски справлялся с их восстановлением взвод кавалера орденов Красной Звезды и Славы двух степеней старшего сержанта Гаврилова Николая Ивановича, получившего большую практику по наведению переправ еще в Польше. После войны Николай Иванович много лет работал на заводе силикатных изделий.

На войне было трудно всем, но особенно доставалось саперам и связистам. После форсирования Одера за оперативное установление связи через водную преграду в пятой Ударной армии отличился Георгий Петрович Сорокин из села Алешкино, за что был отмечен орденом Славы III степени, а через три недели, уже в Берлине, его отделение в подвалах двух домов обнаружило около полусотни гитлеровцев. Некоторых из них перебили, а 27 взяли в плен, захватили радиостанцию и важные документы. За эту удачную вылазку Сорокин был награжден орденом Славы II степени. После войны Георгий Петрович работал кузнецом в Сенгилее.

Подготовка к Берлинской операции продолжалась. На Втором Белорусском фронте неподалеку от Штеттина за отлично проведенную переправу артиллерийского дивизиона на плацдарм во время ледохода командование отметило капитана Федора Никитича Казакова орденом Александра Невского. Года четыре назад Казаков еще продолжал работать в Сенгилеевском АТП № 2.

В районе городка Визенау 436-й отдельный стрелковый полк зацепился за небольшой пятачок суши на западном берегу Одера, а расширить его не удавалось. Вопрос стоял так: или полк вышибет фрицев с пятачка, или они его сбросят в реку.

В атаки ходили не раз. Люди гибли, а пятачок в руки не давался. Высшее командование нервничало. Приближался срок проведения Берлинской операции. И вот в тот день

командир полка и его заместитель по политчасти майор Никонов выслали самых опытных разведчиков. Никонов настоял, чтобы их доклад выслушали командиры батальонов и даже ротные. Посовещались и пришли к выводу: взять пятачок можно. Перед рассветом последовала команда: «Знамя в боевые ряды! На прорыв!» Майор Никонов пошел в первых рядах атакующих. Потери были серьезные, но поставленную задачу полк выполнил: немцы побежали. За этот выигранный бой майор Никонов был награжден орденом Кутузова II степени.

В послевоенные годы Петр Гаврилович Никонов, уже тяжелобольной, работал начальником Кучуровской автобазы № 4 треста «Главульяновкстрой».

Во второй половине марта войска 1-го Украинского фронта закончили Верхне-Силезскую операцию. Они окружили и уничтожили группировку противника юго-западнее Оппельна, с боями заняли города Зоммерфельд, Грюнберг и Зорау. На Дрезденском направлении форсировали реку Нейсе и овладели городами Форст, Мускау, Бейсвассер. Бойска 2-й Польской армии заняли город Ротенбург.

Наступило время Берлинской операции.

Прорыв вражеской обороны был назначен на 16 апреля в самое необычное время, когда никто не ходит в атаки. В 5.00 по московскому (в 3.00 по берлинскому) времени ночную тишину расколол ураганный огонь нашей артиллерии. Он продолжался 30 минут. Затем на участке первого Белорусского фронта «...в воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не припомню такого ощущения,»[191] — писал Г. К. Жуков. Участницей этой «иллюминации» была и Васса Сергеевна Иванова из Сенгилея. Снайперское подразделение, в котором она служила, на время прорыва было передано в расчет прожектористов.

В прорыв сразу же рванули танки, орудия, пехота и другие части. Противник, имевший большое количество самолетов, ночью не мог их эффективно использовать, а утром



наши атакующие эшелоны находились так близко от войск противника, что их летчики не могли бомбить передовые части, опасаясь ударить по своим.

Утром советские войска успешно продвигались вперед на всех участках фронта. Но где-то к середине дня немецко-фашистские войска начали приходить в себя после ошеломляющего удара и со стороны Зееловских высот открыли плотный артиллерийский и минометный огонь. В небе появились бомбардировщики.

Зееловские высоты — естественный и очень сложно укрепленный рубеж, господствующий над окружающей местностью. Их крутые скаты закрывая плато, делали невозможным с нашей стороны контроль за глубиной обороны противника. Сплошной стеной возвышались они перед нашими войсками там, где должно было развернуться генеральное сражение на ближних подступах к Берлину. У их подножья немцы рассчитывали остановить советские войска. Здесь они сосредоточили наибольшее количество огневых сил и средств.

Чтобы не дать возможность отбить наши атаки на Берлинском направлении, командование решило немедля ввести в сражение 1-ю и вторую танковые армии, чтобы наверняка разгромить на Зееловских высотах оборону противника. Высоты ограничивали действия батарей и являлись серьезным препятствием для быстрого продвижения танков, и чем далее продвигались наши войска к Зеелову, тем сильнее нарастало сопротивление врага. 18 апреля высоты были взяты. Но в тот день немцы еще пытались остановить напор советских войск, бросая в бой дополнительные резервы и даже части, снятые с обороны Берлина. Лишь 19 апреля, понеся большие потери, немецко-фашистские войска не выдержали мощных атак и начали отступать.

Одним из многих тысяч участников боев на Зееловских высотах в составе первого Белорусского фронта был кавалер трех боевых орденов капитан И. П. Огуречников из Сенгилея.

Большой и славный путь прошел он по дорогам войны. Защищал Москву. В качестве командира взвода воевал на Волховском фронте, дрался под Сталинградом, в Донбассе. В Берлин прибыл в качестве командира зенитно-пулеметной

роты отдельного армейского зенитно-артиллерийского полка 5-й Ударной армии. Только за двое с половиной суток, в течение которых войска преодолевали Зеловские высоты, зенитно-пулеметная рота Ивана Петровича Огуречникова сбила пять и повредила вдвое больше самолетов противника. Не обойден он и наградами. Два ордена Красной Звезды получил за четыре лично сбитых за Отечественную войну самолета, орденом Отечественной войны отмечен его ратный труд на территории Польши. После демобилизации из армии Иван Петрович Огуречников работал заместителем директора Сенгилеевского педагогического училища по хозяйственной части.

Среди сотен тысяч советских воинов одним из первых прорвался в Берлин наш земляк Леонид Поляйкин. Первое боевое крещение он получил на Украине, затем были Ченстохов, Южная Силезия. В составе третьей танковой армии генерал-полковника П. С. Рыбалко участвовал в прорыве внешнего оборонительного обвода германской столицы, форсировал Тельтов-канал, был и в других боях.

В составе первого Украинского фронта воевал в Германии тракторист Русско-Бектяшкинской МТС, а с 1943 года механик-водитель бронетранспортера Николай Васильевич Корчашкин. В составе 4-й танковой армии генерала Лелюшенко его путь лежал западнее Берлина через Луккенвальде и Потсдам, где их часть замкнула кольцо вокруг Берлина. После войны трудился в МТС и «Сельхозтехнике».

25 апреля советские войска закончили окружение берлинской группировки противника. Передовые части войск первого Украинского фронта в районе Торгау вышли на западный берег Эльбы. Там и произошла встреча советских и американских войск. А через несколько дней на Эльбе же, у городов Шверин и Росток, состоялась церемония встречи советских и английских войск.

21 апреля войска первого Белорусского фронта с севера и северо-востока ворвались в Берлин. Часть их обходила германскую столицу с севера, продвигаясь на Потсдам и к Эльбе. Войска первого Украинского фронта неудержимой лавиной двигались на Берлин с юга и юго-запада, завязывая уличные бои в городе.

Необычно в эти дни выглядела германская столица. На улицах — тяжелые баррикады, противотанковые заграждения, завалы, железобетонные колпаки. Для обороны приспособлены здания с толщиной стен в метр и более, окна превращены в бойницы. Каждая улица, площадь, переулок, каждый мост включены в общую систему обороны города, как ее составные части. Для обороны приспособлены метро и даже канализация. Молодежь из гитлерюгенда, сформированная в танкоистребительные отряды, палила фаустпатронами по танкам. В качестве огневых точек использовались находившиеся в ремонте танки с вышедшей из строя ходовой частью, но имеющие исправное артиллерийское вооружение. Их волокли на перекрестки улиц, к железнодорожным мостам и в другие места, имеющие интенсивное движение. Там закапывали их в землю. Фонарные столбы и деревья были увешаны трупами «изменников». Эсэсовцы и гестаповцы вешали и расстреливали каждого, кто пытался оставить позиции или был заподозрен в этом. Но и тотальный террор не мог удержать в повиновении дисциплинированных немцев. Они понимали, что дни Берлина сочтены, а с его падением наступит и конец войны.

В Берлине бои не прекращались ни днем, ни ночью. 27 апреля он уже шли в центре города. Здесь противник был зажат в полосе длиной около 15 и шириной от 2 до 5 километров. По распоряжению Гитлера было затоплено метро с укрывшимся там мирным населением. 28 апреля Берлинская группировка расчленена на три части, изолированные друг от друга.

30 апреля наши войска штурмом овладели рейхстагом, заняли имперскую канцелярию, гестапо, главпочтамт.

1 мая в Берлине началась массовая сдача в плен фашистских войск.

2 мая сдалось в плен руководство штаба обороны Берлина, а к 15 часам немецко-фашистские войска прекратили сопротивление.

В 254-й Гвардейской дивизии генерала В. Н. Гордова в должности командира батареи воевал капитан Массалитин Игнат Акимович. Он участник окружения крупной Котбусской группировки в Германии. Прошибал снарядами вражескую оборону перед штурмом этого города. Взламывал укрепления окруженной юго-восточнее Берлина в рай-

оне Бад-Заров 9-й немецкой армии, форсировал Шпрее. С упорными боями шел со своим подразделением к Эльбе. Войну закончил в Дрездене. После победы над Германией работал скромным сотрудником исполкома Сенгилеевского районного Совета по заготовке металлолома.

Николай Дмитриевич Михайлов из того же небольшого городка на Волге воевал в составе прославленного танкового корпуса генерал-лейтенанта П. П. Полубоярова. Их корпус вошел в Германию около города Прибуе, участвовал в окружении и разгроме Шпрембергской группировки немецко-фашистских войск. Затем, выполняя поставленную командованием задачу, устремился к западу и достиг Эльбы.

Солдатом отдельной пулеметной роты Рославльской ордена Красного Знамени и ордена Суворова дивизии был Борис Петрович Акинин, участник изгнания фашистских войск из Польши, прорыва на Одере, участник окружения немецкой группировки в районе Финстервальде и боев на подступах к Цербсту, близ Магдебурга. После войны работал в Сенгилеевском АТП № 1 техником.

Территория Германии — это местность, изрезанная сотнями каналов, речушек, мосты через которые фашисты, естественно, минировали или взрывали. Поэтому и днем и ночью здесь не прекращалась работа инженерных войск по обезвреживанию мин малоизвестных конструкций, заложенных в здания, сооружения, мосты, дороги, плотины. Шло обезвреживание минных полей. Полновесный вклад в эту смертельно опасную работу вносил солдат саперно-штурмовой бригады особого назначения кавалер орденов Красной Звезды и Славы III степени Николай Федорович Пономарев из поселка Кучуры.

До войны Иван Павлович Чистопольский был председателем Новослободского колхоза «Труд». Дела у него шли хорошо, но не усидел дома в такие грозные годы председатель. Добился отправки на фронт. Там стал артиллеристом. В бою за один из пригородов Берлина Чистопольский подбил танк, уничтожил три пулеметных расчета вместе с прислугой. За ратный труд награжден орденом Славы III степени.



Армейские газеты сообщали о необыкновенном мастерстве старшего сержанта Виктора Ивановича Зиновейкина, в прошлом военруке Сенгилеевской средней школы, очень ловко подбившего неуязвимого тогда в немецкой армии «Фердинанда». Рекомендовали учиться мастерству у Виктора Ивановича.

В тот черный день 22 июня 1941 года вступил в свой первый бой с фашистскими захватчиками танкист Алексей Егорович Ургалкин из приволжского села Елаур. И только второго мая сорок пятого года после ликвидации Берлинской группировки закончил он свой ратный труд. Тремя боевыми орденами отметило Советское правительство этого мужественного воина.

В конце апреля и начале мая армейская газета опубликовала две фотографии одного и того же воина. Текстовка первой гласила: «В боях за Берлин орудие гвардии старшего сержанта Анохина уничтожило четыре немецких танка». А через несколько дней появилась фотография пяти кавалеров ордена Славы. «Крайний справа на ней, — говорилось в тексте, — П. С. Анохин». В послевоенные годы Павел Степанович работал в Тушне начальником дорожно-эксплуатационного участка.

Под Воронежем начал войну солдат старшего поколения из Сенгилея П. Сидоров. Закончил ее в Чехословакии. После демобилизации работал кладовщиком в Сенгилеевском леспромхозе.

От твердынь Сталинграда и до самого конца боев под Берлином и Прагой — таков путь П. Евдокимова, слесаря конторы коммунальных предприятий из Сенгилея.

Итак, Берлин пал, но бои еще местами продолжались. В Прибалтике еще держалась группа «Курляндия». Последние дни доживала группа войск «Восточная Пруссия» на Балтийском побережье. Советские воины добивали окруженную западнее Берлина 12-ю армию, переброшенную с американского участка Западного фронта на помощь Берлину, но так и не дошедшую до него. Только 6 мая капитулировал под ударами советских войск 40-тысячный гарнизон в Бреслау (Вроцлав), а на территории Чехословакии еще находилась чуть ли не миллионная группировка фашистских войск фельдмаршала Шернера. В Австрии и

Югославии нашим и югославским войскам противостояли бо лее 30 немецких дивизий.

Солдаты, служившие в разных штабах, навещали зем ляков, вели разговоры о скорой демобилизации. Земля кам по секрету сообщали, что якобы со дня на день дол жен поступить приказ начать Пражскую операцию и за одно разделаться с немецкими войсками в районе Дре дена.

В Берлине же 8 мая шла подготовка к свершению юри дического акта об окончании войны.

* * *

8 мая 1945 на Темпельгофском аэродроме один за дру гим поднимались в небо истребители. Перед майором Тюль киным была поставлена задача встретить в небе само леты, которые должны прибыть сюда с делегацией Верхов ного главнокомандования экспедиционных сил союзников.

Подписание акта о военной капитуляции Германии сос тоялось в помещении бывшего Берлинского военно-инженер ного училища. В зал входят Г. К. Жуков, гл. маршал ави ации Теддер. За ними следуют к своим местам остальны представители союзных государств, члены делегации. Кре сла, стоящие под национальными флагами, занимают Мар шал Советского Союза Г. К. Жуков, Теддер, Спаатс, Вы шинский, Бэрроу, Делатр де Тассиньи. Центральный сто занимают представители союзных держав — генералы Крас ной Армии, командовавшие частями, овладевшими Берли ном. За столом прессы — советские и иностранные журна листы.

— Господа, — говорит Маршал Жуков, — мы собрали по уполномочию Главного командования Красной Армии Верховного главнокомандования экспедиционных сил со юзников принять условия безоговорочной капитуляции о командования вооруженных сил Германии.

В зал приглашаются генерал-фельдмаршал германско армии Кейтель, адмирал Фридебург, генерал-полковни Штумпф.

Снова говорит маршал Жуков:

— Господа, сейчас предстоит подписание акта о безого ворочной капитуляции. Я обращаюсь к представителя Германского Верховного главнокомандования с вопросом



имеют ли они на руках акт, ознакомились ли с ним, согласны ли представители Верховного главнокомандования подписать этот акт?

С этими же вопросами к представителям командования немецкой армии обращается главный маршал авиации Теддер.

— Да, я согласен, — тихо произносит генерал-фельдмаршал немецкой армии Кейтель и передает маршалу Жукову документ Главной Ставки, подписанный гросс-адмиралом Деницем, уполномачивающий Кейтеля, как шефа командования вооруженными силами и одновременно как командующего армией фон Фридебурга, как командующего ВМС, Штумпфа от немецких ВВС — подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Маршал Жуков предлагает уполномоченным верховного командования германской армии подойти к столу и подписать акт.

Кейтель, Фридебург и Штумпф один за другим подписывают акт.

* * *

С утра 9 мая район облетела долгожданная весть: «Победа! Конец войне!». Первыми в Сенгилее об этом узнали телефонистки и телеграфистки. Люди за многие сотни километров с искренней радостью поздравляли их с великой Победой.

На старой центральной площади города в 12 часов дня состоялся торжественный митинг рабочих, колхозников, интеллигенции, учащихся. Открыл его председатель городского Совета Александр Васильевич Ваняшин.

С проникновенными, трогающими душу словами к собравшимся обратился первый секретарь РК ВКП(б) Михаил Михайлович Правиков. Он поздравил всех собравшихся с великой выстраданной Победой и призвал к новым трудовым свершениям во имя дальнейшего укрепления экономического могущества нашей Родины.

Стахановка из плодокомбината Симонова, обращаясь ко всем жителям Сенгилея, сказала:

— Мы сделали все, что могли, для того, чтобы приблизить эту победу. Земной поклон Вам, милые труженики и труженицы. Будем и дальше работать с таким же напряжением сил и энергии, как и в дни великих сражений с гит-

леровской Германией. Приложим все силы к тому, чтобы цвела и крепла наша Родина, и пусть никогда эта проклятая война больше не повторится.

* * *

6620 жителей из нашего района ушли в эти грозные годы на защиту Отечества. Из них 3390 навеки остались на полях сражений.

Что может сравниться с этой потерей?

Вечная слава павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины. Вечная память им.

Но мы склоняем головы и перед теми скромными людьми, которые, затаив в себе горечь утрат, изо дня в день ковали победу над ненавистным врагом здесь, в тылу. Ели щавель и картошку, пухли от голода, но обеспечивали фронт всем необходимым.

Труженики района за годы войны отправили государству 1500 тыс. пудов хлеба, 700 тысяч пудов картофеля, 10500 центнеров мяса, 27000 центнеров молока, 55 тонн шерсти, 770 тысяч яиц. Сейчас эти цифры кажутся более чем скромными, но тогда... Тогда совершить подобное было очень и очень трудно.

Жители района собрали в фонд обороны 3137 тысяч рублей, реализовали на 5570 тысяч облигаций военных займов и билетов оборонной лотереи.

Коллектив плодокомбината отправил для фронтовиков 37 тонн мясных консервов, 115 тонн сушеных и 950 тонн соленых овощей. Рабочие промкомбината для защитников Родины сваляли 6500 пар валенок, изготовили 500 пар лыж, 130 воинских повозок, сшили 12600 комплектов белья, 4500 стеганых брюк.

Цементники отправили на строительство оборонительных сооружений 166 тысяч тонн цемента. И не их вина, что не сделали больше: завод был остановлен из-за отсутствия топлива. Рабочие лесхоза поставили для оборонной промышленности 10 тысяч ружейных болванок, снабжали дровами военные училища г. Ульяновска и воинские части.

А ведь на всех этих предприятиях и в колхозах 95 процентов работающих составляли женщины, подростки, престарелые и инвалиды.

Пожалуй, не следует забывать и того, что жители рай-



она, кроме всего упомянутого, из своих скудных запасов собрали и отправили родной Красной Армии 23000 пудов муки, 4000 пудов крупы, 200 килограммов масла, 17 центнеров меда, 10 центнеров махорки и много иных нехитрых вещей, именуемых в народе подарками.

Трудно жилось колхозникам, но они ни на минуту не забывали, что еще труднее приходится людям, побывавшим под пятой гитлеровских оккупантов. Только в начисто ограбленный Ближне-Игуменский район Курской области колхозы и совхозы по решениям общих собраний отправили не менее ста голов молодняка крупного рогатого скота, две с половиной сотни овец, тысячу кур, плуги, бороны, конскую сбрую, пилы, топоры, рубанки. Школьники собирали учебники, листы бумаги (тетрадей у самих не было), карандаши, кое-что из одежонки и отсылали все это ребятам освобожденных районов, чтобы они имели возможность учиться.

Вот все это вместе взятое и являлось частицей того «Чуда XX века», о котором в годы войны так много писали английские, американские и иные зарубежные газеты. Их люди жили лучше нас, зажиточнее, но каждый для себя. Нам же прибавляло сил и решимости то, что каждый советский человек вносил в великое дело победы свою долю, был у всех на виду.

* * *

До сих пор речь шла о тех, кому повезло, кто вернулся из боя. Но таких было не очень много. Почти половина участников боев за Берлин навеки осталась на полях сражений. Совсем немного не дожил до Победы коренной волгарь, кавалер трех боевых орденов старший лейтенант Борис Сутырин.

Всего 8 дней не дожил до победы сенгилеевский юноша, кавалер ордена Отечественной войны II степени Николай Котенков. 24 апреля под Берлином погиб 22-летний Иван Васильевич Калинин. А сколько подобных им безымянных героев покоится еще в чужой земле?!

* * *

Год 1945-й труженики района начали неплохо. Меловой завод в Сенгилее (директор Маршак), плодокомбинат (директор Корчун), промкомбинат (директор Гришин) и промартель «Кирпичник» (директор Долников) к началу

мая вырвались вперед по производству промышленной продукции и производительности труда. За досрочное выполнение плана капитального ремонта судов «Восстание» (капитан Юдин), «Джон Рид» (капитан Лавров), баркаса «Уса» (капитан Чемоданов), а также за сдачу в эксплуатацию 15 несамоходных и трех самоходных посудин коллектив судоремонтных мастерских был удостоен второй премии Средневолжского бассейна.

Управляющий Сенгилеевской районной конторой «Заготживсырье» Успенский получил поздравительную телеграмму заместителя наркома заготовок Шарапова и начальника Всесоюзного объединения «Заготживсырье» Старикова, в которых они поздравляли с трудовыми успехами коллектив охотников-промысловиков и заготовителей, выполнивших план заготовки шкур крупного рогатого скота на 120 процентов, пушнины — на 167 процентов и закупок шерсти — на 132 процента.

Весенне-полевые работы в колхозах и совхозе ЗИС (так был переименован совхоз имени Гая в 1942 году) проведены вполне удовлетворительно и в обычные сроки.

20 июня 1945 г. Совет Народных Комиссаров восстановил предоставление очередных отпусков рабочим и служащим, отмененных на период военного времени.

И, пожалуй, впервые за историю существования народного образования в районе решением Ульяновского облисполкома за успешное выполнение плана всеобщего обязательного обучения объявлена благодарность председателю исполкома Сенгилеевского райсовета Е. М. Панову, заведующему районо М. В. Коноваловой, председателю Тушнинского сельсовета А. Емельянову, председателю Мордовинского Совета А. Блюденову и 6 учителям. Кроме того все они премированы месячными окладами.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР большая группа женщин, родивших и воспитавших 7 детей, была награждена орденами «Материнская слава» III степени. Среди них Анна Петровна Красильникова из Елаура, сыновья которой Анатолий и Федор находились на фронте.

Но самая приятная новость содержалась в постановлении Верховного Совета СССР: «В связи с победоносным завершением Великой Отечественной войны против фашистской Германии Верховный Совет СССР счел необходимым до конца 1945 года провести демобилизацию тринадцати возрастов личного состава Действующей Армии».

20 июля в район прибыл первый демобилизованный военнослужащий — младший сержант И. И. Власов из Бекетовки. Как только он сошел с парохода в Р. Бектяшке, его встретили работники МТС. Быстренько на автомашине привезли его семью. В машинно-тракторной станции состоялся торжественный митинг, после окончания которого Власова с семьей доставили в родную Бекетовку. Здесь фронтовика-победителя встречали уже все жители села. Горячо поздравили с победой, пожелали доброго здоровья. Второй в этот день митинг вылился в задушевный разговор о делах МТС, колхоза и планах на будущее. Закончилась встреча товарищеской вечеринкой.

Через три дня торжественно встречали первую группу демобилизованных в Сенгилее — участника боев за Берлин рядового Титова и одного из освободителей Варшавы старшего сержанта Адамова. На торжественном митинге прибывших приветствовали райвоенком Музыченко, секретарь райкома по кадрам Балабанов. Поздравили с наградами. Оказывается, утром радио передало сообщение о том, что по ходатайству Наркома обороны Президиум Верховного Совета СССР учредил семь новых медалей: «За взятие Будапешта», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги», «За освобождение Белграда» и «За взятие Вены». Поздравили их с награждением как минимум еще одной медалью. Пожелали доброго здоровья и успехов в труде воспитанница детского дома Маша Богданова и ученица средней школы Тацилина.

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Телевидения тогда еще не было, но радио работало, и люди не отходили от репродукторов, ловя каждое слово, доносившееся из столицы. Тогда мы еще не знали, что кандидатов на парад отбирали тщательнее, чем красавиц на конкурс красоты. Негласное условие предписывало, чтобы участник парада был ростом не менее 170 сантиметров, умел с шиком носить форму и браво чеканить шаг.

Участниками сводных полков становились, как правило,

ветераны подразделений, стоптавшие на фронтовых дорогах не одну пару сапог, обязательно отмеченные боевыми орденами и медалями.

24 июня по московской брусчатке торжественным маршем прошли 50 тысяч воинов. К празднику каждому из них пошили мундиры из английского сукна, подпоясали ремнями, изготовленными в Америке.

Из нашего района в параде участвовали Александр Степанович Ларехин, Николай Михайлович Кувшинов, Иван Иванович Семьянов, Станислав Павлович Милевский.

Каждый из участников Парада в качестве подарка получил от союзников бритву, кусок хорошего мыла и прочие мелочи.

В параде принимал участие доселе невиданный духовой оркестр, состоящий из 1250 музыкантов. Управляли им три дирижера. Зрелище было незабываемое, особенно когда к подножию Мавзолея бросали немецкие штандарты.

* * *

7 июля 1945 года Президиум Верховного Совета СССР в связи с победой над фашистской Германией объявил широкую амнистию. Из мест лишения свободы по Постановлению Верховного Совета СССР были освобождены все несовершеннолетние, все самовольно оставившие работу на оборонных предприятиях, осужденные за мелкие хищения. Амнистировали дизертиров и лиц, совершивших преступления в воинских частях, не связанные с изменой Родине. Уменьшены строгие наказания осужденным, имеющим высокие правительственные награды. Не подлежали амнистии осужденные по политическим мотивам (все пункты ст. 58 УК РСФСР).

Общее количество амнистированных по району назвать невозможно из-за отсутствия данных, но по Сенгилею счет их шел на сотни, особенно подростков и женщин, имеющих детей малолетнего возраста.

На смену освобожденным из тюрем и лагерей приходили другие. С началом уборки урожая в тушнинском колхозе им. Куйбышева арестовывали сразу группами. В августе 1945 за хищение 70 пудов зерна были арестованы четверо. Кстати, подобных случаев имелось много.

Бороться с хищением зерна пробовали разными методами. Ульяновский облисполком в соответствии с постановлением Совнаркома СССР запретил колхозам, колхозникам и единоличным хозяйствам продажу и обмен зерна, муки и даже печеного хлеба впредь до выполнения областью плана хлебозаготовок. Контроль за выполнением постановления был возложен на органы милиции и Наркомзага.



# ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

8 августа Народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, как сообщило московское радио, принял японского посла г-на Сато и от имени Советского правительства сделал ему заявление о том, что после разгрома гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны. Требование трех великих держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая — от 26 июля 1945 г. о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил японским правительством было отклонено.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания ее, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению мира.

«Верное своему союзническому долгу Советское Правительство заявило, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией», — сказал В. М. Молотов.

Утром 9 августа на предприятиях, в колхозах, учреждениях, в МТС, селах состоялись митинги. На них трудящиеся района одобрили политику Советского Правительства по японскому вопросу.

А в это время войска первого Дальневосточного фронта под командованием Маршала Советского Союза Мерецкова, наступая вдоль железной дороги Пограничная—Харбин, форсировали реку Муданьцзян и вступили в бой за одноименный железнодорожный узел. К вечеру заняли населенные пункты Сандаоган, Шичжансигоу и другие.

Войска 2-го Дальневосточного фронта генерала армии Пуркаева, наступая по обоим берегам Сунгари, с боем заняли город и железнодорожную станцию Синьшаньчжень.

Задачей наступления был разгром главной ударной силы Японии — Квантунской армии, развернутой в Маньчжурии и Корее. Ведущая роль в ее разгроме отводилась Забайкальскому фронту Маршала Малиновского. Этот фронт наносил главный удар на Чаньчунь-Мукден.

Войска первого и второго Дальневосточного фронтов, чтобы расчленить группировку японских войск в полосе их действия, наносили удары на Гирин и Харбин, Порт-Артур и Дальний, а также совместно с кораблями Тихоокеанского флота отрезали пути отхода Квантунской армии в Корею.

Нашим войскам на этом направлении предстояло преодолеть пустынную степь и горный хребет Большой Хинган, который японцы считали непреодолимым препятствием.

Боевые действия Советская Армия начала с утра 9 августа на всех фронтах. Тихоокеанский флот перерезал морские коммуникации Квантунской армии, советская морская авиация наносила бомбовые удары по базам японского флота в Корее. Кстати, на кораблях Тихоокеанского флота в это время служил сенгилеевец Павел Афанасьевич Кузнецов, а начинку для мин и торпед морской авиации готовил минер-торпедист Алексей Михайлович Минеев из Кротково, считавшийся одним из лучших специалистов флота по этой части.

Пожалуй, никогда не изгладится из памяти Николая Ивановича Шашкова из Кротково неприветливый и коварный нрав пустыни Гоби, где больше всего на свете ценится глоток воды. Первый отдельный мотострелковый полк и третья рота первого батальона, где он служил на самой границе Монголии в Дзамын Удд, на южном крыле Забайкальского фронта, и начала свой боевой отсчет километрам их конно-механизированная группа, состоящая из советско-монгольских войск. Наступление они вели от Калгана на Эрлянь. Вечером 12 августа подошли к юго-западным отрогам Большого Хингана, где разбили и обратили в паническое бегство седьмую кавалерийскую дивизию противника.

В последующие дни советские войска вместе с монгольскими конниками преодолели горы Большого Хингана на главном направлении, и их подвижные части вышли в глубокий тыл Квантунской армии. За 6 дней войска Забайкальского фронта расчленили армию и сломили ее сопротивление на многих направлениях.

С материка через Николаев шли войска, обеспечивающие охрану побережья, входившие в состав 2-го Дальневосточного фронта. В числе личного состава 5-й мотострелковой бригады был Михаил Фомич Молчин, ныне работающий в Силикатненской участковой больнице. Взяли города Усийоро, Сикука, захватив в плен огромное количество японских солдат и офицеров.

Ожесточенные бои шли за овладение Чжайлар-Маньчжурским укрепленным районом, где пришлось воевать Михаилу Андреевичу Гурьянову из Бекетовки, да не у кого-нибудь, а в составе 32-го полка гвардейских минометов, 205-й танковой бригады генерала В. А. Бурмасова. В жесточайшем бою форсировали Аргунь на участке Богдановка—Староцурухайтуй. Затем сломали сопротивление японцев на Хайларском направлении. После Хайлара 19 августа взяли Цыцыкар.

Укрепления у японцев были очень мощные. Участником прорыва Халун-Арцанского укрепленного района был Николай Федорович Видинеев из Бектяшки.

Всего 6 суток понадобилось войскам первого Дальневосточного фронта, чтобы прорвать оборону противника и полностью разгромить группировку Квантунской армии на востоке Маньчжурии. К 14 августа они продвинулись вглубь Маньчжурии на 17 километров и отрезали Квантунскую армию от Кореи.

Много волгарей участвовали в той войне с Японией, особенно на Забайкальском фронте. Именно они, развивая наступление к востоку от большого Хингана, с боями овладели городами Тяоянь, Линон, Дабаньшань, Любей, Чоканьюй, Тунюань и другими.

Правительство Японии, начиная с третьего дня войны, заняло колеблющуюся позицию. Вчера оно заявляло, что готово принять Потсдамскую декларацию, сегодня идет на попятную, и так продолжалось все три недели войны. Скорее всего, это были попытки договориться с американцами и англичанами о мире и усилить войну против Советского

Союза. Не напрасно же американский президент Г. Трумен вдруг начал заявлять, что Курильские острова являются японской, а не советской территорией. С ним даже о зоне оккупации договориться не удалось, ни на корейской, ни на японской территориях.

Особенно трудно стало работать с американскими представителями после того, как Советское командование отдало приказ о высадке десантов на Южный Сахалин и на Курилы. Союзники нервничали.

Там, на Дальнем Востоке, требовалось значительное количество специалистов, хорошо знающих понтонное дело. В большинстве это были люди, прошедшие Балтику. Одним из них был Федор Иванович Антипов. Прибыл он сюда после взятия Кенигсберга. Был парторгом роты понтонно-мостового батальона. После окончания войны с Японией работал начальником планово-экономического отдела Сенгилеевского цементного завода.

Так же, как и Антипов, и с того же самого завода прибыл на Дальний Восток прошедший суровую школу войны в Восточной Пруссии Александр Николаевич Клопков, рабочий Сенгилеевского цементного завода.

Довоевывать после взятия Берлина прибыл елаурский танкист Алексей Егорович Ургалкин. Войну он закончил в Харбине.

На кораблях Тихоокеанского флота во Владивосток доставлял из Америки грузы по ленд-лизу всю войну — и Отечественную, и японскую — Иван Николаевич Зимин. После войны работал зам. директора завода силикатных изделий.

Александр Дмитриевич Ермилов всю Отечественную воевал в составе первого Белорусского фронта в качестве сержанта. На забайкальском фронте из него получился хороший командир роты.

Наш земляк Иван Меркулович Беляшин и на гражданке считался очень толковым человеком, хотя имел за плечами всего три класса сельской школы. Он оказался единственным из участников войны, который сумел раскрыть японский военный секрет «яма», за что был награжден медалью «За отвагу» и получил благодарность командующего фронтом.

Григорий Порфирьевич Муравьев служил в 24-ом железнодорожном эксплуатационном полку. Во время войны с Японией работал водителем мотовоза, перевозил по маньчжурским дорогам грузы для фронта, а на обратном пути из палаточных госпиталей вывозил раненых. Живет в поселке Силикатный.

Этот список можно было бы продолжать и продолжать.

Удары советских войск были настолько сильны, что Квантунская армия была сокрушена за три недели. 2 сентября 1945 г. в 10 часов 30 минут по токийскому времени на борту американского линкора «Миссури», находившегося в водах Токийского залива, состоялось подписание акта о капитуляции Японии.

2 сентября по Всесоюзному радио был передан Приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, адресованный Главнокомандующему Советскими войсками на Дальнем Востоке Маршалу Советского Союза А. В. Василевскому. В нем Верховный, сообщая о победе над Японией, назвал лучшие части, корабли и соединения Советской Армии и Военно-Морского Флота, особо отличившиеся в боях с японскими милитаристами.

В тот же день вечером был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. В нем говорилось, что в ознаменование Победы над Японией отныне устанавливается, что 3 сентября является днем всенародного торжества советского народа, праздником Победы над Японией.

6-го сентября 1945 г., в связи с окончанием войны с Японией, Президиум Верховного Совета СССР принял закон о распространении 13-ти демобилизационных возрастов на войска Красной Армии, находящиеся на Дальнем Востоке.

* * *

Страна, в том числе и наш район, жили своей обычной жизнью. На полях заканчивалась уборка зерновых. Не очень быстро, но в связи с демобилизацией на предприятиях, в колхозах, школах, больницах прибавлялось количество высококвалифицированных кадров, в МТС поступили первые три новенькие трактора, к новому году руководство области обещало подослать несколько автомобилей. Всех демобилизованных брали на учет, работу им можно было подбирать по желанию.

29 сентября в Сенгилеевской средней школе состоялся

вечер встречи с Героем Советского Союза Н. Н. Вербиным, находившимся в Сенгилее проездом. Традиции военных лет сохранялись.

В конце октября в Сенгилее была сдана в эксплуатацию городская электростанция, а помещение, которое она занимала, было решено переоборудовать под общественную баню. В Русской Бектяшке своими силами закончено строительство мельницы. Это были первые послевоенные новостройки в районе.

## ПРИМЕЧАНИЯ


1. Уральцев А. М. 1917 год в Симбирской губернии.—1967, Приволжское книжн. издательст. стр. 261
2. Гнутов М. А. За власть Советов. Приволж. кн. изд., 1966, стр. 32.
3. Там же стр. 33.
4. Саблин С. Борьба за власть Советов в Симб. губ. (сб. воспомин. Ульяновск, 1957 г., стр. 217).
5. Гнутов М. А. За власть Советов. Приволжск. кн. изд., 1966 г., стр 8.
6. Гнутов М. А. Там же, стр. 33.
7. Гнутов М. А. Там же, стр. 35.
8. Гнутов М. А. Там же, стр. 37.
9. Борьба за установление и упрочение Сов. власти в Симбирской губ. Сборник документов, Ульяновск, 1957 г., стр. 29—30.
10. Там же, стр. 34—35.
11. Там же, стр. 48.
12. Там же, стр. 63.
13. Там же, стр. 51.
14. Там же, стр. 52.
15. Там же, стр. 54.
16. Там же, стр. 59.
17. Переписка секретаря ЦК РСДРП(б) с местными парторганизациями, М., 1957 г., стр. 389.
18. Гнутов М. А. За власть Советов, 1966 г., стр. 67.
19. Там же, стр. 50.
20. Журнал «Наш современник», 1987 г., стр 234.
21. Там же, 1988 г., стр. 198.
22. Арапетян Г. А. Легендарный Гай, М., 1964, стр. 77.
23. Гай Г. Борьба с чехословаками на Волге М., 1931, стр. 18.
24. Там же, стр. 12.
25. Гай Г. В боях за Симбирск—Ульяновск, 1928 г., стр. 10.
26. Гай Г. Там же, стр. 14.
27. Гай Г. Там же, стр. 16.
28. Гай Г. Там же, стр. 18.
29. Гражд. война в Симб. губернии, Ульяновск, 1957 г. стр. 20.
30. ГАУО ф. 1 оп. 1 д. 20, лл. 22—24.
31. Кондрашева Н. Комбеды, газета «Путь Ленина» за 4 июня 1967 г.
32. ЦГАОР, ф. 393, оп. 357, д. 357, лл. 179—182.
33. Газета «Экономический путь» за 19 янв 1919 г.
34. Протоколы V Уездного съезда Советов, Сенгилей.
35. Там же.
37. ПАУО ф. 1 оп. 1 д. 20 л. 224.
38. ПАУО ф. 1, д. 53 л. 26.
39. Миронов В. Мятеж. «Народная газета» за 14 сентября 1994 г.
40. Там же.
41. Там же.
42. Лысихин Н. Ф. Разгром контрреволюционного мятежа на Волге в 1919 г. Куйбышевск. музей краеведения, 1963 г.

43. Там же.
44. Скобелкина Е. Б. Симбирские большевики в борьбе с кулацким мятежом весной 1919 года. Ученые записки Ульяновского педагогического института т. XXII, стр. 115.
45 Там же, стр. 121—125.
46. ГАУС, ф. 124 (200, оп. 4 с., дело 1, лл. 193—194).
47. Вирабов Н. «От моря и до моря» газ. «Комсом. правда» за 28 мая 1991 г.
48. Ленин В. И. ППС, издание 5, т. 38, стр. 39—40.
49. Миронов В. Мятеж «Нар. газета» за 16 сентября 1994 г.
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же.
53. Там же.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же.
57. Там же.
58. Миронов В. Мятеж «Народная газета» за 16 сент. 1994 г.
59. Село Бекетовка (рукопись). Архив автора.
60. Там же.
61. Рукопись в Сенгилеевском краеведч. музее.
62. Рукопись В. О. Беднякова в Сенгилеевском краевед. музее.
63. ГАУС ф. 393, оп. 3, д. 359, л. 308.
64. Лысихин Н. Ф. Разгром контрреволюц. мятежа на Волге.
65. Там же.
66. Там же.
67. Там же.
68. Там же.
69. Там же.
70. Скобелкина Е. Б. Симбирские большевики в борьбе с кулацк. восстан.
71. Лысихин Н. Ф. Разгром контрреволюцион. мятежа на Ср. Волге.
72. Там же.
73. Там же.
74. Там же.
75. Там же.
76. Там же.
77. Письмо М. В. Фрунзе В. И. Ленину. Сборник «Самарская губерния в годы гражданской войны» (докумен. и материалы) Куйбышев, 1958, стр. 250.
78. Там же, стр. 251.
79. Абраменков Ст. Чрезвычайный налог, газ. «Слово молодежи» за 21 июля 1990 г.
80. Звягин В. Никто пути пройденного у нас не отберет, газ. «Московские новости» № 45 за 10.11.1991 г. со ссылкой на ГАОР ф. 130, оп. 3, д. 160, л. 58.
81. ПАУО ф. 1, оп. 1 д. 53, л. 6—7.
82. ПАУО оп. 1, д. 53, лл. 8—9.



83. Там же, л. 22.
84. Протоколы уездного съезда Советов.
85. Там же.
86. Там же.
87. Там же, стр. 16.
88. ПАУО ф. 1, оп. 1 д. 53. л. 30.
89. Ленин и Самара (сбор. документов и материалов) г. Куйбышев 1966 г. стр. 145 со ссылкой на ЦПА ИМЛ ф. 2 оп. 1 д. 20216.
90. ПАУО ф. 1, оп. 1 д. 53 л. 32.
91. Уральцев А. М. На стыке эпох, газ. «Путь Ленина» за 29. 04. 66 г.
92. Газета «Заря», Симбирск, 1919, № 110.
93. 1919 год в Средневолжском краю (сборник документов).
94. Шимонек Е. Первые субботники в Сенгилеевском уезде. Газ. «Путь Ленина» за 11. 04. 89 г.
95. ПАУО ф. 1, оп. 1, д. 53 л. 34.
96. ГАУО ф. 126, оп. 1, д. 16 лл 24—25.
97. Отчет Сенгилеевского уездного исполкома XI уезд съезду Советов. Изд. типографии Сенг. уисполкома, 1922 г., стр. 27.
98. Там же, стр. 58—60.
99. Там же, стр. 61—89.
100. Газета «Труженик» за 15. 12. 1921 г.
101. Отчет Сенгилеевского уезд. исполкома XI уездн. съезду Советов, Сенгилей, 1922, стр. 17—22.
102. Там же, стр. 12—16.
103. Там же, стр. 7.
104. Вирабов Н. От моря до моря, газ. «Комсомол. правда» за 28 мая 1991 г.
105. Отчет Сенг. уездн. исполкома, стр. 24—33.
106. Уральцев А. М. Трудный 21-й год, газ. «Путь Ленина» за 21. 11. 66 г.
107. Газета «Труженик» за 26. 01. 22 г.
108. Там же, за 24. 02. 22 г.
109. Там же, за 22. 12. 21 г.
110. Отчет Сенг. уезд. исполкома с 5. 02. по 17. 11 1922 г., Сенгилеевская типография, 1922 г., стр. 8—9.
111. Там же, стр. 10.
114. Там же, стр. 46—48.
113. Там же, стр. 60.
112. Там же, стр. 17—22.
115. Отчет Сенг. уездн. исполкома Сенгилей, 1922, стр. 154—160.
116. Там же, стр. 112—115.
117. Там же, стр. 154—160.
118. Там же, стр. 49—57.
119. Журнал «Др. народов», М., 1989, № 5, стр. 208.
120. БСЭ, изд. 3-е, т. 8, М., 1973 г., стр. 92.
121. Глейзер М. История эмиссии расчетных знаков РСФСР, журнал «Советский коллекционер», 1980 г. № 18, стр. 139.
122. Газета «Пролетарский путь» за 14, 07. 1923 г.

123. Журнал «Советский коллекционер», М., 1966 г. № 4, стр. 83.
124. Газета «Пролетарский путь» за 28. 11. 1923 г.
125. Головчинар Я. М. Борьба с трудностями восстановления народного хозяйства в Симб. губернии в 1923 г. «Краеведческие записки», вып. II, 1958 г. Ульяновск, стр. 127—158.
126. УОПА ф. 1, оп. 1, дш. 900, л. 39.
127. Головчинер Я. М. Борьба с трудностями восстановления народного хозяйства в Сим. губернии, стр. 156.
128. Ленин и Симбирск. Приволж. книж. изд. 1982 г., стр. 494.
129. БСЭ, изд. 3, том 8, 1973 г., стр. 92.
130. УОПА, ф. 1 оп. 1 д. 121.
131. Местный бюджет и хозяйство Ульяновской губернии за 1925—26 гг. Изд. Губфинотдела, 1927 г. стр. 118.
132. ПАУО, ф. 1. д. 824 лл. 8—14.
133. Колхозы Ульяновского округа. Изд. Окр. союза колхозов, Ульяновск, 1929 г. стр. 35.
134. Списки населенных мест Ульян. округа. Изд. Окрплана, Ульяновск, 1928 г. стр. 33.
135. Архив автора.
136. Бухарин Н. О новой экономической политике и наших задачах. Москва, 1927 г. стр. 12—15.
137. Шимонек Е. Из истории цемзавода, газ. «Путь Ленина» за 12. 06. 80 г.
138а. Шипунов Ф. Великая замятня, журн. «Наш соврем.», М. № 5, стр. 212.
138. Шипунов Ф. Великая замятня. журн. «Наш соврем.» М. 1989 г. 1989 г., № 12, стр. 154.
139. Список населенных мест Ульяновского округа Средне-Волжск. края. Изд. Окрплана 1928 г. стр. 33—36.
140. Журнал «Дружба народов», 1989 г. № 5, стр. 213.
141. УОПА ф. 1. оп. д. 6 лл. 27—28.
142. Газета «Пролетарский путь» за 15. 02. 29 г.
143. Газета «Пролетарский путь» за 27. 05. 29 г.
144. История индустриализации. Ср. Поволж. (1926—41 гг.) г. Куйбышев, 74 г., стр. 70—71.
145. Средне-Волжский край (справочник) М. С. 1930, стр. 352.
146. КПСС в резолюциях т. 2 изд. 7-е 1953, стр. 352.
147. Шипунов Ф. Великая замятня «Наш современ». 1990 г. № 3, стр. 122.
148. Газета «Ударник» за 16 июня 1932 г.
149. Шипунов Ф. Великая замятня, ж. «Наш современник», 1990, стр. 120.
150. Там же, стр. 123.
151. Заворотный С., Положевец П. Операция голод, «Комсомольская правда» за 3 февраля 1990 г.
152. Газета «Ударник» за 26. 10. 1934 г.
153. Газета «Ударник» за 4 ноября 1934 г.
154. Газета «Ударник» за 24 октября 1934 г.
155. Газета «Ударник» за 1938 г. С. Меркулов. Прошлое и настоящее Сенгилея.



156. Население Сенгилея. Газ. «Ударник» за 14. 02. 36 г.
157. Промфинплан колхоза «Путь Ленина». Газ. «Ударник» за 27. 05. 38 г.
158. Газета «Ударник» за 29.05.34 г.
159. Торговля. Газ. «Ударник» за 10. 03. 39 г.
160. Волкогонов Д. А. «Триумф и трагедия», кн. 1, ч. II, М., 1989 г. стр. 272—273.
161. Там же, стр. 274.
162. Пушкарев К. П. газ. «Ударник» за 3 сентября 1938 г.
163. Письмо С. М. Симонова, газ. «Ударник» за 18 сент. 1938 г.
164. Газета «Ударник» за 26 августа 1928 г.
165. Газета «Ударник» за 11 мая 1939 г.
166. Газета «Ударник» за 12 июня 1939 г.
167. Газета «Сталинский организатор» за 5 января 1939 г.
168. Там же, за 8 января 1939 г.
169. Там же, за 25 июня 1939 г.
170. Там же, за 15 марта 1939 г.
171. Там же, за 18 марта 1939 г.
172. Там же, за 27 августа 1939 г.
173. Там же, за 17 сентября 1939 г.
174. Там же, за 25 июля 1939 г.
176. Субботина М. Тагайский рубеж, «Народная газета» за 22 июля 1994 г.
177. Невзоров Б. Победа там, где ждали поражения. Еженедельник «Аргументы и факты» № 51 за декабрь 1993 г.
178. Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1942 гг. Саратов, 1974 г. Документ № 234.
179. Газета «Сталинский организатор» за 27 января 1943 г.
180. Районный «Боевой листок» за 23 марта 1943 г.
181. Газета «Сталинский организатор» за 25 марта 1943 г.
182. Газета «Сталинский организатор» за 22 января 1943 г.
183. Газета «Сталинский организатор» за 19 августа 1943 г.
184. Газета «Сталинский организатор» за 30 сентября 1943 г.
185. Газета «Сталинский организатор» за 9 марта 1944 г.
186. Гайдашенко К. П. Ступени падения (Документальная повесть) газета «Ульяновская правда» за 28—30 марта, 2 и 4 апреля 1974 г.
187. ПАУО, фонд 8, оп. 6, д. 387 лл. 34—35.
188. Боков Ф. Е. Весна победы, 1980, стр. 152, 157.
189. Андреев К. На прямой наводке, газ. «Путь Ленина» за 9 мая 1970 г.
190. Сенгилеевский краевед. музей. Фонды Суркова В. Г.
191. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, М. стр. 639.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

РЯБОВ Валентин Алексеевич

**СЕНГИЛЕЙ**

(ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ РАЙОННОГО ГОРОДКА ЗА 1917—45 ГГ.)

Редактор П. А. Драченко
Художник Н. М. Уваров
Технический редактор Г. С. Маслова
Корректор Н. А. Артемьева.

---

Сдано в набор 20.09.96 г., подписано в печать 18.10.96. Формат 60х84[1]/16. Бумага газетная. Гарнитура новогазетная, печать высокая. Усл. печ. листов 18,5. Тираж 1000. Заказ 882.
Областное книжное издательство «Симбирская книга». 432021. г. Ульяновск, ул. Гончарова, 52.
Г.П. «Квант». 433380, г. Сенгилей, Володарского, 7. Управление печати и информации администрации Ульяновской области.